ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

16 ноября 1920

М. Акулов
В. Петров

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

16 ноября 1920

М. Акулов В. Петров

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

ББК 63.3(2)712
А 44

Рецензент:
кандидат исторических наук
Ю. А. ЩЕТИНОВ

Акулов М. Р., Петров В. П.
А 44 16 ноября 1920. — М. : Мол. гвардия, 1989. — 239 [1]. с., ил. — (Памятные даты истории).

ISBN 5-235-00746-8

В книге рассказывается о событиях, связанных с завершением гражданской войны на территории СССР, разгромом Врангеля и освобождением Красной Армией Крыма — последнего оплота контрреволюции в 1920 году. Именно 16 ноября 1920 года М. В. Фрунзе телеграфировал в Москву: «Сегодня нашей конницей занята Керчь, Южный фронт ликвидирован».
Книга рассчитана на массового читателя.

А $\frac{0503020400-257}{078(02)-89}$ КБ—059—003—88 ББК 63.3(2)712

ISBN 5-235-00746-8

ВВЕДЕНИЕ

В огненном 1920-м закончилась гражданская война. Как могло случиться, что первое в истории государство рабочих и крестьян, получившее в наследство разруху, голод и эпидемии, выдержало натиск такого мощного вооруженного лагеря реакции, какой до этого не противостоял ни одной революции в истории? Кажется, было сделано все, чтобы, по выражению У. Черчилля, «задушить большевистское дитя в его колыбели». Враги наступали со всех сторон. К августу 1918 года территория Советской Республики, оказавшейся в тесном кольце фронтов, уменьшилась в 9, а население — почти в 3 раза. Но власть Советов выстояла и победила.

Подготовка этой победы начиналась с Великого Октября — поистине «звездного часа» человечества. Поколение пролетариев, совершивших социалистическую революцию, писала вскоре после Октября «Правда», «будет чтиться как рать новых Прометеев, добывших свет для потомков». Эту же мысль выразил в стихотворении «Россия» Валерий Брюсов:

Всех впереди, страна-
вожатый!
Над мраком факел
ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Свергнутые революцией классы, не смирившиеся с поражением, решили погасить этот факел. Здесь полностью подтвердился сформулированный В. И. Лениным вывод: «Революции без контрреволюции не бывает и быть не может» [1]. Опорой контрреволюции стали помещики и буржуа, мечтавшие о реставрации бывших порядков. Военное руководство белогвардейским лагерем приняли на себя генералы и офицеры старой армии. К белому движению примкнула большая часть чиновничества, царской бюрократии, духовенства, всех тех, кто хотел вернуть свои владения и привилегии, отнятые революцией. Лишенные политической власти, но сохранившие экономическое влияние и денежные средства, эти силы развернули яростную борьбу против рабоче-крестьянского государства.

Однако добиться успеха они не смогли. Провал контрреволюционных мятежей Керенского — Краснова под Петроградом, Дутова на Южном Урале, Каледина на Дону убедительно показал, что Советская власть, опирающаяся на поддержку подавляющего большинства населения, имеет неизмеримое превосходство над внутренней реакцией.

Тогда на помощь ей выступил международный империализм, развязав открытую интервенцию против Страны Советов. История свидетельствует, что без этого вооруженного вмешательства извне внутренние контрреволюционные выступления не могли бы принять характера столь длительной и ожесточенной гражданской войны. «Война гражданская у нас... — говорил В. И. Ленин, — слилась с войной внешней в одно неразрывное целое» [2]. Империалистические державы, развязывая войну, руководствовались не только стремлением восстановить в России буржуазно-помещичий строй. Чувство классовой общности с российскими помещиками и капиталистами, ненависть к восставшей «черни» неразрывно связывались у правящих кругов буржуазных государств с защитой собственных интересов, с боязнью, как бы «искры нашего пожара не перелетели на их крыши».

Империалисты осуществляли сухопутную и морскую блокаду Советской Республики. Оккупированные интервентами территории России превращались в базы снабжения антисоветских сил. Белые армии и контрреволюционные правительства поддерживались деньгами, оружием, снаряжением. Антанта вдохновляла, организовывала и финансировала многочисленные заговоры и мятежи, направленные на свержение Советской власти. Там, где контрреволюция брала верх, она неизбежно устраивала «кровавую бойню», мстила трудящимся за то, что они посмели посягнуть на власть имущих. В ходе гражданской войны и борьбы с интервенцией Красная Армия потеряла 1 миллион убитых, общее же число убитых, умерших

от эпидемий и голода, раненых составило 8 миллионов человек.

Весь ход борьбы против белогвардейцев и интервентов показал, что первейшей задачей победившего народа является защита завоеваний Октября. «Всякая революция, — учил В. И. Ленин, — лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»[3]. И партия большевиков сумела поднять миллионы трудящихся на защиту социалистического Отечества. Новый общественный строй, рожденный Октябрем, явился наилучшей формой мобилизации всех сил страны и народа, обеспечил создание для армии прочного тыла, придал рабочим и крестьянам — творцам и строителям нового общества — гигантскую мощь. В самом начале гражданской войны В. И. Ленин предсказывал: «Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа!»[4].

Преодолевая нечеловеческие испытания, советский народ разжал тиски блокады, прорвал кольцо фронтов. К началу 1920 года основные силы внешней и внутренней контрреволюции были разгромлены. Оказались выброшенными за пределы Советской России войска интервентов, кроме японских и 15-тысячного гарнизона англичан в Батуми. Перестали существовать когда-то мощные армии А. В. Колчака и Н. Н. Юденича. Потерпев поражения в упорных боях под Орлом и Курском, Воронежем и Касторной, откатывались на юг белые армии генерала А. И. Деникина. Бежали хваленые «цветные», которыми в деникинском воинстве слыли отборные именные Корниловская, Дроздовская, Марковская, Алексеевская дивизии корпуса генерала А. П. Кутепова, составленные из офицеров, носивших цветные кокарды на фуражках: черно-красные — корниловцы, черно-белые — марковцы, вишнево-белые — дроздовцы, голубо-белые — алексеевцы. Это они обещали первыми ворваться в Москву и разделаться с большевиками.

9 января 1920 года Красная Армия освободила Ростов-на-Дону. После этого наиболее крупная из группировок деникинцев отошла на Северный Кавказ. В нее вошли остатки Добровольческой армии, переформированной теперь уже в Добровольческий корпус, Донской армии и Кавказской армии, переименованной в Кубанскую. Попытки империалистических кругов Антанты помочь Деникину удержаться в Причерноморье потерпели крах. Ни дипломатические демарши, ни поддержка огнем кораблей интервентов не спасли деникинцев от разгрома. 27 марта наступила новороссийская катастрофа

для «добровольцев» и «донцов», а в апреле в районе Сочи почти полностью сдалась в плен Кубанская армия. Ставка империалистов на Кавказ для продолжения борьбы с Советской Республикой оказалась битой. Битой она оказалась и на Правобережной Украине, где действовала группировка генерала Н. Н. Шиллинга. К середине февраля 1920 года с ней было покончено. Только одной изрядно потрепанной группе генерала Н. Е. Бредова удалось прорваться вдоль Днестра на северо-запад под защиту белополяков.

В руках деникинцев оставался только Крым. Сюда отовсюду стекались остатки армии Деникина. Первым прибыл 3-й армейский корпус генерала Я. А. Слащева с приданными ему частями: донской и терской бригадами, чеченским сводным, 1-м стрелковым, кавказским и славянским полками. Не рассчитывая закрепиться в Северной Таврии, Слащев стремительно отходил от Екатеринослава (Днепропетровска) к Крыму. 5 января 1920 года его части находились уже у Мелитополя. Ослабленным в предыдущих боях соединениям 13-й армии Юго-Западного фронта, действующей на крымском направлении, не удалось отрезать слащевский корпус от перешейков. В состав 13-й армии (командующий И. Х. Паука) к этому времени входили 3-я (начдив А. Д. Козицкий) и 46-я (начдив Р. П. Эйдеман) стрелковые и 8-я кавалерийская (начдив В. М. Примаков) дивизии, насчитывавшие всего 6,7 тысячи штыков и 2,8 тысячи сабель. К тому же 3-я стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии охраняли побережье Азовского моря. 21 января к Перекопу подошла только одна 46-я дивизия. Ей противостояло 2,9 тысячи штыков и 4,2 тысячи сабель занявших позиции на перешейках белогвардейцев [5].

В своем первом после отхода в Крым приказе Слащев заявил: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что, пока я командую войсками, — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести» [6]. *Конечно, долг и честь понимались Слащевым по-белогвардейски. Об этом прозревший генерал позднее напишет в своих воспоминаниях. Но бесспорно, что был он противником решительным, умелым и жестоким. Эти качества проявились еще в бытность Слащева начальником штаба казачьего отряда Шкуро, а затем в должности командира Чеченской конной дивизии, оставившей свой кровавый след на Украине. «Слащевский» режим, установленный в Крыму, был открытой военной диктатурой — так аттестуют его даже белогвардейские писатели. «Слащев упивался своей властью, — пишет в своих воспоминаниях «Конец белых» врангелевский журналист Г. Раковский, — в буквальном смысле слова измывался над несчастным и забитым населением полуострова. Никаких гарантий*

личной неприкосновенности не было. Слащевская юрисдикция, процветавшая на станции Джанкой, где находился штаб крымского диктатора, сводилась к расстрелам. Горе было тем, на кого слащевская контрразведка обращала внимание» [7]*. Известен такой факт. 22 марта 1920 года даже военно-полевой суд в Севастополе, рассматривая дело десяти арестованных по обвинению в подготовке вооруженного восстания, пятерых вынужден был оправдать по явной недоказанности обвинения. Узнавший об этом Слащев сразу же помчался в Севастополь, вывез арестованных в Джанкой, где и приказал всех расстрелять, цинично заявив: «Только потому в России у нас остался один Крым, что мы мало расстреливали»* [8]*. Подобная деятельность Слащева не смущала «демократов» Антанты, немедленно пришедших ему на помощь. Две канонерские лодки интервентов, вооруженные тяжелой артиллерией, постоянно находились в районе Геническа, охраняя правый фланг слащевского корпуса.*

Первое сражение на Перекопском перешейке разгорелось 23—24 января 1920 года. Вначале 46-й дивизии удалось взять Перекоп и Армянский базар (Армянск), но, бросив в бой свои резервы, Слащев вновь оттеснил ее за перешеек. На помощь ей под Перекоп 28 января была переброшена 8-я кавалерийская дивизия. Однако проведенная в этот день атака успеха не имела. В ходе боевых действий в феврале 46-я дивизия вновь заняла Армянский базар. Нащупывая слабые места в обороне белых, 138-я бригада этой дивизии совершила смелый налет на сильно укрепленный пункт Тюп-Джанкой (Предмостное), расположенный на крымской стороне Чонгарского пролива. Молодой комбриг Маркиан Германович за отлично проведенную операцию был награжден орденом Красного Знамени.

Однако центральный узел сопротивления — Перекоп — оставался у белых.

Новая попытка ворваться в Крым была предпринята в марте. Командование 13-й армии создало ударную группу. Утром 8 марта она перешла в наступление и прорвала оборону белых на Перекопском перешейке, заняв через два дня Юшунь. Но для развития успеха сил не хватило, подкреплений фронт не дал. Срочно перебросив сюда резервы, белогвардейцы неожиданной и сильной контратакой вытеснили советские части из Крыма на исходные позиции, а затем на рубеж Ново-Павловка, Чаплинка, Перво-Константиновка. Потери наших войск были настолько серьезными, что пришлось Эстонскую и 46-ю дивизии слить в одну, с сохранением названия 46-й. Командиром ее назначили Ю. В. Саблина.

Красноармейцы и командиры частей и соединений 13-й армии

в январско-мартовских боях 1920 года вели себя геройски. Однако овладеть Крымом в этот период не удалось. Реввоенсовет и главком Республики, командование Юго-Западного фронта (А. И. Егоров, И. В. Сталин) допустили серьезную ошибку. Недооценив белогвардейскую группу Слащева, они не направили сразу достаточных сил для ее ликвидации, а к мартовскому наступлению наших войск она уже довольно окрепла. Сказались и неблагоприятные условия этих дней весны, затруднявшие переброску артиллерии и перегруппировку войск.

На допущенные просчеты обратил внимание В. И. Ленин. В письме на имя заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянского от 15 марта 1920 года он указывал:

«Нужно постановление РВС:

обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)

— все усилия на исправление ошибки...

Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом необходим немедленно»[9].

Исправить допущенную ошибку оказалось не так легко. Неудачи наших войск в январско-мартовских боях 1920 года позволили белогвардейцам, засевшим в Крыму, привести себя в порядок. Усиленные переброшенными сюда с Кавказа и Украины остатками деникинских армий, они стали реальной угрозой для Советской власти. «Крымская заноза» надолго засела в теле Республики Советов. О том, как ее ликвидировали, о завершающем этапе гражданской войны пойдет речь в этой книге.

Глава 1

«ПРАВИТЕЛЬ ЮГА РОССИИ»

Победа над деникинщиной означала коренной перелом в ходе гражданской войны в пользу Советской Республики. Стране были возвращены важнейшие продовольственные, топливные и сырьевые районы: Урал, Сибирь, Туркестан, Украина и Северный Кавказ. «...Решающую победу на решающих фронтах гражданской войны мы одержали»[1], — заявил В. И. Ленин в докладе на IX съезде РКП(б) в марте 1920 года. Однако война на этом не закончилась. Еще раз подтвердилась истина марксизма, что даже самые крупные поражения не ослабляют желаний и стремлений реакционных классов вернуть утраченную власть. Советскому народу пришлось выдержать еще одно серьезное испытание, чтобы окончательно поставить точку в гражданской войне.

Империалисты не отказались от намерений силой свергнуть Советскую власть. Как выразился 3 декабря 1919 года государственный секретарь США Р. Лансинг, это являлось «правом и интересом, если только не долгом Соединенных Штатов Америки и других просвещен-

ных наций земного шара...»[2]. В середине декабря 1919 года на Верховном совете Антанты обсуждаются планы совместного выступления пограничных государств против Советской России. Но организовать его было не так просто. Успехи Красной Армии, нарастание революционного движения трудящихся заставили буржуазные правительства сопредельных стран объявить о нейтралитете, а потом пойти на переговоры с нами. 2 февраля 1920 года был подписан мирный договор РСФСР с Эстонией, положивший начало установлению нормальных государственных отношений между соседями.

В этих условиях Антанта основную ставку в новом антисоветском походе делает на буржуазно-помещичью Польшу. Подстрекаемые Антантой, правители Польши рассчитывали, что разоренная гражданской войной Советская Россия не выдержит удара, и победа, а вслед за ней большое приращение территории Польше обеспечены. В военных действиях на Украине предполагалось занять и петлюровские части. По соглашению между Польшей и Украинской Директорией от 21 апреля 1920 года последняя за признание ее «верховным правительством независимой Украины» согласилась на присоединение к Польше Восточной Галиции, Западной Волыни, части Полесья и обязалась снабжать польские войска продовольствием и транспортом, а свою так называемую Украинскую народную армию подчинить польскому командованию. Предложения Советского правительства решить спорные вопросы мирным путем буржуазно-помещичьи круги Польши расценивали как признак слабости и усиленно готовились к войне.

Вместе с белопанской Польшей в новый поход против Страны Советов империалисты Антанты и США планируют направить и крымскую контрреволюцию.

Деникин теперь уже не устраивал Антанту. Звезда битого генерала закатилась, ему перестали благоволить. 2 апреля 1920 года глава английской миссии генерал Холмэн от имени «Британского верховного военного командования» вручил Деникину ноту с категорическим предложением подать в отставку. Взамен ему и его ближайшему окружению обещали «гостеприимное убежище» в Англии. Генерал сразу же написал письмо председателю военного совета А. М. Драгомирову. «Три года Российской смуты, — говорилось в нем, — я вел

борьбу, отдавая ей все силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых... внутренняя связь между вождем и армией прервана. И я не в силах больше нести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование»[3].

Выбор внутренняя и внешняя контрреволюция остановила на честолюбивом потомке прибалтийских баронов 42-летнем генерале П. Н. Врангеле. Его честолюбие было замечено сослуживцами еще в молодости. Генерал-лейтенант А. А. Игнатьев, знавший барона в те годы, в своей книге «Пятьдесят лет в строю» пишет, что за несколько месяцев военной службы Врангель «преобразился в высокомерного гвардейца», все помыслы которого были направлены на то, как бы «лучше устроиться, чтобы выделиться». Правда, учился барон основательно и с толком — окончил Горный институт, а затем Академию Генерального штаба. Во время империалистической войны Врангель командовал казачьим полком, затем Уссурийской дивизией и кавалерийским корпусом. Не был обойден чинами и наградами. Его репутация как одного из видных представителей белого движения начала создаваться с конца 1918 года. Поставленный во главе Кавказской армии, Врангель сумел создать из контрреволюционных элементов казачества и бежавших на юг офицеров серьезную военную силу. Его армия оттеснила красные войска до Астрахани и Царицына. Белоказачья кубанская рада за «заслуги» зачислила Врангеля в кубанские казаки и наградила орденом «Спасения Кубани».

Временные успехи вскружили голову барону. Обуреваемый жаждой власти, претендуя на главную роль в белогвардейском лагере, Врангель становится в оппозицию Деникину, интригами и кознями компрометируя его в глазах офицерства и аристократии. После поражений белогвардейских войск у него появился повод обвинить Деникина в неумелом командовании. Одновременно нанятые им люди и газеты раздували «заслуги» барона, называя единственным достойным кандидатом на пост главнокомандующего. Деникин довольно долго терпел эти происки Врангеля, но затем отстранил его от командования армией. Обиженный барон выехал в Крым,

однако от целей своих не отказался. 26 февраля 1920 года барон направил Деникину рапорт-памфлет с оскорбительными выпадами, содержание которого постарался распространить в войсках. Разгневанный главнокомандующий в начале марта 1920 года отдал приказ об исключении Врангеля со службы с оставлением пределов «вооруженных сил Юга России». Английский миноносец увез «опального» барона в Константинополь. Однако изгнание длилось недолго и даже прибавило Врангелю популярности. 2 апреля 1920 года верховный политический комиссар Англии в Константинополе адмирал де Роббек вручил Врангелю радиограмму генерала Холмэна с предложением прибыть в Крым на заседание военного совета. Для срочной переброски своего ставленника в Севастополь англичане предоставили линейный корабль «Император Индии». 4 апреля 1920 года совещание белых генералов предложило Деникину издать приказ по армии о назначении своим преемником генерала Врангеля. На письменном обращении совещания к Деникину барон, делая вид, что принимает тяжелую ношу только по обязанности, написал: «Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего»[4]. Деникину ничего не оставалось, как сделать то, что от него требовали. Сам он выехал сначала в Константинополь, а затем в Лондон.

Правящие круги Антанты были довольны: дело сделано. По свидетельству руководителя американской ассоциации помощи Врангелю Г. Гувера, они увидели в нем лицо, «военные способности и качества которого могли обеспечить победу над Красной Армией». С похвальбой отозвался о бароне и У. Черчилль, сожалея лишь, что он поздно занял «место среди белых вождей». Надо сказать, что и среди своих соратников Врангель пользовался репутацией энергичного, смелого и решительного боевого начальника. Приход к власти Врангеля посеял новые надежды у собравшихся в Крыму и уцелевших после краха деникинщины сил контрреволюции. В нем им хотелось видеть человека «сильной воли и крепкой руки». Создание такой репутации всячески поощрялось самим бароном. В первом приказе по армии он заявил: «В глубоком сознании ответственности перед Родиной я становлюсь во главе Вооруженных Сил на

Юге России. Сделаю все, чтобы вывести армию и флот из создавшегося тяжелого положения»[5]. Это же повторил он на торжественном молебне и военном параде, устроенном в его честь.

В первую очередь Врангель занялся восстановлением боеспособности воинских частей, прибывших в Крым после новороссийской катастрофы. «Первый месяц моего управления, — признавался он, — всюду был такой хаос, такой всеобщий развал, такое озлобление против главного командования, что, отбросив все остальные вопросы, я свою энергию направил исключительно на приведение в порядок всего разрушенного, на поднятие престижа главного командования»[6]. Большого преувеличения Врангелем степени разложения армии, чтобы выпятить свою роль в наведении порядка в ней, пожалуй, не было. Падение престижа главного командования вызывало в нем самое серьезное беспокойство. Ему, упивавшемуся властью, хотелось добиться беспрекословного исполнения его приказов.

Сравнительно меньше забот у Врангеля было с Добровольческим корпусом А. П. Кутепова. Захватив в Новороссийске корабли, он прибыл в Крым почти в полном составе. Разумеется, поражение глубоко отразилось на настроении солдат и офицеров. Однако корпус во многом состоял из офицеров, обладавших профессиональными военными навыками и не веривших в какую-либо амнистию Советов, а потому Врангель мог рассчитывать на корпус в организации своих военных предприятий.

Долго пришлось «налаживать отношения» с корпусом донских казаков, стоявшим после эвакуации из Новороссийска в Евпатории. В Крым попала малая часть Донской армии, которая прибыла сюда без лошадей и почти без оружия. Донцы затаили обиду на добровольцев, лишивших их перевозочных средств в Новороссийске, и на главное командование, которое попустительствовало этому. Очутившись в Крыму, они думали главным образом о том, как бы вернуться домой. Идти с повинной к Советам, несмотря на объявленную амнистию, многие, однако, боялись из-за активного и длительного участия в борьбе с красными. Но и мечтать после новороссийской катастрофы о походе на Москву им не хотелось. Подобные настроения нашли свое выра-

Врангель с американскими журналистами в 5-м авиаотряде. 1920 г.

жение в газете штаба корпуса «Донской вестник». «Мы, донцы-бойцы, — отмечалось в одной из статей, — еще сможем драться с врагом по пути нашего движения в родные опустевшие станицы, но нет у нас сил для борьбы с врагом по пути к сердцу русского народа — Москве... Казаки теперь думают: «Какое нам дело до России?»... Дай бог нам снова вернуться на Дон, очистить его от коммунистической нечисти. Мы ощетинимся штыками и потребуем, чтобы нас оставили в покое...» [7].

Такая позиция донцов грозила расколом в белом стане. Сам Врангель тогда признавал: «Лишь немного не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляют половину нашей армии». В конце концов противодействие казаков удалось сломить. Командир корпуса генерал В. И. Сидорин был отстранен от должности. Редактор газеты сотник Дю-Шайль попал под военно-полевой суд. Правда, при содействии своих французских покровителей он отделался выдворением из Крыма. Командовать корпусом Врангель поручил

генералу Ф. Ф. Абрамову, который в знак «примирения» присвоил барону звание «почетного казака». Ответом было обещание предоставить донцам автономное самоуправление в казачьих областях.

Легко справился Врангель с фрондой кучки молодых офицеров во главе с пасынком великого князя Николая Николаевича Романова, молодым герцогом С. Г. Лейхтенбергским. Они хотели на посту главнокомандующего вооруженными силами юга России видеть бывшего командующего царской армией Николая Николаевича Романова — дядю Николая II. Затея была явно авантюрной. Врангелевская контрразведка без особого труда разделалась с заговорщиками. Чтобы не оттолкнуть от себя старых монархистов, Врангель не стал уничтожать герцога, а ограничился высылкой за пределы Крыма.

Для укрепления своего положения в армии Врангель удалил с высших командных должностей ближайших соратников Деникина. В его ставку вошли генералы Кутепов, Лукьянов, Субботин, Шатилов, адмиралы Герасимов, Ненюков и другие. Учитывая, что название «Добровольческая армия» стало ненавистным населению из-за грабежа и насилий деникинцев, Врангель отказывается от него и именует свою армию Русской. Учреждает он и орден Святителя Николая Чудотворца. Став во главе белой армии, Врангель захватил всю полноту власти. В его приказе об управлении от 11 апреля 1920 года объявлялось: «Правитель и Главнокомандующий вооруженных сил на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений».

Для управления гражданскими делами при Врангеле был создан «правительственный кабинет». Главой его стал А. В. Кривошеин — фигура, вполне устраивающая барона. До Октября ближайший друг Столыпина-вешателя был главноуправляющим землеустройством и земледелием в России, после Октября — организатором подпольного буржуазно-помещичьего «правого центра», служил гетману в Киеве, организовал контрреволюционный «Совет государственного объединения России». Многоцветную биографию имел врангелевский министр иностранных дел П. Б. Струве. В молодости — это «легальный марксист». В. И. Ленин с самого начала увидел в нем человека, опошлявшего революционное

учение пролетариата, став, по образному выражению В. В. Воровского, первым, кто расслышал «фальшивые ноты в трелях г-на Струве». На одном из собраний в 1894 году В. И. Ленин бросил ему реплику: «Если Ваша мысль будет идти и дальше в этом направлении, то меня нисколько не удивит встреча с Вами когда-нибудь по разные стороны баррикад». Так оно и случилось. Вскоре Струве становится видным деятелем буржуазной партии кадетов, возглавляя ее правое крыло, а после Октябрьской революции активно сотрудничает с белогвардейцами, войдя в состав «Особого совещания при Деникине». Под стать Кривошеину и Струве были и другие члены «правительственного кабинета»: министр финансов М. В. Бернацкий, министр торговли кадет В. С. Налбандов, министр земледелия, бывший тайный советник, сенатор Г. В. Глинка, министр юстиции Н. Н. Таганов.

Зловещей фигурой при Врангеле был начальник особого отдела его штаба и в то же время помощник начальника гражданского управления Е. К. Климович — жандармский генерал, бывший директор царского департамента полиции, которого даже Г. Распутин называл «зверем». Таким образом, преемственность в руководстве охранкой была полностью сохранена. В мемуарах Врангель не раз восхищался «опытом и исключительной энергией» главаря своей контрразведки.

Что касается буржуазных органов городского самоуправления, то их голоса почти не было слышно. С самого начала своего правления Врангель «поставил их на место». Пришедшему к нему на прием городскому голове Севастополя он заявил, что «делить власть с кем бы то ни было или допустить к участию общественность он не собирается», а от городских управлений требует «деятельной работы в области продовольствия и санитарии, а для других же лозунгов теперь не время».

В Крыму установился режим кровавой военной диктатуры. Врангелевская контрразведка стала фактически органом внутреннего управления на полуострове. Существовало четыре ее вида: армейская (каждый белогвардейский корпус имел свою); морская, уголовная, так называемые военно-судные комиссии, которые создавались во всех уездах и гарнизонах. Каждая разведка имела право арестов, обысков, следствия. Какого-либо

разграничения функций между ними не имелось. Избежав одной, можно было попасть в застенок другой. И везде шантажировали, вымогали, пытали. Территория полуострова кишела профессиональными шпиками, бежавшими сюда от народного возмездия.

Генералы «наводили порядок». Свирепствовали военно-полевые суды, вынося смертные приговоры. «Непослушных», особенно подозреваемых в сочувствии к большевизму, расстреливали и вешали без всякого разбора. Генерал Кутепов, штаб которого находился в Симферополе, прямо говорил, что ему нужны такие судебные деятели, которые могли бы по его приказанию кого угодно повесить и за какой угодно проступок осудить к смертной казни. А больше всего он любил повторять: «Нечего заводить судебную канитель, расстрелять, и все...» Это по его распоряжению фонарные и трамвайные столбы города были превращены в виселицы, с которых мертвецов не снимали по нескольку дней. Такого видавшие виды горожане не знали за все время гражданской войны. Роптать стали даже либерально-буржуазные круги. Когда об этом узнал Врангель, он вызвал в Севастополь симферопольского городского голову Усова и заявил ему: «Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы» [8].

Особым издевательствам подвергались коммунисты и комсомольцы, попадавшие в руки врангелевских контрразведок. После пыток их ждала веревка или пуля. Вот одно короткое сообщение об этом в газете «Красная правда» (город Бахмут Донецкой области) за 12 сентября 1920 года: «В Ялте арестовано 50 членов Коммунистического Союза Молодежи, которые предаются военно-полевому суду. В Феодосии публично казнены несколько членов Коммунистического Союза Молодежи. В Симферополе три раза публично вешали членов Коммунистического Союза Молодежи».

Жестоко подавлялось недовольство и в армии. Когда врангелевская контрразведка узнала о том, что матросы и часть офицеров пяти военных кораблей собираются выступить против крымского диктатора и увести корабли в Новороссийск, казнено было более 100 человек.

В Керчи за участие в подпольной деятельности расстреляли 75 матросов [9].

Вешали и расстреливали большевиков, попадавших в руки контрразведки, вешали и расстреливали рядовых солдат, рабочих и крестьян. Иногда достаточно было самого незначительного повода. Генерал Д. П. Драценко приказал расстрелять своего ординарца только за то, что он по ошибке назвал его «господин генерал» вместо «ваше превосходительство». Тюрьмы в Крыму были переполнены «неблагонадежными». Население буквально стонало от врангелевского управления. Органы власти были наводнены отбросами царского чиновничества. Эти «управители» изощрялись в издевательствах над трудящимися.

Однако Врангель понимал, что только одним террором добиться своих далеко идущих целей не удастся, как не удалось это его белогвардейским предшественникам — Колчаку и Деникину. Вместе со своим окружением он надеялся создать себе более широкую, чем одни только буржуазно-помещичьи круги, социальную опору и тем подготовить благоприятную встречу в тех районах, которые он планировал захватить. За действиями антисоветских мятежных отрядов на Северном Кавказе и Украине он видел позицию большинства крестьянства, полагая, что, если ему, более двух лет терпящему проводимую большевиками продразверстку, пообещать облегчение, это приведет земледельцев в его стан. Исходя из этого, монархист и реставратор старых порядков в душе, он решил замаскировать военную диктатуру подобием какого-то «демократического» налета. Да и правителям Европы для обмана масс нужен был хотя бы показной «демократизм» барона.

В середине апреля Врангель собрал представителей печати и изложил свой взгляд на «назревшие вопросы государственной жизни». Даже из прожженных буржуазных газетчиков, видимо, мало кто верил тому, что обещал «правитель юга России». «Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, — вещал он, — такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире — вот основные задачи власти». «Одной из моих главнейших забот, — продолжал Врангель, — является улучшение материального благосостояния ра-

бочих и удовлетворение их профессиональных нужд». Крестьянству обещали дать землю, что должно было, по мысли Врангеля, выбить из рук его врагов (читай: большевиков. — *Авт.*) «главное орудие политической борьбы, ударить по воображению армии и населения, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах»[10]. Подхалимствующая пресса, представленная целым рядом газет — «Юг России», «Крымский вестник», «Вечернее слово», «Заря России» и другими, — на все лады принялась воспевать «демократизм» барона.

Наиболее заметной демагогической мерой был врангелевский так называемый «Закон о земле», объявленный приказом 25 мая (7 июня) 1920 года. По его поводу был поднят большой шум: земля якобы передается тем, кто на ней трудится. На самом деле этот «закон» был подготовлен бывшими сподвижниками Столыпина и проводился в интересах помещиков и деревенской буржуазии. Председатель комиссии по составлению закона Г. В. Глинка прямо заявлял представителям прессы: «Если бы явились вместо простого устройства арендаторов требования всеобщего раздела и всевозможного отчуждения, то комиссии не стоило бы и создавать».

«Закон» был составлен казуистично, написан сухим, канцелярским языком, непонятным для крестьян. Вроде бы объявлялось об ограничении владений помещиков и других крупных собственников, изъятии части их земель, но многочисленные оговорки сводили на нет это положение. Статья первая закона, полное название которого было: «Правила о передаче распоряжением правительства казенных, государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев», гласила: «Всякое владение землей сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодия остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев». Этой статьей стремились создать впечатление, что даже крестьяне, захватившие ранее помещичьи земли, одинаково со всеми владельцами будут находиться под охраной закона. Однако уже в конце ее содержалась

немаловажная оговорка: «...изменения этого владения допускаются лишь в порядке, установленном настоящими правилами». Далее шли статьи «Правил», регулирующие изъятия из первой статьи. Завуалированные тонкими юридическими формулировками, чтобы не сразу бросаться в глаза крестьянам, они во многом сводили на нет многообещающие утверждения первой статьи. Изымались от пользователей и передавались прежним владельцам земли: надельные; купленные при содействии Крестьянского банка; выделенные в отруба и хутора; отведенные церквам и монастырям; опытные сельскохозяйственные; усадебные и огородные, занятые ценными культурами (виноградники, сады, табачные плантации и т. д.); находящиеся под мельницами, фабриками и заводами; частновладельческие, не превышающие предельного размера, который будет установлен по представлениям уездных земельных советов врангелевским правительством. «Высшая власть» из-за скоротечности своего существования не успела установить предельные нормы, но сами места, где верховодили богатеи, проектировали своего рода «прожиточный минимум» для помещиков в размерах до 650 гектаров. Все это позволяло им сохранить за собой лучшие земельные угодья и в то же время избавиться от малородных участков, получить за них крупное вознаграждение, так как земля отчуждалась не даром, а за высокую плату.

В течение 25 лет крестьянин должен был платить ежегодно одну пятую урожая, среднего за 10 лет. Выручкой от этого «государство» расплачивалось с прежними владельцами. И только после полной выплаты в течение 25 лет крестьянин получал документ на владение приобретенным участком. В приказе Врангеля указывалось, что земли перейдут «к настоящим прочным хозяевам, а не ко всякому падкому на даровщину и чуждому земле человеку». Под прочным хозяином, естественно, понимался кулак-мироед, презрительные же слова относились к бедноте и батракам.

Реформа, если бы она и осуществилась, не могла значительно расширить социальную базу врангелевщины, так как сохраняла довольно крупное землевладение помещиков. Даже кулачество высказывало недовольство и шло за Врангелем лишь потому, что он боролся с большевиками.

Готовя выход из Крыма для осуществления своих завоевательных планов, Врангель 20 мая (2 июня) 1920 года обратился с широко разрекламированным воззванием к русскому народу, проникнутым злобной ненавистью к Советской власти и коммунистам, гипертрофированной демагогией. «Слушайте, русские люди, — вещал барон, — за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе ХОЗЯИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину» [11].

Конечную цель врангелевского обращения прозрачно выражало напечатанное крупными буквами слово «ХОЗЯИН». Монархическая пресса была довольна: «рассеялись наконец учредительные туманы». Но «кто же хозяин? — спрашивала передовая газета «Ялтинский вечер» и с откровенной прямотой отвечала: — Царь». «Надо прямо сказать, что хозяином русской земли может быть только русский царь, законно преемственно взявший на себя тяжесть короны и скипетра русских государей». Известный правый журналист Борис Суворин, подвизавшийся в симферопольской газете «Время», называл монархизм «исторической национальной идеей русского народа». Славословил врангелевский режим Аркадий Аверченко, редактировавший газету «Юг России». Один из почитателей барона поэт, граф Н. Зубов, печатавшийся в феодосийской газете «Вечернее время», надеялся:

Настанут дни, и вихрь кровавый
От нас умчится навсегда,
Взлетит опять орел двуглавый,
И сгинет красная звезда.

Особенно усердствовало черносотенное духовенство во главе с епископом Вениамином, возведенным Вранге-

Молебен в честь врангелевских войск.

лем в звании «архипастыря христолюбивого воинства». «Дерзай, вождь! — обращался к барону епископ. — Ты победишь, ибо ты Петр, что значит камень, твердость, опора». Врангеля стали сравнивать не только с Петром Великим, но даже с апостолом Петром. Наиболее ретивые подхалимы и льстецы уже выставляли кандидатуру «Петра Четвертого» на царский престол. Это так бросалось в глаза, что Врангель вынужден был выступить в печати с весьма «скромным» разъяснением: «Хозяин» — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна... я беспрекословно подчинюсь голосу русской земли»[12].

За «государственными заботами» «скромный» барон не забывал и о нуждах своей особы. Чесменский дворец бывшего командующего флотом, превращенный им в свою резиденцию, он обставил с непомерной роскошью. Из свитских и служебных зданий бывшего царского имения «Ливадия» сюда затребовали мягкую мебель, ковры, посуду, а из подвалов бывшего удельного ведомства — лучшие коллекции вин. Одних только хрустальных рюмок для шампанского барону понадобилось

120 штук. Последний реестр выписанной из Ливадии утвари для кухни и сервировки чая включал 527 наименований. Все это... и вдобавок одну дойную корову срочно доставили на военном корабле.

Демагогические же посулы Врангеля «удовлетворить чаяния народа» посулами и остались. Жизнь трудящихся ухудшалась с каждым днем. До истощения была доведена экономика края. Сменявшие друг друга временщики и интервенты всю свою хозяйственную деятельность сводили к выкачиванию средств из населения, разграблению богатств Крыма, личной наживе. Все более или менее ценное имущество беззастенчиво разворовывалось. Имеющиеся материалы и средства направлялись в армию и на постройку оборонительных укреплений у Перекопа и Чонгара. За все время нахождения у власти врангелевцы не возвели и не отремонтировали ни одного предприятия. Многие заводы и фабрики были разрушены, промышленность парализована. Посевные площади в Крыму сократились в сравнении с 1913 годом на 60 процентов. Цены на продукты и товары массового потребления выросли неимоверно. Один из врангелевских чиновников докладывал начальнику отдела земледелия и землеустройства: «Города и земства переживают очень тяжелое время в финансовом положении. Падение покупательной способности рубля идет с такой стремительной быстротой, что ни общественные учреждения, ни само государство (власти белых. — *Авт.*) не только не могут обойтись собственными источниками доходов, но должны прибегать к экстраординарным мерам: государство — к печатанию в бесконечном количестве денежных знаков, города и земства — к ссудам из казны» [13].

Рынок наводнили врангелевские так называемые «билеты государственного казначейства главного командования вооруженными силами на Юге России». Эти деньги были, по существу, фальшивками, так как на них было напечатано: «билеты государственного казначейства подлежат обмену на денежные знаки, имеющие быть выпущенными единым Российским Правительством». «Единого Российского Правительства» Врангелю создать не удалось, а вот число липовых денежных знаков достигло астрономических цифр. К октябрю 1920 года их было выпущено на 157 480 860 000 рублей.

Достаточно сказать, что вместо копейки мелкоразменной монетой в Крыму служил денежный билет пятисотрублевого достоинства, на который было трудно купить даже фунт хлеба. Готовились к выпуску двадцатипятитысячные купюры. Катастрофическое падение курса рубля ухудшало и без того невыносимое положение народа.

В администрации процветало взяточничество и вымогательство. Особенно этим отличалось управление торговли и промышленности. Когда же руководитель этого ведомства кадет В. С. Налбандов с помощью председателя правительства А. В. Кривошеина провел закон о монополии заграничного экспорта, коррупция и спекуляция для получения экспортного свидетельства достигли небывалых размеров.

Несостоятельность демагогических обещаний Врангеля об «улучшении материального благосостояния рабочих и удовлетворения их профессиональных нужд» обнаружилась сразу. Бичом для пролетариев была массовая безработица. На отдельных сохранившихся предприятиях заработной платы хватало рабочим лишь на полуголодное существование. Да и эта нищенская зарплата задерживалась иногда месяцами. Рабочие, которых уж только острая нужда заставляла работать на врангелевцев, уходили с заводов. На собрании представителей предприятий металлообработки Севастополя отмечалось, что причиной ухода рабочих с заводов является «невозможность больше терпеть полуголодное существование и что рабочие предпочитают умереть у себя дома, а не за станком».

Гонения на кое-какие уцелевшие от деникинского террора рабочие организации не прекратились и при «демократе» Врангеле. Для проведения собраний требовалось специальное разрешение контрразведки. Профсоюзное движение в Крыму было слабым. Белогвардейская оккупация привела к резкому сокращению членов и закрытию многих союзов. Активисты из большевиков ушли в Красную Армию или в подполье. У руководства сохранившихся союзов оказались меньшевики. Пытаясь любой ценой выпросить у Врангеля легальное существование, они пошли на прямое предательство интересов рабочих, взяв на себя обязательство бороться с «выступлениями против фронта». Однако даже такое «благо-

нравие» не спасло их от преследований. Союзы были выброшены из своих помещений, закрылись расценочные комиссии, примирительные камеры.

Большинство рабочих окончательно перестало доверять меньшевикам и за свои интересы боролось под руководством находившихся в подполье большевиков. Испытанным методом пролетарской борьбы оставалась забастовка.

Крупная стачка прошла на ведущем предприятии Крыма — морском заводе Севастополя в августе 1920 года. С забастовщиками врангелевцы расправились «по-военному». 112 рабочих были арестованы за один только день 17 августа. Насильной мобилизации и отправке на фронт подверглись даже те из рабочих, которые и по возрасту, и по состоянию здоровья не подлежали этому. Первую группу таких «мобилизованных» составили 58 рабочих автосборочных мастерских. На собрании рабочих-металлистов по этому поводу прозвучали иронические слова: «Облава теперь на бродячих собак прекратилась, вследствие дороговизны рабочих рук и отсутствия средств у городской управы, но зато процветает облава на людей весьма успешно, и поэтому приходится, как говорят, царю природы позавидовать собачьей доле» [14].

Однако ни безработица, ни нищета и террор не могли сломить сопротивление трудящихся. Ненависть к врангелевскому режиму росла. Об этом, например, свидетельствует гневное заявление властям А. Иваненко, жены рабочего Севастопольского порта, приговоренного к смерти за якобы похищенный уголь. «Обращаю ваше внимание, — писала она, — на то прискорбное явление, что таких маленьких людишек из рабочего класса, каковыми являются Иваненко и Агафонов, судят к смертной казни за ничтожную грошовую сумму, тогда как... толстосумных многомиллионных казнокрадов, каковыми являются миллионеры, члены совещания в ставке — братья Рябушинские, Чаев, начальники, инженеры северного вагонно-докового завода и другие, даже не подвергаются задержанию и аресту и получают высшие назначения с высшим окладом жалования».

Агенты контрразведки, местные власти то и дело доносили в ставку Врангеля о росте недовольства населения. В докладной записке городской и земской управ

Евпатории барону сообщалось: «Нужда среди безработных столь велика, переживаемые безработными и их семьями лишения, усугубляемые исключительной дороговизной предметов первой необходимости, столь значительны, что необходимо во что бы то ни стало найти выход и притом выход немедленный из создавшегося грозного положения». Авторы записки предупреждали, что если не принять срочных мер, то недовольство населения может вылиться в «острые и болезненные формы». Начальник Керченского отделения контрразведки 9 июля 1920 года доносил в штаб «правителя», что «местное население, особенно русское, не изжило еще окончательно большевизма».

Не удалась и попытка заигрывания с трудящимися для создания популярности барону. 14 июля в Севастополе открыли чайную, которую нарекли его именем. Орган штаба «правителя» газета «Военный голос» писала, что в ней ежедневно отпускается бесплатно 400 стаканов чая с сахаром. «Щедрость» вызывалась тем, что во время чаепития выступали ораторы «о сущности добровольческой армии и божественной миссии барона Врангеля». Однако рабочие, которые страдали от безработицы, нищеты и голода, не польстились на чаевую подачку. «Ораторы» некоторое время выступали почти в пустом помещении, а вскоре надуманное заведение пришлось закрыть.

В тяжелом положении находилось крестьянство. По подсчетам крымской буржуазной газеты «Южные ведомости», число безземельных арендаторов достигло по Симферопольскому уезду 36 процентов, Феодосийскому — 46, Перекопскому — 59, Евпаторийскому — 63[15].

Демагогический земельный «закон» не помог Врангелю «тесными узами» связаться с крестьянством. В официальных информациях заявлялось о том, что «крестьяне радостно приветствуют реформу», но в секретных донесениях сообщалось о «сдержанном», «недоверчивом», а то и «враждебном» отношении к ней. Испытавшие на себе власть временщиков-интервентов и белогвардейцев крестьяне скептически относились к прочности и врангелевской власти, заранее считая, что платежи, которые с них взыщут за землю, — дело пропащее. Ожидая скорого падения врангелевщины, они не хотели вступать

в сделки с помещиками, уклонялись от выборов в волостные земельные советы, создававшиеся на основе земельного «закона», полагая это «барской выдумкой». По официальным данным врангелевской администрации на 15 сентября 1920 года, из 140 волостей советы с трудом удалось выбрать только в 86. Губернский земельный посредник вынужден был доложить, что «собираются советы с трудом, под влиянием усиленных наставлений, часто видят всю бесполезность работы».

Крестьяне с необыкновенной стойкостью и упорством отказывались помогать белогвардейцам. Они уклонялись от подводной повинности, высказывали недовольство войсковыми постоями, не хотели продавать продукты армии на обесцененные деньги. Несмотря на суровые репрессии и драконовские приказы о мобилизациях, крестьяне при первой возможности дезертировали из рядов «Русской армии».

По приказу «правителя» у родственников тех, кто уклонялся от службы, конфисковывалось имущество. Исполнение приказа возложили на карательные отряды, что позволило фактически безнаказанно грабить население.

Власть местных уездных и волостных начальников над крестьянами, по существу, ничем не ограничивалась. О том, что творилось в деревнях, доносил по команде начальник штаба Донской учебной бригады полковник Бородин, которого трудно заподозрить в симпатиях к жителям. «Надзиратели, стражники, — писал он, — пьянствуют, дебоширят, бьют морды крестьянам, берут взятки, обещая за это освобождение от мобилизации и освобождение от ареста. Под арест же сажаются крестьяне не только без достаточных к тому поводов, но и с целью вымогательств. Приставы смотрят сквозь пальцы на преступные действия наших органов административной власти, сами участвуя и в попойках, и в сокрытии преступлений... Это вызывает у крестьян в лучшем случае безразличие, а в худшем явно враждебное отношение к власти генерала Врангеля» [16].

Рост недовольства объяснялся и беззастенчивым мародерством врангелевского воинства, подобно саранче, пожиравшего все в местах своего пребывания. «Население местностей, занятых частями Крымской армии, — читаем мы в «записке», составленной членами военно-

судейского ведомства, — рассматривалось как завоеванное в неприятельской стране. Приказы о пресечении грабежей были пустым звуком. При наблюдении того, что творилось по деревням и как власть реагировала на это, можно было вынести только одно заключение, что требование о прекращении грабежей было основано на желании кого-то убедить, что все благополучно. В действительности население буквально стонало от произвола комендантов, администрации, от полной беззащитности, от распущенности ничем и никем не сдерживаемой офицерской и солдатской вольницы. Защиты у деревни не было никакой. Крестьянин был абсолютно бесправным существом, находился, можно сказать, «вне закона» [17].

В итоге прочного тыла «черный барон», как в народе называли Врангеля, не получил. Оставалось надеяться на силу и на помощь империалистов Антанты и США. На это была направлена вся внешнеполитическая деятельность барона.

Врангель прекрасно понимал, кому обязан приходом к власти, кто является подлинным хозяином в Крыму. Политику «правителя Юга» определяли дипломатические и военные миссии стран Антанты, главам которых Врангель, вопреки установленным традициям, нанес визиты в первые дни после возведения в ранг главнокомандующего. Без их поддержки правление не мыслилось. Францию при штабе барона представляли адмирал Дюмениль и генерал Манжен, командовавший интервенционистскими войсками в Одессе в 1919 году; Великобританию — адмирал Сеймур, возглавлявший английские морские силы на Черном море с 1919 года, генералы Перси и Кийз. Наиболее видное положение среди иностранных представителей занимал, пожалуй, американский контр-адмирал Мак-Келли, руководивший военной миссией США еще при штабе Деникина и ставший наиболее авторитетным и доверенным советником Врангеля. Ему представлялись все сведения о состоянии фронта и тыла, экономики и финансов Крыма, с ним согласовывалась линия поведения. В войне против Страны Советов барон рассчитывал «как на дипломатическую, так в будущем и на финансовую поддержку США». В Крыму находились также представители Италии, Японии, Сербии, Польши и других государств.

Один за другим устраивал барон пышные обеды в честь иностранных миссий. Потчуя чужеземцев винами из царских коллекций, он настойчиво просил о помощи в борьбе с большевиками, не уставая повторять избитую, но созвучную настроениям его высоких покровителей мысль о том, что, пока Москва остается красной, «угроза мирового большевизма не изжита». «С представителями всех миссий без исключения, — писал позднее Врангель в своих мемуарах, — установились наилучшие отношения» [18].

Чтобы выиграть время для укрепления врангелевского режима, Антанта маневрировала. 11 апреля 1920 года британский министр иностранных дел лорд Керзон от имени Англии, США и Франции обратился к Советскому правительству с предложением об амнистии белогвардейцев, а несколько позднее — о заключении перемирия между Красной Армией и войсками Врангеля. 17 апреля английское министерство иностранных дел в угрожающей форме заявило, что если советская сторона не выполнит предъявляемых ей требований, то британский флот откроет боевые действия против Советской Республики. Через два дня адмирал Сеймур проинформировал Врангеля о содержании английских нот и сообщил, что правительство Великобритании готово «направить корабли для всех необходимых действий, чтобы охранить армию в Крыму и предупредить вторжение советских войск в ту область, в которой находятся вооруженные силы Юга России» [19]. 25 апреля Англия вновь повторяет свои требования Советскому правительству. За фразами о миролюбии, о готовности прекратить гражданскую войну в России скрывалась прямая угроза начать военные действия против Советской Республики. По свидетельству первого лорда адмиралтейства У. Лонга, британский военно-морской флот «получил приказ поддерживать генерала Врангеля». Адмиралтейством было отдано распоряжение топить каждое судно, идущее под красным флагом.

О решимости оказать помощь Врангелю заявило и французское правительство. 23 апреля глава французской миссии генерал Манжен писал: «Французское правительство будет согласовывать свои действия с правительством Великобритании, дабы поддержать генерала Врангеля». 1 мая, когда польская армия крупными си-

лами вела наступление на Киев, врангелевский посол в Париже Маклаков сообщал, что французское правительство выступает против какого-либо соглашения Врангеля с Советами.

В условиях развернувшегося рабочего движения, когда в странах Запада создавались комитеты «Руки прочь от России», империалистам приходилось маскировать свои действия. Английское правительство в мае 1920 года вынуждено было сделать официальное заявление об отказе от поддержки Врангеля. Тем не менее их подлинные намерения иногда выплывали наружу. Интересное признание относительно планов английских империалистов в Крыму сделал, например, обозреватель газеты «Дейли геральд» в номере от 10 июня 1920 года. «Севастополь, — писал он, — должен стать морской базой Великобритании. Он будет новым крымским Гибралтаром, который даст возможность командовать над Черным морем и торговыми путями России и Кавказа» [20].

Если Лондон вынужден был негласно, с оглядкой на общественное мнение поддерживать крымских белогвардейцев, то Франция, претендовавшая после окончания первой мировой войны на роль «вершителя судеб» Европы, действовала более открыто. В мае 1920 года генеральный секретарь французского министерства иностранных дел Палеолог официально уведомил главу врангелевского «правительства» Кривошеина: «Я рад иметь удовольствие засвидетельствовать Вам, что Французское правительство признает все значение русской территории (Крыма. — *Авт.*) — последнего убежища русских националистов... Доколе ген. Врангель не получит гарантий, обеспечивающих его войска, мы приложим усилия для снабжения его продовольствием и материалами для защиты от наступления большевиков, и наш черноморский флот будет препятствовать высадке противника на побережье Крыма. Наконец, в случае невозможности продолжения борьбы мы будем способствовать эвакуации полуострова» [21].

В начале июня 1920 года врангелевский министр иностранных дел Струве и советник «русского» посольства Базили посетили французского генерала М. Вейгана. Они подробно проинформировали его о положении белогвардейских войск в Крыму. В переданных генералу трех памятных записках содержалась просьба вранге-

левского правительства о материально-технической помощи для армии, чтобы она могла продолжать борьбу, в частности, о предоставлении в ее распоряжение материальной части и военного снаряжения, оставленного русскими армиями при эвакуации румынской территории, и передаче ей русского военного снаряжения, которое находилось в Германии и которое последняя должна была передать союзным державам во исполнение статьи 169 Версальского договора. В записке французскому правительству от 9 июня 1920 года генерал М. Вейган советовал выполнить эти просьбы, что и было потом сделано.

Помощь в материально-техническом снабжении армии Врангеля текла по многим каналам. Правительства капиталистических стран понимали, что без этого врангелевцы будут не в состоянии вести войну с Советской Россией. Американские, английские, французские транспорты с вооружением, боеприпасами и снаряжением для армии барона то и дело швартовались в портах Крыма. Как только Врангель был объявлен «правителем Юга России», адмирал де Роббек сообщил ему, что английский кредит в 14,5 миллиона фунтов стерлингов, который не успел израсходовать Деникин, переходит в его распоряжение. 12 апреля 1920 года английский линкор «Мальборо» доставил в Севастополь 18 тысяч пудов угля для белогвардейских кораблей, стоявших без топлива. Они сразу же начали боевые действия. Из запасов английского военного и морского министерств в распоряжение врангелевцев поступали танки, гидросамолеты, морские катера, артиллерия, пулеметы, а также горючее. Для маскировки эти поставки оформлялись как идущие для снабжения британских войск на Ближнем Востоке. В начале мая 1920 года к Врангелю прибыл командующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал Мильн с задачей ознакомиться с «огромной работой по реорганизации армии и устройству тыла в Крыму». Мильн заверил барона, что просьбы белой армии будут выполнены. Вскоре под охраной английских военных кораблей в Крым прибыли транспорты с бензином из Батуми и рельсы для строящейся железнодорожной ветки из Трапезунда. До мая 1920 года на стороне белогвардейцев воевал 47-й отряд королевских военно-воздушных сил Великобритании. Английские правитель-

ственные круги не скрывали тогда участия своей авиации в интервенции против Советской России. 1 апреля 1920 года, когда 47-й отряд находился в Крыму, его летчики В. Андерсон, Дж. Митчелл, С. Кинкэд, Р. Аддисон и др. за «неоценимые услуги в южной России» были награждены английским правительством орденами «За отличную службу» и «За доблесть в авиации». Летчик С. Фроглей удостоился сразу обеих наград.

Щедро текли поставки Врангелю из США. Весной 1920 года американский пароход «Честер Вальси» доставил в Феодосию пулеметы и другие военные материалы. Находившаяся в Севастополе американская миссия Красного Креста снабжала белогвардейскую армию медикаментами, продовольствием, обмундированием и... оружием. Начальник этой «благотворительной миссии» майор Райден цинично заявил: «Мне было бы приятно, и я искренне желаю вместе с войсками генерала Врангеля войти в Москву». Крупные поставки получали врангелевцы и через Американскую ассоциацию помощи, созданную после первой мировой войны для «содействия» в восстановлении Европы. Ее глава Г. Гувер признавал: «Мои обязанности распространились и на район Черного моря... Поэтому я был хорошо знаком с ходом военных операций против коммунистов в южной России и особенно с действиями армии, которой командовал генерал Врангель» [22].

Деятельное участие в укреплении белогвардейских войск принимали французские империалисты. Глава военной миссии Франции в Крыму генерал Манжен занимался разработкой плана координации военных действий Врангеля и Польши. Дело доходило до откровенных провокаций против Советской России. Вечером 3 мая 1920 года французская канонерская лодка «Ла Скарп», нарушив правила плавания, вошла в советские территориальные воды в трех километрах от крепости Очаков, охранявшей вход в Днепровско-Бугский лиман. Советская плавучая батарея № 1 после предупредительного выстрела, на который французы не отреагировали, открыла огонь по канонерке. Лодка получила прямое попадание, выбросилась на мель и подняла белый флаг.

Делегация французов во главе с командиром корабля Мюзелье прибыла на берег. Свое появление у Очакова она объяснила тем, что якобы получила приказ ко-

мандующего французской эскадрой в Константинополе адмирала де Бона следовать в Николаев «с целью выяснить возможность закупки зерна». Каких-либо документов, подтверждающих эту необычайную для военного корабля миссию, предъявлено не было. Между тем советское командование хорошо знало «Ла Скарп». Она действовала в районе Одессы еще во времена Деникина. Когда советские войска подходили к Очакову в 1919 году, лодка, прикрывая эвакуацию белогвардейцев, обстреливала берег и город. Тогда же подрывная партия с нее взорвала в крепости минный склад, орудия и военные здания на острове Березань.

Оказавшись в Очакове, Мюзелье угрожал тем, что французская эскадра подвергнет бомбардировке Одессу. Но угроз не испугались. Французов задержали и сообщили об этом в Москву.

7 мая французская эскадра в составе пяти кораблей во главе с линкором «Мирабо» появилась у Очакова. Запрошенный по радио о причинах появления «Ла Скарп» в советских водах адмирал де Бон ответил, что лодку послали «выяснить возможность обмена военнопленными». Интервенты, уверенные в безнаказанности своих действий, даже не сговорились о поводе для вторжения в советские воды!

Чувствуя за собой превосходство в силах, французский адмирал в ультимативной форме потребовал от советского командования превратить Очаков в пункт для высадки военнопленных, что давало возможность иностранным кораблям взять под наблюдение ключевую позицию советской морской обороны.

Советское командование ответило категорическим отказом. Но чтобы не обострять обстановку и лишить французскую эскадру повода оставаться в наших территориальных водах, Советское правительство решило отпустить «Ла Скарп» и ее команду. Об этом сообщил французскому адмиралу командующий морскими силами Юго-Западного фронта Н. Ф. Измайлов. 9 мая французская эскадра ушла из-под Очакова.

Глава 2

ОПАСНОСТЬ НАРАСТАЕТ

Многосторонняя помощь Антанты и США позволила Врангелю провести реорганизацию изрядно потрепанных войск, восстановить их боеспособность. Особенно усилены были технические части, в том числе авиационные, автобронетанковые. В мае Врангель производит мобилизацию в армию лиц, родившихся в 1900—1901 годах. В итоге ему удалось сколотить четыре корпуса. Наиболее сильным был 1-й армейский генерала Кутепова (Корниловская, Марковская и Дроздовская пехотные, 1-я и 2-я кавалерийские дивизии). 2-й армейский генерала Слащева состоял из 13-й и 34-й пехотных дивизий и Терско-Астраханской казачьей бригады. Сводный конный генерала Писарева включал 1-ю и 3-ю Кубанские и Чеченскую конные дивизии. Донской генерала Ф. Ф. Абрамова состоял из 1-й и 2-й Донских конных и 3-й Донской пехотной дивизии. К началу июня армия насчитывала до 30 тысяч штыков и сабель. В июне были сформированы также 1-я и 2-я кавалерийские дивизии, сведенные в конный корпус генерала И. Г. Барбовича.

С учетом же личного состава резерва, гарнизонов крымских городов, военных училищ и школ, тыловых частей и учреждений общая численность армии Врангеля достигла 125—130 тысяч человек[1].

Во врангелевской армии имелось значительно больше офицеров и унтер-офицеров, чем в других белогвардейских армиях. Оценивая ее мощь, В. И. Ленин писал: «...В Крыму Врангель собирал все больше и больше своих сил, у него войска состояли почти сплошь из офицеров, это делалось в надежде на то, что при первом же благоприятном моменте удастся развернуть эти силы лишь бы только за ними пошли крестьяне. Врангелевские войска снабжены пушками, танками, аэропланами лучше, чем все остальные армии, боровшиеся в России»[2].

Кроме сухопутных, «правитель Юга России» располагал значительными военно-морскими силами — остатками когда-то мощного Черноморского флота. В Севастополе базировались линейный корабль «Воля», 3 крейсера, 4 эскадренных и 5 малых миноносцев и другие суда. Врангелевцы могли опереться и на сильный флот Англии, США, Франции, находившийся на Черном море.

Помощь международного капитала вселила новые надежды крымскому барону. Врангель не раз подчеркивал, что «мы скоро перестанем задыхаться в Крыму». На Перекопском валу он приказал вывесить огромный плакат «Перекоп — ключ к Москве». Ему виделись далеко идущие цели. По планам врангелевского штаба, разработанным совместно с военными миссиями держав Антанты, белогвардейская армия летом 1920 года должна была захватить Северную Таврию, Донбасс, Дон, Кубань. Расчет был на то, чтобы лишить Советскую Республику богатейших угольных и хлебных районов, приобрести необходимую базу снабжения и пополнения для армии, создать новый очаг борьбы против Советской власти и развернуть в дальнейшем широкие наступательные действия. Однако червь сомнения не покидал «правителя Юга». Одновременно с подготовкой наступления намечалось «беспрерывное укрепление» крымских перешейков до крепостного типа. Начать активные действия до разворота крупных операций на польско-советском фронте, которые стянули бы туда основные силы Красной Армии, он не решался. Но как бы там

ни было, рабоче-крестьянскому государству из Крыма грозила серьезная опасность.

Попытки же предупредить ее успеха не принесли. В середине апреля командование Юго-Западного фронта и 13-й армии сосредоточило под Перекопом Латышскую, 42-ю и 3-ю стрелковые и 8-ю кавалерийскую дивизии. Общее командование этой группой войск возложили на начальника Латышской дивизии Ф. Н. Калнина. Ей ставилась задача «перейти в энергичное и решительное наступление на Перекопском перешейке», имея целью занятие Крыма. Бригадам 46-й дивизии, стоявшим на Сиваше, предписывалось «при первой возможности захватить Сивашский и Чонгарский мосты», а затем содействовать перекопской группе [3].

Поставив перед войсками решительные цели, командование фронта и 13-й армии должной подготовки к наступлению не провело. Не получив достаточно полных разведывательных данных о противнике, оно недооценило его. Между тем к середине апреля белые на перекопском направлении успели сосредоточить 1-й армейский корпус Кутепова, что сразу изменило соотношение сил в их пользу. К тому же противник узнал о планах красных и постарался принять необходимые меры.

Наступление, начатое утром 13 апреля, велось разрозненными силами. Вначале Латышская дивизия стремительной атакой заняла Турецкий вал. Для развития успеха нужна была поддержка, но части второго эшелона опаздывали. Между тем противник, перегруппировав свои силы, ввел в сражение свежие резервы. Четыре ожесточенные фронтальные атаки конницы противника латыши отбили. Тогда врангелевцы, бросив в бой еще около полутысячи конников, поддержанных танками и бронемашинами, ударили во фланг латышским стрелкам. Бой длился целый день. Обе стороны несли огромные потери. Командиры и политработники сражались в гуще рядовых воинов. В 1-м полку 1-й латышской бригады был выбит весь командный состав, погиб и командир полка. В 3-м полку был полностью изрублен целый батальон с командой разведчиков. Части Латышской дивизии вынуждены были оставить Турецкий вал и вернуться на исходные позиции.

Утром 14 апреля схватка на перекопском направлении разгорелась с новой силой. Крупная группировка

Части Латышской стрелковой дивизии в походе. 1920 г.

пехоты и конницы противника при поддержке танков и бронемашин прорвала позиции наших войск севернее Перекопского перешейка и оттеснила их к Преображенке. Белые пытались закрепиться на новом рубеже, но стремительной контратакой 8-я кавалерийская дивизия опрокинула их и вновь отбросила за Турецкий вал. Однако и на этот раз развить успех не удалось. Перевес сил был на стороне врага. Обе стороны остались в основном на исходных до наступления позициях.

Отбив наступление советских войск, противник попытался укрепить свое положение высадкою двух десантов. 14 апреля в районе деревни Кирилловки на побережье Азовского моря, южнее Мелитополя, высадился Алексеевский полк силою до 800 штыков при одной батарее с задачей перерезать железную дорогу в районе станции Акимовка. Внезапности враг не достиг. Вылетевший утром на разведку летчик комсомолец Юлиан Крекис обнаружил десант. Начальник авиации 13-й армии В. И. Коровин бросил против него все семь исправных самолетов. Бомбометанием летчики затопили баржу с боеприпасами и вынудили белых отвести суда в море.

Операцию возглавил только что назначенный начальником 46-й дивизии Юрий Владимирович Саблин. Начдиву не исполнилось еще и 23 лет, но за его плечами был большой боевой опыт. Неполных 19 лет попал на фронт первой мировой войны. После ранения школа прапорщиков, по окончании ее опять армия. В октябрьские дни участвовал в революционных боях за Советскую власть в Москве. Примкнув к левым эсерам, стал участником левоэсеровского мятежа в Москве. Был приговорен к одному году тюрьмы условно, но амнистирован ВЦИК. После этого порвал с эсерами. В 1919 году вступил в Коммунистическую партию. Воевал на Западном и Южном фронтах, в ноябре — декабре 1919 года командовал 41-й стрелковой дивизией, которая брала Харьков, а затем Эстонской и 46-й дивизиями. В ходе боев часть белых десантников была прижата к морю и уничтожена, другая под прикрытием огня десяти кораблей прорвалась к Геническу. Начдив сам повел полки в атаку и руководил уличными боями вплоть до полного уничтожения десанта. В своих воспоминаниях Врангель вынужден был признать, что алексеевцы, «не проявив должной стойкости, стали отходить, причем понесли значительные потери» [4].

15 апреля в районе поселка Хорлы, западнее Перекопа, врангелевцы десантировали Дроздовскую пехотную дивизию при 16 орудиях и 60 пулеметах. И на этот раз десант был своевременно обнаружен нашими летчиками. Заметив в море шесть судов, идущих к порту Хорлы, летчик Александр Петренко немедленно направился к Чаплинке, где находился штаб войск перекопского направления. Предупрежденные пилотом, наши войска достойно встретили белых. Не помогла и огневая поддержка английских военных кораблей. Потеряв в двухдневных боях более 350 человек убитыми, несколько орудий и пулеметов, Дроздовская дивизия с большим трудом пробилась к своим на Перекопский перешеек. После этого боевые действия на крымском направлении временно приняли позиционный характер.

Имея большое преимущество на море, врангелевские суда вели регулярный обстрел советских берегов. 1 мая 1920 года группа кораблей бомбардировала порты Мариуполь, Темрюк, Геническ. 3 мая два корабля подошли к Таганрогу, 5 мая прорвались даже к устью Дона.

В районе Очакова длительное время пиратствовал белогвардейский миноносец «Жаркий». Высаживаемые им на берег диверсионные группы разрушали проволочную связь, грабили и терроризировали рыбачьи суда и прибрежное население. Кончилось тем, что в один из своих набегов «Жаркий» был накрыт огнем нашей плавучей батареи. Миноносец получил серьезные повреждения и прекратил пиратствовать в этом районе.

Среди рядовых моряков белогвардейского флота росло недовольство действиями крымского барона. Учащались случаи перехода их на сторону Советской власти. В середине апреля 1920 года в районе Юзкуй (севернее Геническа) к нам от белых перешел катер с командиром и 16 матросами. 22 мая 60 матросов, захватив замки орудий с белогвардейского тральщика, прибыли в Геническ.

Бывали случаи перехода на нашу сторону и целых частей. Об одном из них ярко рассказал командир 8-й кавалерийской дивизии В. М. Примаков. Во время перерывов в боях основные силы дивизии располагались в районе Перво-Константиновки. Впереди нее, на линии хутора Преображенка, стояла дежурная бригада, которая занимала фронт от Черного моря до Сивашей и наблюдала за Перекопским валом. В одну из ночей к нашей конной заставе быстро приближалась идущая по дороге от Перекопа большая колонна. Начальник дозора окликнул ее:

— Стой! Кто идет?

Из темноты донеслись приглушенные, сдержанные голоса:

— Свои... Мы свои, товарищи... мы перебежчики... Мы Симферопольский полк, идем на вашу сторону.

Колонну направили к штабу дивизии.

К Перво-Константиновке симферопольцы подошли уже на восходе солнца. Посыпались вопросы: почему солдаты оставили Врангеля? Большинство перешедших сходились на том, что Крым полон бар, что правда там, где Москва, где Красная Армия. Примерно через час после завтрака прибыл командир дивизии со своим штабом. Его адъютант приказал старшему из офицеров построить полк. Огромная толпа в тысячу с лишним человек превратилась в стройную колонну из шестнадцати

рот, стоящих сомкнуто и напряженно ожидавших, что им скажут.

Митинг открыл командир дивизии 23-летний Виталий Маркович Примаков. Несмотря на молодость, ему уже многое пришлось повидать. 17-летним пареньком вступил он в ряды партии большевиков, за революционную работу среди солдат черниговского гарнизона в феврале 1915 года был осужден на вечную ссылку в Сибирь. Освобожденный Февральской революцией, вернулся в Чернигов. Работал в Киевском большевистском комитете, по поручению которого в августе 1917 года вступил в полк, расквартированный в Чернигове, был избран солдатами делегатом на Второй Всероссийский съезд Советов. Участвовал во взятии Зимнего дворца. На съезде был избран во ВЦИК, который направил его на Украину. В Харькове Примаков организовал полк Червонного казачества. Командовал полком, бригадой, а затем дивизией. Хорошо зная солдатскую массу, командир дивизии объявил, что полк сохранит свое имя. С большим вниманием слушали солдаты и комиссара полка, говорившего о задачах революции, о сути Советской власти. После митинга колонна симферопольцев двинулась в Мелитополь, в распоряжение командарма [5].

На май 1920 года командование Юго-Западного фронта готовило новое наступление на Крым. Однако оно было сорвано событиями на Западе. 25 апреля 1920 года против Советской Республики на широком фронте перешла в наступление подготовленная и вскормленная Антантой белопольская армия. 6 мая ей удалось взять Киев. В этих условиях основные силы Красной Армии, естественно, переключились на польский фронт. Учитывая, что Юго-Западный фронт весной 1920 года не обладал достаточными силами для одновременного удара на польском и на врангелевском направлениях, ЦК РКП(б) 25 мая принял решение: «Вменить в обязанность военному ведомству задержать предполагаемое наступление на Крым, если, по мнению Польского штаба, оно не требуется безусловно положением польского фронта. В последнем случае внести снова вопрос на обсуждение Политбюро» [6]. 2 июня В. И. Ленин в телеграмме члену Реввоенсовета Юго-Западного фронта И. В. Сталину напоминал: «Вы, конечно, помните, что

по решению Политбюро наступление на Крым приостановлено впредь до нового решения Политбюро» [7].

Отвечая В. И. Ленину, И. В. Сталин счел возможным внести на рассмотрение Центрального Комитета партии предложение о наступлении против Врангеля. На этой телеграмме В. И. Ленин написал: «Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: «Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа» [8].

После всестороннего обсуждения Центральный Комитет партии указал Реввоенсовету Юго-Западного фронта, что наступление против Врангеля возможно лишь при тщательной и полной подготовленности операции, гарантирующей успех. Реввоенсовету фронта было предложено после завершения подготовки наступления доложить Центральному Комитету партии для принятия решения. В телеграмме В. И. Ленину и Реввоенсовету Республики И. В. Сталин 5 июня писал: «Значит, нужно готовиться... Понятно, что без санкции Цека ничего не будет предпринято». Тем не менее, видя свою главную задачу в наступлении на Крым, командование Юго-Западного фронта и 13-й армии не приняло должных мер для отражения врангелевского удара.

Учитывая, что основные силы Юго-Западного фронта связаны с борьбой с белополяками, Врангель напряженно готовился к наступлению для захвата Северной Таврии, Дона, Донбасса, Кубани. Полному согласованию действий Врангеля и Польши, а также петлюровцев в определенной мере мешало наличие политических разногласий между ними. Стоявший на позициях «единой и неделимой» России барон вначале не поддерживал польских планов захвата белорусских, украинских и части русских земель, не соглашался он и на самостоятельность Украины. Как говорится, спор между охотниками военных авантюр шел из-за шкуры еще не убитого медведя. Но в ненависти к Советской России стороны были едины, и это побуждало их к сотрудничеству. В начале июня Врангель информировал французского генерала Манжена, который проявлял наибольшую активность в деле создания антисоветского фронта, что он готов к соглашению «чисто военного характера, не за-

трагивая до окончания борьбы никаких щекотливых политических вопросов».

Об объединении антисоветских сил барон думал и ранее. Готовясь к наступлению, он в приказе от 13 мая 1920 года писал: «В случае перехода нашего в наступление мы на пути к достижению заветной цели — уничтожения коммунизма, можем войти в соприкосновение с повстанческими частями Махно, украинскими (петлюровскими. — *Авт.*) войсками и другими противокоммунистическими группами... Приказываю: всем начальникам, при соприкосновении с указанными выше противобольшевистскими группами, сообразовать свои действия с действиями войск этих групп...» [9] В любом случае Антанта и Врангель рассчитывали на то, что удар с юга по советским армиям, действовавшим на Украине, будет «иметь серьезное значение для польского командования, расстраивая весь план большевиков охвата польской армии с двух флангов» [10].

Операция белогвардейской армии по выходу из Крыма и захвату Северной Таврии началась десантом 2-го армейского корпуса генерала Слащева на северное побережье Азовского моря в район деревни Кирилловки, южнее Мелитополя. Перед десантом была поставлена задача перерезать железную дорогу Симферополь — Мелитополь, а затем нанести удар в тыл частям 13-й армии, действовавшим в районах Чонгара и Перекопа. Для дезинформации советских войск намеренно распространялись слухи о десанте в районе Новороссийска и Одессы. Командование и разведывательные органы Юго-Западного фронта и 13-й армии оказались не в состоянии проанализировать обстановку и разгадать намерения врага, что привело к тяжелым последствиям для 13-й армии.

Белым удалась скрытность операции. Корпус Слащева, переброшенный из Джанкоя в Феодосию, погрузился на 32 транспортных судна и под охраной 12 канонерок и сторожевых кораблей вышел через Керченский пролив в Азовское море. Фарватер проходил в каком-то километре от побережья Тамани. Но из-за отсутствия должной охраны караван вражеских судов прошел незамеченным. Только в Азовском море капитаны судов вскрыли пакеты с приказом о районе высадки, а командиры частей десанта узнали о его цели. Утром 6 июня

транспорты подошли к месту высадки и начали десантирование.

Белые торопились. Используя момент внезапности, они надеялись выбраться на берег незамеченными. Однако через несколько часов над ними появился краснозвездный «Ньюпор-17». Его пилотировал комсомолец Юлиан Крекис, который первым обнаружил и апрельский десант в этом районе. Несмотря на бешеный огонь белых, летчик облетел караван, сбросил бомбы и обстрелял суда из пулемета. Через час совершила налет на десант группа из четырех самолетов. В тот же день летчики 3-го и 13-го авиаотрядов нанесли по белым еще два штурмовых удара. О высадке десанта в штаб 13-й армии было послано донесение. Но из-за плохой связи оно прибыло в Александровск только к вечеру.

Части 13-й армии оказались мало подготовленными к борьбе с десантом Слащева. Сыграло роль и то, что одновременно белые демонстрировали высадку войск в районе порта Хорлы, где появились суда с баржами и начали артиллерийский обстрел побережья. Против главного десанта, высадившегося у Кирилловки, были направлены недостаточные силы. Их общая численность не превышала 2 тысяч штыков и сабель, в то время как у Слащева было 6,5 тысячи человек.

Имея более чем тройное превосходство в силах, Слащев начал наступление на Мелитополь. Упорные бои развернулись у железнодорожной станции Акимовка. Под натиском белых советские войска вынуждены были отходить. 9 июня белогвардейцы овладели Мелитополем, перерезав железную дорогу Симферополь — Синельниково, на которую базировалась 13-я армия. Энергичные меры по эвакуации находившихся на излечении в мелитопольских госпиталях более 10 тысяч больных и раненых красноармейцев предпринял брат В. И. Ленина Дмитрий Ильич Ульянов. С апреля 1920 года он входил в состав Крымского ревкома и бюро обкома партии, которые тогда находились в Мелитополе, одновременно возглавляя комиссию по борьбе с тифом в 13-й армии. По его указанию было мобилизовано около тысячи крестьянских подвод, на которых раненые и больные были вывезены. С последними подводами, уже под пулеметным огнем, покинул госпиталь сам Дмитрий Ильич.

С оставлением Мелитополя бронепоезда, действующие здесь, оказались отрезанными от своих, так как белогвардейцы взорвали железнодорожный мост к югу от города. Однако моряки решили любой ценой вырваться из кольца. Преодолевая заслоны противника, бронепоезда пробились к взорванному мосту. Личный состав был брошен на сооружение временной переправы через реку, в то время как наиболее мощный бронепоезд № 85 огнем своих орудий отражал попытки врага приблизиться к мосту. Командир группы бронепоездов А. В. Полупанов так описывал самоотверженные усилия бойцов: «Спустили в воду бронеплощадку, на нее сбросили товарные вагоны. Их нужно было засыпать тысячами пудов земли. В ход были пущены лопаты, кирки, ведра, носилки. Сотни людей, обливаясь потом, под вражеским обстрелом, как муравьи, тащили землю, камни, утрамбовывали насыпь. Раненых и убитых уносили. Наконец, насыпь была готова, уложены шпалы и рельсы» [11]. Переправившись ночью по этому импровизированному мосту, бронепоезда с боями прорвались через Мелитополь к своим.

Утром 7 мая при поддержке танков, бронепоездов и самолетов перешли в наступление 1-й армейский корпус генерала Кутепова на Перекопе и Сводный корпус генерала Писарева на Чонгаре. Корпусу Кутепова с его отборными Корниловской, Марковской, Дроздовской пехотными и 1-й и 2-й кавалерийскими дивизиями противостояли две наши стрелковые дивизии — 3-я и Латышская. В течение двух дней в районе Первоконстантиновка — Преображенка — Владимировка — Чаплинка шли ожесточенные бои. Обе стороны несли большие потери. Латышская дивизия, принявшая на себя 7 июня основной удар противника, только за этот день потеряла 1100 человек убитыми и ранеными. Такие потери дивизия понесла впервые за всю свою боевую историю. Сдерживая натиск врага, воины-латыши нанесли ему еще больший урон. Героизм и выучку бойцов дивизии вынужден был признать Врангель. В своих мемуарах он писал: «Танки и броневики двигались впереди наших частей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Пре-

ображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито»[12].

Учитывая тяжелое положение войск 13-й армии, Реввоенсовет Юго-Западного фронта передал из своего резерва в ее состав 15-ю Инзенскую стрелковую дивизию (до 19 июня начдив А. И. Седякин, после — П. А. Солодухин), а также ввело в бой и находившуюся в его резерве 2-ю Ставропольскую кавалерийскую дивизию имени М. Ф. Блинова. Она была брошена на чонгарское направление, где, сдерживая натиск сводного конного корпуса Писарева, упорно дралась 46-я стрелковая дивизия. В ночь на 10 июня 3-я бригада дивизии имени М. Ф. Блинова совершила дерзкий налет на Новомихайловку, где находился штаб и некоторые части белогвардейской Чеченской дивизии. Разведав расположение врага, бригада тщательно подготовилась к удару. Чтобы подойти к деревне бесшумно, копыта лошадей обмотали тряпками, а колеса повозок — соломой. Застигнутый врасплох штаб дивизии был разгромлен, ее командир генерал Ревишин захвачен в плен. На допросе он подтвердил, что вооружение и снаряжение врангелевцы получают от стран Антанты, а французские и английские корабли поддерживают их с моря. Когда же ему предъявили обвинения в грабежах населения, которые устраивала его дивизия, он заявил: «Не отрицаю, что чеченцы грабят, но грабят они никоим образом не больше, чем другие войска, что доказано неоднократно обысками, производимыми начальниками, не имеющими никакого отношения к Чеченской дивизии»[13].

Однако ввод в бой двух новых соединений, несмотря на их активные действия, не мог изменить общего соотношения сил в пользу 13-й армии. Главное командование Красной Армии, командование Юго-Западного фронта недооценили боевые возможности армии Врангеля, масштабы и опасность ее наступления, видя в нем лишь частную операцию по отвлечению внимания наших частей от польского фронта. Этим в первую очередь объясняется трудновыполнимая директива Реввоенсовета Юго-Западного фронта от 10 июня 1920 года о переходе 13-й армии в наступление для ликвидации перекопской группы противника. Выполняя директиву Реввоенсовета фронта, части 13-й армии на ряде участков фронта перешли в наступление, хотя времени на его

подготовку у них не было. На подступах к Крыму вновь развернулись ожесточенные бои.

Чтобы сломить сопротивление красных войск, Врангель бросил на фронт находившийся в его резерве сильный трехдивизионный Донской корпус генерала Абрамова. К этому времени дивизии корпуса за счет насильственной реквизиции лошадей у крестьян захваченных районов Северной Таврии превратились из пеших в конные и стали активно действовать в привычном для них строю. В итоге под давлением превосходящих сил врага войска 13-й армии начали с боями отходить.

12 июня врангелевцы овладели Алешками и стали контролировать левый берег Днепра от устья до Каховки. К северо-востоку от Перекопа наступление белых продолжалось вплоть до 24 июня, когда оно было остановлено южнее Александровска (Запорожья). 22 июня барон перенес свой полевой штаб в Мелитополь.

В результате июньских боев войска 13-й армии оказались разделенными Днепром на две части: Правобережную группу, занявшую оборону на рубеже от Херсона до Никополя, и Левобережную, закрепившуюся на линии Васильевка — Большой Токмак — Бердянск. Нанеся серьезное поражение войскам 13-й армии, Врангель вышел из «Крымской бутылки» и захватил богатые хлебные районы Северной Таврии. Однако у белогвардейцев не хватило сил осуществить намеченный ими план окружения и полного разгрома 13-й армии с последующим прорывом в тыл Юго-Западного фронта. Отказались они и от запланированного ранее наступления на Донбасс.

Советское командование решило не дать возможности Врангелю закрепиться в Северной Таврии и стало готовить контрудар.

Учитывая растянутость врангелевского фронта более чем на 300 километров, его конфигурацию, представляющую дугу, обращенную вершиной на север, план предполагал концентрированными ударами по флангам противника окружить и уничтожить его основные силы. Главный удар на Мелитополь с выходом в тыл основным силам белых наносила сосредоточенная в районе Цареконстантиновки ударная группа Д. П. Жлобы, куда входили части 1-го конного корпуса, 40-й стрелковой дивизии и 2-й Ставропольской кавдивизии имени М. Ф. Блинова. Второй удар Правобережной группы

в составе Латышской и 52-й стрелковых дивизий намечалось нанести из района Берислава в направлении на Перекоп по тылам Врангеля.

Утром 28 июня левобережные войска 13-й армии перешли в наступление. На широком фронте от Днепра до Бердянска развернулись упорные бои. Ударная группа Д. П. Жлобы внезапно обрушилась на Донскую дивизию врангелевцев. В ходе ожесточенного боя она разгромила два ее полка и овладела Верхним Токмаком. В течение последующих двух дней Сводный корпус Д. П. Жлобы продолжал с боями продвигаться вперед. 40-я стрелковая дивизия нанесла поражение 3-й Донской дивизии противника и вышла к Ногайску (на Азовском море). Фронт противника был прорван. Создалась реальная возможность полностью разбить по частям не оправившийся от удара Донской корпус врага. Для этого следовало изменить ранее утвержденное направление главного удара на Мелитополь и повернуть основные силы Сводного корпуса на юг. Однако корпус инициативы в этом вопросе не проявил, а командование 13-й армии приказом от 1 июля подтвердило ранее поставленную задачу наступать основными силами на Мелитополь. Действия наших войск на других участках существенной помощи корпусу Д. П. Жлобы также не оказали.

В боях в районе Большого Токмака геройски погиб комиссар 15-й Инзенской стрелковой дивизии член партии с 1902 года Михаил Петрович Янышев. С ним 15-я Инзенская сражалась в низовьях Дона, за Донбасс и Ростов, в кубанском походе, геройски действовала она и на врангелевском фронте. И всюду рядом с комиссаром Янышевым находилась его жена и друг — начальник политотдела дивизии Александра Александровна. 25 июня белые захватили Гохгейм — поселение немецких колонистов, где инзенцы не успели укрепиться. Как только об этом стало известно в штабе дивизии, Янышев на коне примчался к месту боя. Взяв винтовку у раненого бойца, он бросился вперед. За ним устремились красноармейцы. В рукопашной схватке комиссар был смертельно ранен штыком в грудь и умер на перевязочном пункте.

По распоряжению В. И. Ленина гроб с телом Михаила Петровича был доставлен в Москву и установлен в здании Моссовета. 13 июля 1920 года М. П. Янышев

был похоронен в братской могиле у Кремлевской стены. «В те тяжелые дни, — вспоминала А. А. Янышева, — большую чуткость и заботу обо мне проявляла Надежда Константиновна Крупская. Чтобы не оставлять одну после похорон, она пригласила к себе ночевать. Поздно вечером пришел домой Ленин. Увидав меня, он сказал: «Что же вы, товарищ Шура, не уберегли Янышева? Ведь таких Янышевых немного». Я рассказала про Гохгеймский бой. «В такой обстановке, Владимир Ильич, а вы где были бы?» — спросила я, и Ленин ответил спокойно: «Там, где он». После своего трехдневного пребывания в Москве Александра Янышева вновь уезжала на фронт. Утром она попрощалась с Владимиром Ильичем. Пожимая ей руку, он сказал: «В следующий раз приезжайте к нам только с победой, с одной победой и ни с чем больше» [14].

Части правобережной группы 13-й армии форсировали Днепр только 1 июля. После упорных боев они овладели Малой и Большой Каховкой, Корсунским монастырем. Однако удержать плацдарм не сумели и через два дня вновь отошли за Днепр, перейдя к обороне. Так что должного нажима с их стороны на белогвардейские войска не было.

Воспользовавшись пассивностью войск 13-й армии на других участках, Врангель для действий против Сводного корпуса Д. П. Жлобы перебросил в район восточнее Мелитополя три пехотные и одну кавалерийскую дивизии. В общей сложности здесь было сосредоточено более 11 тысяч человек пехоты и кавалерии противника. Сюда же были подтянуты бронепоезда, действовавшие по железной дороге Федоровка — Верхний Токмак. Белым удалось добиться двойного превосходства в живой силе и технике, а по авиации даже тройного. С помощью воздушной разведки противник выявил расположение наших сил.

3 июля белогвардейские дивизии начали боевые действия против ударной группы Д. П. Жлобы, стремясь в первую очередь разбить 1-й конный корпус. Бои носили ожесточенный характер. Особенно неистовствовали врангелевские летчики. В решающий момент боя, когда 2-я Ставропольская кавалерийская дивизия имени М. Ф. Блинова, которой временно с 28 июня по 17 июля командовал П. Е. Дыбенко, смяла Корниловскую диви-

зию и вполне могла пробить дорогу всему Сводному корпусу, на нее налетело несколько вражеских «хэвилендов». Идя на бреющем полете, они в упор расстреливали наших конников, не научившихся еще уклоняться от ударов авиации. Несмотря на серьезные потери, 2-я Ставропольская кавалерийская дивизия вышла из боя в относительном порядке и сохранила боеспособность. В более тяжелом положении оказался 1-й конный корпус Д. П. Жлобы. В результате непрерывных атак противника с фронта, флангов и тыла управление им было потеряно и части его отдельными группами, неся большие потери в людях, конском составе, пробивались на восток и северо-восток. К 6 июля избежавшие разгрома части Сводного корпуса были собраны в районе станции Волноваха и выведены в резерв 13-й армии.

Разгром корпуса Д. П. Жлобы показал, что врангелевская армия превратилась в серьезного противника. Ее командный состав умело управлял войсками в сложных условиях. К таким применявшимся противником средствам борьбы, как бронемашины и авиация, многие наши части, особенно конные, оказались малоприспособленными.

Недооценка сил Врангеля советским командованием привела войска 13-й армии к серьезной неудаче. Их наступление в Северной Таврии провалилось. Боевые действия против врангелевцев показали, что крымский участок Юго-Западного фронта стал одним из важнейших театров борьбы с контрреволюцией. «Крымская заноза» превратилась в довольно болезненный нарыв на теле нашей республики.

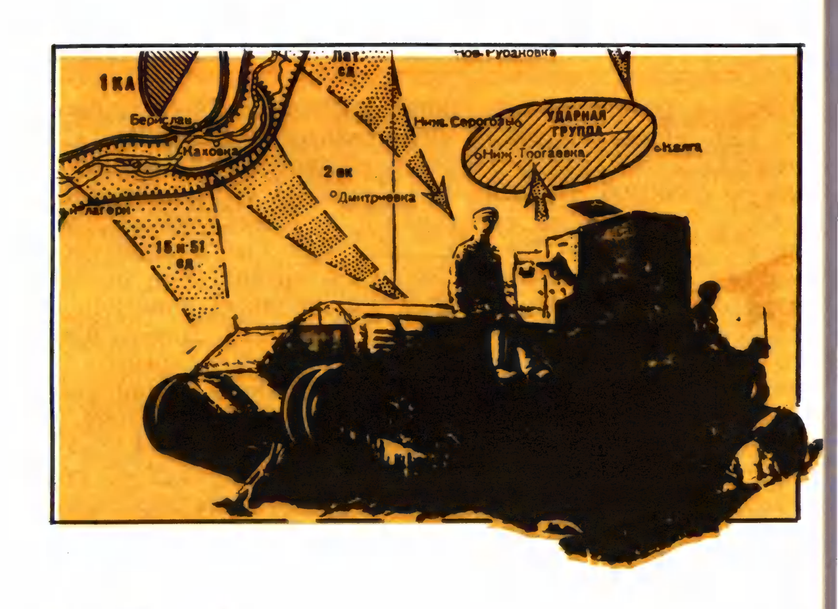
Центральный Комитет РКП(б) 10 июля 1920 года обратился ко всем партийным организациям с письмом «На барона Врангеля». «В самый тяжелый момент борьбы русских и украинских рабочих и крестьян с польской шляхтой, — говорилось в нем, — генерал Врангель ввел свои войска в самые плодородные уезды Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его движение уже нанесло неисчислимый вред Советской Республике. Каждый даже временный и незначительный успех врангелевских мятежников грозит еще большими бедами. Хлеб, уголь, нефть, предназначавшиеся для спасения рабочих и крестьян России, находятся под угрозой. Донецкий бассейн, Дон и Кубань, кровью лучших сынов

трудового народа освобожденные от Деникина, находятся под ударами Врангеля. В глубоком тылу Красной Армии, победоносно продвигающейся на Западном фронте, белогвардейские бандиты производят разрушения и грозят сделать ближайшую зиму не менее тяжелой, чем зима 1919 года...

На Крымском фронте мы теперь расплачиваемся только за то, что зимой не добили остатков деникинских белогвардейцев. Голод, разруха транспорта, нехватка топлива будут длиться дольше потому, что в свое время не было проявлено достаточно энергии, настойчивости и решительности в доведении до конца разгрома южной контрреволюции.

Далее медлить нельзя! Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин... В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте! Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг. Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем. Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен.

Над Крымом должен взвиться красный флаг рабочей революции» [15].

Глава 3

КАХОВКА, КАХОВКА...

Успехи наших войск на польском фронте в июне 1920 года позволили принять меры по укреплению Крымского участка. В командование 13-й армией с 16 июля 1920 года вступил Иероним Петрович Уборевич. 24-летний командарм имел большой опыт революционной и военной работы. Сын литовского крестьянина, Уборевич сумел получить военное образование — окончил Константиновское артиллерийское училище, с 1916 года в чине подпоручика он участвовал в первой мировой войне: командовал батареей и ротой. В марте 1917 года И. П. Уборевич стал членом большевистской партии, одним из организаторов Красной гвардии в Бессарабии. В 1918-м сражался с румынскими, австро-германскими, а затем англо-американскими интервентами. Военный талант И. П. Уборевича был замечен, и ему доверяют высокие должности. С октября 1919 года по февраль 1920 года он командовал 14-й армией при разгроме войск генерала Деникина, в марте-апреле 1920 года — 9-й армией на Северном Кавказе. Когда началась

война с белополяками, вновь возглавил 14-ю армию.

13-я армия получила значительное пополнение. Из резерва Юго-Западного фронта ей передали 15-ю стрелковую дивизию. По решению Главкома сюда направлялись 1, 9, 23 и 51-я стрелковая и 9-я кавалерийская дивизия, Сибирская бригада, две бригады и несколько мелких подразделений из Запасной армии, семь бронеотрядов, один истребительный авиационный дивизион и два разведывательных авиационных отряда. Для лучшего использования авиации все самолеты крымского участка фронта объединялись под единым командованием выдающегося советского летчика И. У. Павлова.

16 июля Реввоенсовет Юго-Западного фронта с согласия Реввоенсовета Республики издал приказ об образовании 2-й Конной армии. Ее костяк составляли наиболее боеспособные 2-я Ставропольская имени М. Ф. Блинова и 21-я дивизии. В армию входили также 16-я и 20-я дивизии. К началу боевых действий 25 июля армия насчитывала 9,3 тысячи бойцов, в том числе 4775 конных. Командующим 2-й Конной армией временно назначался Ока Иванович Городовиков. Сын бедного крестьянина-калмыка из Ростовской области, участник первой мировой войны, он в 1917 году организовал красногвардейский отряд. В годы гражданской войны член партии с 1919 года О. И. Городовиков командовал эскадроном, бригадой, 4-й дивизией в 1-й Конной армии. Членами Реввоенсовета армии стали член Реввоенсовета 1-й Конной армии Е. А. Шаденко и бывший комиссар штаба Юго-Западного фронта К. А. Макошин.

В общем к концу июля 1920 года советские войска на крымском участке Юго-Западного фронта (13-я и 2-я Конная армии) насчитывали 40 тысяч штыков, 5,6 тысячи сабель, 247 орудий, 6 бронепоездов и 45 самолетов [1].

В начале августа планировалось начать наступление против Врангеля. Но белогвардейцы упредили наши намерения и в конце июля первыми приступили к активным действиям.

Успехи в Северной Таврии, особенно разгром корпуса Жлобы, укрепили положение белогвардейского командования. Крымские газеты, засыпаемые победными реляциями с фронта, раздували их до «беспримерных в во-

енной истории побед», сравнивали Врангеля с великими полководцами. Однако Северная Таврия дорого досталась барону. Только при прорыве из Крыма его войска потеряли не менее 30 процентов личного состава. В последующих боях потери еще более возросли. В батальонах некоторых дивизий осталось по 30—40 человек. Боевую выучку многие врангелевские части, особенно с большой офицерской прослойкой, показывали, но вера в конечную победу пропала. Армия, чувствуя враждебность окружавшего ее населения, воевала скорее, как выражались даже командиры офицерских частей, «по разгону, по инерции». Так что молебен, который отслужил Врангель 4 июля в Мелитополе «по случаю дарования победы», вряд ли мог называться заслуженным [2].

12 июля 1920 года британский министр иностранных дел лорд Керзон в ультимативной форме потребовал от Советского правительства остановить наступление Красной Армии и подписать перемирие с Польшей. В случае непринятия этих условий Антанта угрожала пустить в ход все имеющиеся в ее распоряжении средства.

В ответной ноте Советского правительства выражалась готовность пойти на известные уступки, если Польша перестанет быть орудием нападения против Советской России. В ноте разоблачалась связь Антанты и с Врангелем, подчеркивалось, что его армия и администрация почти целиком существуют на средства государств Антанты. Советское правительство заявляло, что оно не может пройти равнодушно мимо намерения Великобритании превратить Крым в постоянное убежище мятежников, которые в действительности выполняют роль агентов Антанты [3]. В записке на имя народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина 22 июля В. И. Ленин предлагал сообщить Керзону, что «если *Англия* (+ Франция + ? + ?) хочет общего, т. е. *настоящего* мира, *мы за* уже давно. Тогда *уберите Врангеля,* ибо он *Ваш,* Вами содержимый, и тотчас начинаем переговоры» [4]. Однако мир в планы империалистов не входил. Получив отпор со стороны Советского правительства, они начали лихорадочную работу по собиранию новых сил для расширения фронта антисоветской борьбы.

10 августа 1920 года госдепартамент США передал

заявление, известное как нота Кольби, по «русскому вопросу», рассчитанное на активизацию антисоветских сил. В нем указывалось, что правительство США «относится враждебно ко всякого рода переговорам с советским режимом» и надеется на восстановление в России «законной» власти. В телеграмме, посланной по указанию Врангеля в Вашингтон, выражалась «искренняя признательность главнокомандующего и правительства Юга России за ценную поддержку, оказываемую Соединенными Штатами русскому национальному делу». Вслед за США в поддержку барона выступила Англия. В августе английский премьер Ллойд Джордж заявил в палате общин, что правительство возьмет на себя снабжение белогвардейской армии.

Правительство Франции пошло дальше других. 11 августа оно опубликовало заявление, в котором говорилось: «Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства генерала Врангеля, а также его заверение относительно... верности прежним обязательствам России, французское правительство решило признать правительство генерала Врангеля фактическим правительством Южной России...»[5]. В ответной телеграмме барон выразил «горячую благодарность за драгоценную поддержку». На страницах парижской газеты «Витуар» ликовал белогвардейский журналист Бурцев: «Сегодня наш праздник».

Признание стоило унизительного соглашения, по которому Врангель обязывался:

«1. Признать все обязательства России и ее городов по отношению к Франции с приоритетом и уплатой процентов на проценты. 2. Франция конвертирует все русские долги и новый $6^1/_2$-процентный заем, с частичным годовым погашением, на протяжении 35 лет. 3. Уплата процентов и ежегодного погашения гарантируется: а) передачей Франции права эксплуатации железных дорог Европейской России на известный срок, б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей, в) представлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и Кубанской обл. в течение известного количества лет, причем за исходную точку берется довоенный экспорт, г) представлением в распоряжение Франции трех четвертей добычи нефти и бензина на из-

вестный срок, причем в основание кладется добыча довоенного времени, д) передачей четвертой части добытого угля в Донецком районе в течение известного количества лет» [6].

Такое «соглашение» делало французских империалистов, по существу, полными хозяевами России. Как видно, для своего спасения барон шел на все, какие-либо угрызения совести его не мучили. Это было еще одним подтверждением ленинского вывода о том, что, когда дело касается глубинных интересов, эксплуататорский класс идет на национальную измену, «продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами» [7].

Политическая поддержка «Правителя Юга России» империалистическими правительствами сопровождалась усилением снабжения белогвардейской армии боевой техникой, вооружением и снаряжением. «С одной только военной точки зрения, — писал 4 августа маршал Ф. Фош главе французского правительства А. Мильерану, — оказание материальной помощи со стороны Антанты генералу Врангелю представляет собой бесспорный интерес». Каких-либо расхождений у маршала и премьера в этом отношении не было. Уже на следующий день Мильеран телеграфировал в Крым о том, что Франция готова оказать «всю возможную материальную помощь».

Опираясь на поддержку империалистов Антанты и США, «правитель Юга России» готовил армию к новому наступлению. Несмотря на упорное сопротивление населения, он принудительно призвал в армию молодежь Северной Таврии, насильственно отобрал у крестьян лошадей. Всего в Северной Таврии врангелевцы имели 25 тысяч штыков, 10,5 тысячи сабель, 178 орудий и 33 самолета. Кроме этого, 14 тысяч штыков и сабель у них находилось в резерве [8].

Разбавленная новобранцами, врангелевская армия, несмотря на мощные офицерские кадры, державшие в повиновении рядовой состав, не имела прежней стойкости. Однако двойное численное превосходство белогвардейцев над нашими войсками в коннице давало им серьезные преимущества, так как равнинный характер Северной Таврии облегчал маневр кавалерии, позволял быстро сосредоточивать ее на решающих участках фрон-

та. Обстановка для советских войск осложнялась и действиями в их тылу отрядов махновцев.

План белогвардейского наступления преследовал широкие стратегические цели: разгромить группировку советских войск в районе Орехова, захватить Александровск (Запорожье) и Екатеринослав (Днепропетровск), а затем Донбасс и Донецкую область. Наступление врангелевцев началось 25 июля. Внезапно атаковав части 3-й и 46-й стрелковых дивизий, Дроздовская и Марковская пехотные дивизии врага потеснили их. В образовавшийся разрыв хлынули части конного корпуса генерала Н. Г. Бабиева. Противник занял Орехов, а также крупный населенный пункт Жеребец.

Геройски дрались в этих боях части 124-й бригады, которая состояла из 5-го особого латышского, венгерского и русского полков. В ночь с 25 на 26 июля враг окружил бригаду. Русскому полку удалось вырваться из кольца. Однако у двух других полков — латышского и венгерского, не имевших артиллерии и окруженных более крупными силами противника, такой возможности не оказалось. Тогда они приняли решение стоять насмерть. Бой шел весь день 26 июля. К вечеру кавалерия противника ворвалась в расположение подразделений. Началась последняя отчаянная схватка. Дважды Краснознаменный 5-й особый латышский и венгерский полки, до конца выполнив свой интернациональный долг, погибли.

В руки врангелевцев попало около двухсот израненных бойцов. 80 из них белогвардейцы тут же расстреляли. Расправу над другими прервало распоряжение врангелевского штаба отправить пленных в белогвардейский тыл, чтобы похвастаться перед представителями Антанты. Враги не знали, что среди пленных находились командир 5-го особого латышского полка В. Павар и комиссар полка Я. Лундер. Ночью, когда колонна пленных шла по степи, комиссару удалось бежать. В. Павар и другие бойцы прошли муки белогвардейского плена, пока в ноябре их не освободила Красная Армия. Из 5-го особого латышского полка в живых остались 14 бойцов. Им удалось сберечь оба Почетных Красных знамени ВЦИК.

В конце июля — начале августа белые продолжали атаки по всему фронту. Главные бои шли в районе Оре-

хова. Из Нижних Серогоз Врангель дополнительно перебросил сюда конный корпус генерала И. Г. Барбовича, усиленный бронеавтомобилями. Ценой больших потерь белогвардейцам удалось овладеть железнодорожным узлом Пологи, а 2 августа Александровском (Запорожье). Но дальнейшее их продвижение в направлении Донбасса было остановлено. «Черный барон» явно переоценил свои возможности, когда поторопился объявить, что Верхнетокмакская, Пологская и Александровская группировки красных войск разбиты.

В действительности 13-я и 2-я Конная армия хотя и понесли в этих боях большой урон, но сохранили боеспособность. Более того, получив подкрепление, они сами перешли в контрнаступление, отбросив врангелевцев к югу. 4 августа был освобожден Александровск, 6 августа — Орехов и Пологи, 8 августа — Бердянск. Опасаясь понести большие потери, белогвардейское командование не стало обороняться на промежуточных рубежах и отвело свои войска на хорошо укрепленные позиции в район Мелитополя и Большого Токмака.

В дни напряженных сражений с Врангелем французские империалистические круги совершили очередную провокацию на Черном море. 1 августа к Одессе под конвоем французского миноносца «Алжерьен» подошло два транспорта с бывшими военнопленными русскими солдатами, возвращавшимися на родину. При проверке транспортов советские военно-морские власти обнаружили в трюмах около 20 самолетов для врангелевской армии. В ответ на законные действия советских властей, задержавших груз как военную контрабанду, 7 августа к городу подошел отряд французских военных кораблей адмирала Кинэ, который в угрожающей форме потребовал вывода в море миноносца и транспортов с самолетами, утверждая, что они предназначаются не Врангелю, а французской компании в Константинополе. Через три дня французские тральщики пытались разведать систему минных заграждений у Одесского порта, но были отогнаны огнем советских батарей. Чтобы не обострять обстановку и устранить повод для новой провокации, военные власти Одессы по указанию Советского правительства отпустили французский миноносец и транспорты.

В период боев на орехово-александровском направ-

лении советское командование готовило контрнаступление на участке Правобережной группы войск 13-й армии. 31 августа главком С. С. Каменев предупредил командование Юго-Западного фронта, что «решающий удар должен быть произведен с правого берега Днепра на Перекоп». Для этого необходимо было захватить и удержать плацдарм на левом берегу Днепра в районе Каховки. Докладывая главкому, Реввоенсовет фронта сообщал о своем решении предпринять наступление силами четырех стрелковых дивизий Правобережной группы.

Командовал Правобережной группой войск 13-й армии 25-летний Роберт Петрович Эйдеман. В революционную борьбу молодой командующий включился еще в 1914 году, будучи студентом Лесного института в Петрограде. Член Коммунистической партии с 1917 года, он принимал активное участие в борьбе за власть Советов в Сибири. В 1918 году командовал отдельными отрядами и дивизиями советских войск на Восточном фронте, затем 16, 41, 46-й стрелковыми дивизиями в операциях против Деникина, в 1920 году возглавлял 13-ю и 14-ю армии Юго-Западного фронта. Вспоминая о подготовке операции, Р. П. Эйдеман писал: «Левый фланг упирался в реку Днепр. Его Врангель считал крепко обеспеченным. Врангель знал: Днепр — это могущественная водная преграда, форсирование которой сопряжено с совершенно исключительным риском и огромными трудностями. Дерзнет ли Красная Армия на серьезную операцию через Днепр?.. Он считал Красную Армию неспособной на такую операцию... По мнению врангелевцев, идти в бой, имея позади Днепр, могли только «люди, потерявшие головы» (определение Слащева). И все же Красная Армия пошла через Днепр... Весь расчет строился на внезапности»[9].

Основной удар планировался из района Берислава на Большую и Малую Каховку. Ширина Днепра не превышала здесь 400 метров. На его левом берегу в этом месте не было плавней и проток, которые могли затруднить переправу. Возвышенный правый берег огибал Каховку полукольцом, что создавало благоприятные условия для артиллерийской поддержки переправы и первых действий наших войск на том берегу. Подготовка к операции шла интенсивно. Подвозились лодки, лес,

материалы для моста. В укрытых местах вязались плоты. Прибыли понтонный батальон и два дивизиона тяжелой артиллерии из резерва главного командования. Агентурная и боевая разведка выявила расположение сил врага. Правобережной группе противостоял 2-й армейский корпус генерала Слащева. Главный удар на Большую и Малую Каховку наносился 52-й (начдив М. Я. Германович) и Латышской (начдив К. А. Стуцка) стрелковыми дивизиями. 15-я дивизия форсировала Днепр южнее — в районе Корсунского монастыря. Херсонская группа войск должна была овладеть Алешками. Содействие войскам в переправе через реку оказывала Усть-Днепровская флотилия в составе 4 вооруженных пароходов, 5 катеров и 2 плавучих батарей.

Около часу ночи на 7 августа разведка и передовые части 52-й и Латышской дивизий приступили к форсированию Днепра. Одна за другой в темноту южной ночи бесшумно уходили лодки. «Наконец на правом берегу затрещали выстрелы, — вспоминал Р. П. Эйдеман. — Грянуло, пронеслось над сонным простором реки — «Ура!» Значит, наши там. Значит, наши на том берегу. Ура! Почти одновременно проснулись пулеметы белых. Белые были явно застигнуты врасплох... Дальнейшие события подтвердили полную неожиданность нашего наступления для белых. Как потом оказалось, расположенный в Каховке штаб Слащева в ночь на 7 августа пьянствовал и нашего наступления не ожидал» [10]. В момент завязки боя за левый берег Днепра, в 5 часов 30 минут, инженерные части 52-й и Латышской дивизий приступили к наводке моста. Через два с половиной часа, несмотря на интенсивный обстрел белых, мост был готов, и по нему двинулись главные силы дивизий: сначала конница и пехота, затем артиллерия. К 12 часам Большая и Малая Каховка были заняты.

Вскоре враг оправился от первого удара и усилил сопротивление. Ожесточенный бой разгорелся в районе Корсунского монастыря, где действовала 15-я стрелковая дивизия. В полдень врангелевцы перешли в контратаку. Одна из бригад дивизии дрогнула и начала отходить. Тогда начальник дивизии П. А. Солодухин во главе эскадрона бесстрашно бросился на белогвардейцев, увлекая за собой всю бригаду. Противник был остановлен. В этом бою вражеская пуля настигла от-

важного начдива. Вместе с ним погибли начальник артиллерии дивизии С. В. Зубков, несколько политработников. Их гибель не ослабила натиска дивизии. В этот день были заняты Корсунский монастырь, Алешки и другие населенные пункты. Дивизию принял И. И. Раудмец — сын крестьянина, за плечами которого Ревельское коммерческое училище, один курс университета, Петроградская школа прапорщиков и фронт. В Красной Армии командовал полком, бригадой на Северном фронте, был награжден орденом Красного Знамени, в 27 лет стал начальником дивизии.

Правобережная группа войск 13-й армии прочно зацепилась за левый берег Днепра. Преодолевая упорное сопротивление врангелевцев, она продвинулась на глубину до 20—30 километров и к 12 августа вышла на рубеж Большие Копани, Белоцерковка. Между тем в тылу группы инженерные части под руководством Д. М. Карбышева при помощи местного населения приступили к строительству полосы обороны.

10 августа на плацдарм переправилась прибывшая из Сибири полнокровная 51-я дивизия — одно из лучших соединений Красной Армии, не раз отличавшееся в сражениях против Колчака. Не меньшей известностью пользовался и ее командир Василий Константинович Блюхер. Вся его жизнь как на ладони. Родом из крестьян. С малых лет на фабрике. Слесарил на Мытищинском вагоностроительном заводе. За то, что подбивал рабочих на забастовку, угодил в тюрьму. Потом работал в Сормове, на судостроительном. С началом мировой войны на фронте. За храбрость получил звание унтерофицера и два Георгиевских креста. В 1916 году вступил в ряды большевистской партии. За героический поход во главе уральских партизан по белогвардейским тылам на соединение с частями Красной Армии летом 1918 года первым в Советской Республике награжден орденом Красного Знамени. Дабы оправдать свои неудачи, белые объявили о том, что во главе красных стоит немецкий генерал, купленный за большие деньги. Очевидно, терпеть поражения от «генерала» было не так унизительно, как от унтера царской армии. Но не помогло и это. Недаром адмирал Колчак обещал выдать 30 тысяч рублей тому, кто доставит Блюхера живым или мертвым.

Собрание полковой партийной организации 51-й стрелковой дивизии в период борьбы с Врангелем. 1920 г.

10 августа В. К. Блюхер, назначенный комендантом Каховского плацдарма, издал приказ: «Оборонительные работы вести круглые сутки». Дни и ночи кипела напряженная страда. На глазах менялась приднепровская степь. Ее перерезали глубокие окопы, в нее зарывались пулеметные и артиллерийские расчеты, она прикрывалась сетью проволочных заграждений. А начдив все торопил: «Работайте энергичнее. Больше пота — меньше крови. Враг может напасть в любую минуту» [11].

Одновременно с Правобережной группой из района Орехово — Пологи перешли в наступление войска Левобережной группы в направлении Большой Токмак — Мелитополь. 2-я Конная первоначально сумела пробить брешь в обороне белых и 11 августа вышла в тыл большетокмакской группировке врага. Однако при самостоятельном прорыве фронта армия преждевременно разбросала свои силы. В решительный момент ее фланги оказались оголенными. Воспользовавшись этим, генерал Кутепов решил окружить и ликвидировать красную конницу. При поддержке танков, броневиков и авиации врангелевцы нанесли мощный удар по правому флангу армии, потеснив 1-ю стрелковую и 20-ю кавалерийскую дивизии. На помощь им бросился 9-й кавалерийский

полк во главе с командармом. На короткое время враг был задержан, но вскоре, используя свое превосходство в силах, врангелевцам удалось рассечь конницу Городовикова на две части.

Создалось критическое положение. Белые непрерывно подтягивали свежие резервы с артиллерией и броневиками, нанося все более сильные удары. В 20 часов вечера 11 августа начальники вырвавшихся вперед 2, 16 и 21-й дивизий И. А. Рожков, С. Б. Волынский и М. Ф. Лысенко провели короткое совещание и решили совместным ударом прорвать фронт противника и соединиться с группой командарма. Белые не выдержали натиска красной конницы, и опасность окружения была ликвидирована.

12 августа ожесточенный бой продолжался. О. И. Городовиков доносил, что пехота могла выдержать его только до 18 часов, после чего была отведена в тыл. Вслед за ней стали отходить и кавалерийские дивизии. Тяжелые непрерывные бои с превосходящим по численности и опытным противником измотали бойцов. Реввоенсовет армии просил отдых «на 4—5 дней для приведения себя в порядок и принятия пополнений». Фронт удовлетворил эту просьбу.

К середине августа активные боевые действия в районе Большой Токмак, Мелитополь временно прекратились. Это позволило Врангелю снять с левобережного направления конный корпус генерала Барбовича и нанести им сильный контрудар по Правобережной группе войск. Корпус Барбовича, который белые именовали непобедимым, имел большую огневую силу: на каждую сотню до десятка пулеметных тачанок и два грузовых автомобиля с пулеметами. Ему были приданы бронемашины, танки, авиаотряд. Он нацелился на левый фланг каховской группы, стремясь прорваться к переправам и ликвидировать плацдарм. Одновременно корпус Слащева наносил удар по правому флангу.

Части 51-й стрелковой дивизии стойко встретили врага. Комбриг 153-й Б. В. Круглов донес В. К. Блюхеру: многочисленные конные части у Епифановой балки атакуют 457-й Московский полк. Последовал приказ начдива: «Стоять насмерть! Отступать некуда!» Слова приказа дошли до каждого бойца. Защитники Епифановой балки заставили повернуть белых. Два дня они отража-

ли метким огнем конницу и броневики противника. А на третий день, 15 августа, сами пошли в атаку. Белогвардейцы не выдержали натиска, полк пробился к Могиле Рясной. Залповым огнем красноармейцы отбили лобовые атаки белой конницы. Но бой продолжался с нарастающим напряжением. Отборные эскадроны белых прорвались на стыке и окружили полк. Московцы не дрогнули и на этот раз. Тогда на них ринулись бронемашины с георгиевскими крестами. Полк истекал кровью, но стоял. Погибли все командиры. Кончились патроны. Оставшиеся в живых продолжали драться гранатами, а затем штыками и прикладами. Полк до конца выполнил свой воинский долг, сковав крупные силы врага и нанеся ему большие потери. Горстка героев полка была выручена подоспевшими двумя батальонами соседнего, 458-го полка. Родина отметила 457-й полк Почетным Революционным Красным знаменем. Стойко оборонялись и другие части дивизии. С командного пункта начдив видел, как мчались к окопам конные эскадроны Барбовича, как они, встреченные плотным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, редели, останавливались и поворачивали назад.

Понеся серьезный урон, белые остановили атаки. Раздосадованный Слащев не преминул обвинить Врангеля в неудаче штурма. В ответ правитель юга, давно уже видевший в Слащеве претендента на место главнокомандующего, сместил его с поста командира 2-го армейского корпуса. Внешне все выглядело вполне пристойно: отставку назвали отпуском по состоянию здоровья. Более того, барон распорядился впредь именовать генерала Слащевым-Крымским. В написанном по этому поводу «высоким штилем» приказе говорилось: «С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли — Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолжения борьбы за счастье Родины. России отдал генерал Слащев свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой. Я верю, что, оправившись, генерал Слащев вновь поведет войска к победе, дабы связать навеки имя генерала Слащева с славной страницей настоящей великой борьбы. Дорогому сердцу русских воинов — генералу Слащеву именоваться впредь Слащев-Крымский»[12]. Когда же пути Врангеля, до конца жизни оставшегося ненавистником

Советской власти, разойдутся со Слащевым, с повинной вернувшимся в Советскую Россию, он язвительно отзовется о нем: «Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину»[13]. Слащев не останется в долгу и выдаст барону убийственную для военного характеристику, отметив, что в роли главкома он «оставался с понятием эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части»[14]. Пока же они находились в одном лагере. Ничего не получилось с Каховкой и у нового командующего корпусом генерала В. К. Витковского. Белогвардейцам так и не удалось ликвидировать плацдарм.

Вспоминая о тех днях, командующий Правобережной группой войск Р. П. Эйдеман писал: «Белые не верили в плацдарм, в его прочность. Они предвзято решили: красные отходят, ведя лишь арьергардные бои. Красных надо прижать к Днепру, уничтожить... Но белые ошиблись в одном, т. е. в основном: красные не уходили. Красные решили принять бой, имея позади Днепр. Красные решили отстоять плацдарм. Мы видели, как конница Барбовича атаковала проволоку и окопы, как набегали и как стремительно уходили обратно ее волны, разбрасывая по степи темные пятна убитых лошадей и людей. Мы видели, как впервые надломилась ударная сила Врангеля — конный корпус Барбовича, не знавший до этих пор серьезных испытаний. Каховка удержана. Плацдарм выдержал первое наступление»[15].

Удерживая Каховский плацдарм, расположенный в 60—70 километрах от Перекопа, Красная Армия получила возможность наносить удар во фланг и в тыл основной группировке врангелевских войск в Северной Таврии, не допустить их объединения с польскими интервентами на Украине, наконец, отрезать им путь отхода в Крым. Белогвардейское командование вынуждено было держать против плацдарма целый армейский корпус. Его создание стало одной из важнейших предпосылок разгрома Врангеля. Каховка вошла в историю как одна из наиболее ярких страниц гражданской войны. Здесь в едином боевом строю сражались сыны русского, украинского, латышского и других народов.

Глава 4

РАЗГРОМ ДЕСАНТА

Кровопролитные бои в Северной Таврии поставили врангелевскую армию в чрезвычайно тяжелое положение. Ряды ее таяли. Чтобы укомплектовать боевые части, пришлось расформировать некоторые штабы и тыловые учреждения. С начала августа из Польши через Румынию стали прибывать отдельные части белогвардейского корпуса Бредова. Какое-то количество рядовых получили за счет насильственных мобилизаций крестьян. Однако Крым с его небольшой территорией и многонациональным населением не мог быть прочной базой для комплектования армии. «Все эти источники пополнения, — признавал впоследствии Врангель, — по своему качеству не могли возместить наших потерь, особенно в офицерском составе. Приходилось искать новых источников пополнения» [1].

Получить их Врангель рассчитывал за счет казачества Дона и Кубани. Значительными силами для захвата этих богатых областей врангелевцы не располагали, но надеялись на то, что с их появлением на Дону и Ку-

бани казаки поднимутся против Советской власти, тем более что летом 1920 года там активно действовали оставшиеся после разгрома деникинщины контрреволюционные отряды. К середине августа в Таманском, Майкопском, Баталпашинском и Кавказском районах насчитывалось 27 банд численностью более 13 тысяч штыков и сабель. Особую опасность представляла так называемая «армия возрождения России» генерала Фостикова. Созданная за счет объединения разрозненных отрядов и мобилизации кулачества, она состояла из 9 полков силою до 5,5 тысячи штыков и сабель с 10 орудиями и 35 пулеметами. Для связи с Фостиковым Врангель в начале августа направил к нему полковника Мерклинга с группой офицеров.

Захват Дона и Кубани значился еще в майских планах Врангеля. Но, увязнув в Северной Таврии, он не сразу решился на осуществление этих намерений. Первая попытка пробиться на Дон с помощью десанта была предпринята 9 июля. В этот день восточнее Мариуполя высадился белогвардейский отряд численностью до 1000 штыков и сабель под командованием казачьего полковника Назарова. Он захватил станицу Новониколаевскую. Однако суда противника, которые везли подкрепления десанту, были встречены канонерскими лодками и сторожевыми кораблями Азовской флотилии и в результате полуторачасового боя повернули обратно. При огневой поддержке кораблей армейские части и отряд моряков 15 июля освободили Новониколаевскую. Понесший большие потери десант Назарова прорвался в направлении на Новочеркасск. За счет кулацких элементов численность его отряда возросла до 1500 человек, но основная масса трудового казачества за ним не пошла.

Для ликвидации белогвардейского отряда командование Кавказского фронта сформировало группу советских войск в составе 9-й стрелковой и 2-й Донской дивизий под командованием Н. В. Куйбышева.

Брат видного деятеля партии Валериана Владимировича Куйбышева, Николай Куйбышев после окончания Александровского военного училища три года воевал на фронтах первой мировой войны, прошел путь до командира батальона, был трижды ранен. После Октября боевой командир без колебаний перешел на сторону на-

рода, вступил в большевистскую партию и Красную Армию. В боях за Курск удостоился ордена Красного Знамени. В январе 1920 года вступил в командование 9-й стрелковой дивизией, которая принимала участие во взятии последнего оплота Деникина на Кавказе — Новороссийска.

Развернув преследование противника, группа Н. В. Куйбышева в районе станицы Константиновской окружила и наголову разбила его. Среди немногих, кому удалось спастись, был и Назаров. Задержанный после переправы через Маныч, этот завзятый авантюрист выдал себя за дезертира и был препровожден в станицу Константиновскую, ставшую местом гибели его отряда. Назаров сумел бежать, а затем добраться до Крыма. Свою неудачу он объяснял Врангелю тем, что «население проявило пассивность» [2].

Провал десанта Назарова не остановил Врангеля. Выход на Дон и Кубань оставался в это время главным в его планах. Кроме пополнения армии людскими резервами, ему нужен был хлеб для расплаты с союзниками. Успех операции, по мысли барона, должен был поднять еще его престиж и в странах Антанты, и среди соратников. Политической подготовкой операции, рассчитанной на поддержку казачества, явилось заключение Врангелем 4 августа 1920 года договора с очутившимися в Крыму и полностью зависимыми от него правительствами «без народов и территории» Дона, Кубани, Терека, Астрахани.

В соглашении говорилось: «I. Государственным образованиям Дона, Кубани, Терека и Астрахани обеспечивается их полная независимость во внутреннем устройстве и управлении. II. В Совете начальников управлений при правителе и главнокомандующем участвуют с правом решающего голоса по всем вопросам председатели правительств государственных образований Дона, Терека, Кубани и Астрахани или заменяющие их уполномоченные этих правительств. III. Главнокомандующему представляется полнота власти над всеми вооруженными силами государственных образований Дона, Терека, Кубани и Астрахани как в административных делах, так и по принципиальным вопросам организации армии. Правительства государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани обязуются объявлять по ука-

занию главнокомандующего мобилизации лиц не меньших сроков и категорий, установленных на территории вооруженных сил юга России. IV. Все необходимые для обеспечения вооруженных сил юга России, борющихся с большевиками, продовольственные и иные средства поставляются по приказу Главнокомандующего территориями вооруженных сил и государственных образований Дона, Терека, Кубани и Астрахани после особой разверстки» [3].

Заключая соглашение, «Правитель Юга России» и отставные атаманы забыли только главное — спросить мнение трудящихся казаков, которые не хотели больше связывать свою судьбу с белогвардейцами. И это обстоятельство предопределило крах очередного начинания «черного барона».

Если в Донбасс и на Дон Врангель пытался пробиться по суше, то на Кубань — организацией нового, более крупного десанта. Его подготовка проводилась с особой тщательностью. Десантировать предполагалось наиболее надежные части, составленные в основном из офицеров, в расчете на то, что с занятием Кубани они станут командирами новых казачьих частей и подразделений. В десант назначались 1-я и 2-я Кубанские дивизии генералов Бабиева и Шифнер-Маркевича численностью более 8 тысяч штыков и сабель при 17 орудиях, 243 пулеметах, нескольких броневиках и 3 самолетах [4]. Командование десантом Врангель возложил на генерала С. Г. Улагая. Врангелевцы были настолько уверены в успехе, что вместе с войсками на суда грузились семьи генералов, высшего офицерства, казачьей верхушки, чиновники, надеявшиеся на реставрацию старых порядков на Кубани. Всего набралось около 16 тысяч человек. Среди участников десанта находились представители английской и французской военных миссий.

По мере погрузки суда в темное время суток выходили в Азовское море и там ожидали подхода других. Вновь из-за слабого контроля над Керченским проливом с советского берега их выход остался незамеченным. В ночь на 14 августа все транспортные средства соединились для следования под конвоем военных кораблей к месту высадки. Достигнув внезапности, десант утром 14 августа неожиданно появился в районе станицы При-

морско-Ахтарской и под прикрытием огня военных кораблей начал высадку.

Азово-Черноморское побережье прикрывали части 9-й советской армии. Командовал ею М. К. Левандовский. Силы армии были разбросаны на огромном фронте от границ Грузии до Ростова. Значительная их часть вела борьбу с бандами в Кубанских плавнях и в предгорьях Северного Кавказа. Не имея точных сведений о противнике, командование 9-й армии направило на ликвидацию десанта 1-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию М. Г. Мейера, насчитывавшую всего около 1 тысячи сабель при 9 орудиях. При первом же столкновении с улагаевцами выяснилось, что этого явно недостаточно.

15 августа дивизия М. Г. Мейера вступила в бой с передовыми частями десанта. Кавбригада под командованием Петерсона с ходу ворвалась в занятый улагаевцами хутор Курчанский и в скоротечной схватке изрубила 200 и взяла в плен 100 врангелевцев. Офицерский сводно-гренадерский батальон Алексеевского полка перестал существовать. Весь день 16 августа шли ожесточенные бои на рубеже станиц Брыньковская — Ольгинская. Они дважды переходили из рук в руки. Но, имея превосходство в силах, белые к исходу дня заняли их. На следующий день Улагай полностью закончил высадку своих войск и всеми силами развернул наступление на имеющую важное оперативное значение станицу Тимашевскую. На фланги дивизии М. Г. Мейера навалились сразу две улагаевские дивизии. Подошедший на помощь красным бронепоезд обрушил на улагаевцев огонь всех орудий и пулеметов. Когда вражеский снаряд вывел из строя паровоз и белогвардейцы окружили бронепоезд, его команда вела бой до последнего патрона. Оставшиеся в живых красноармейцы вместе с командиром Глодским, закрывшись в артиллерийском отсеке, взорвали бронепоезд.

Вечером в боевых порядках 1-й Кавказской кавалерийской дивизии появился командующий 9-й армией М. К. Левандовский. Отдав необходимые распоряжения комдиву, он через станицу Роговскую направился к Тимашевской. Автомобиль командарма заметили наступавшие белые. Открыв по нему артиллерийский огонь, они одновременно перехватили дорогу конницей. Путь был

отрезан. Но 30-летний командарм не раз оказывался в сложных ситуациях. Не растерялся М. К. Левандовский и на этот раз. «Пулемет к бою! Вперед!» — приказал он. Шофер, дав полный газ, устремил автомобиль на улагаевских казаков. Ошеломленные врангелевцы посторонились. Автомобиль на бешеной скорости проскочил сквозь их ряды. Опомнившись, большая группа белых бросилась за ним. Но тут в упор ударил пулемет...

Овладев станицей Роговской, белым удалось окружить дивизию М. Г. Мейера и только что прибывшую на помощь ей кавалерийскую бригаду Я. Ф. Балахонова. С наступлением темноты комдив решил прорвать окружение и выйти на Тимашевскую. Выдвинутая вперед бригада Я. Ф. Балахонова, сбив передовые заслоны белых, почти без потерь проскочила через слабо прикрытый левый фланг улагаевцев. Но дивизии М. Г. Мейера это не удалось. Она попала под сильный ружейно-пулеметный огонь, а когда ее эскадроны смешались, на них набросилась кавалерия врага. Собрав для прорыва все наличные силы, начдив сам повел их в атаку. Когда прорыв был почти осуществлен, на начдива устремилась группа улагаевцев, и он пал, пронзенный несколькими пиками. Так погиб Михаил Георгиевич Мейер, бывший кадровый офицер старой армии, с первых дней Октября перешедший на сторону революции.

18 августа врагу удалось захватить станицу Тимашевскую. Ими были заняты также крупные станицы Брюховецкая, Ново-Нижестеблиевская, Ново-Николаевская, Старо-Джерелиевская, Поповическая, Старо-Величковская. Это было наибольшим продвижением Улагая в глубь Кубани. С захватом врагом Тимашевской нависла непосредственная угроза над центром Кубани — Екатеринодаром, где предполагалось соединение Улагая с «армией возрождения» Фостикова. На юге создалась новая опасность для Страны Советов. Серьезность ее возрастала в связи с тем, что она совпала с поражением Красной Армии под Варшавой.

Ликвидация врангелевских десантов поручалась Кавказскому фронту. Особая ответственность была возложена на члена Кавказского бюро ЦК РКП(б) и члена Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе. Его срочно вызвали из Баку, где находилось тогда Кавбюро ЦК РКП(б), в штаб Кавказского фронта

в Ростов. В телеграмме на его имя 20 августа 1920 года В. И. Ленин сообщал: «Сегодня провели в Политбюро обязательный выезд Ваш в Ростов для ближайшего участия в ликвидации десантов на Кубани и Черноморье. Ускорьте и налягте на это изо всех сил, извещайте меня чаще. Замените себя в Баку кем-либо»[5].

Как только стало известно о высадке десанта, Кубано-Черноморский комитет объявил в области с 15 по 22 августа «неделю борьбы с Врангелем». Вслед за ней прошла «неделя красного добровольца». В ходе их выяснилось, что трудовое население Кубани не приемлет врангелевщины. Активно выступили в защиту Советской власти рабочие. Уже к 21 августа профсоюзы выделили 6 тысяч добровольцев в Красную Армию. Не оправдались и расчеты Врангеля на то, что стоит Улагаю появиться на кубанской земле и «объявить сполох», как казачество поднимется против Советской власти и пойдет за ним. Кулацкая верхушка действительно поддержала врангелевского ставленника. Но надежда на общий «сполох» провалилась. Когда Улагай на захваченной территории объявил мобилизацию казачества в армию, то оставшиеся к его приходу казаки призывного возраста бежали из станиц в плавни. От белогвардейцев прятали хлеб, лошадей, скот, повозки. Крушение расчета на поддержку со стороны казачества сводило на нет всю операцию Улагая, так как собственных сил не только для дальнейшего наступления, но и для обороны занятой территории у него было явно недостаточно.

Но пока в полевом штабе Врангеля в Керчи царила уверенность в успехе. «Казачьи отряды, — сообщал барон иностранным корреспондентам после занятия Тимашевской, — посланные нами на Донскую и Кубанскую территории, развивают стремительное наступление. Местное казачество присоединяется к отрядам и оказывает им всяческую помощь... Обладая в настоящее время контролем над Доном и Кубанью — наиболее хлеборобными областями России, — мы скоро будем иметь возможность вывезти значительное количество зерна и пищевых продуктов»[6].

Тем временем главное командование Красной Армии приказало Реввоенсовету Северо-Кавказского фронта создать ударные группировки для разгрома улагаевского десанта. 22 августа 9-я армия перешла в наступле-

ние. Основные события происходили на главном, Тимашевском направлении. Станица несколько раз переходила из рук в руки. Наконец, к вечеру 22 августа 2-я Донская дивизия и 26-я бригада полностью освободили ее, захватив богатые трофеи. На южном крыле противника выбили также из станиц Петровской и Старо-Джерелиевской. После того как станица Приморско-Ахтарская была обстреляна кораблями советской Азовской флотилии, штаб Улагая бежал из нее в Ново-Нижестеблиевскую. Однако «правитель Юга» еще не смирялся с мыслью о провале десантной операции и потребовал от Улагая наступления на Екатеринодар. Как зарвавшийся игрок, он продолжал ставить на битую карту.

Не могла спасти Улагая и высадка вспомогательных десантов. В ночь на 18 августа северо-западнее Новороссийска десантировался отряд генерала Черепова, сформированный из прибывших из Польши бредовцев и юнкеров корниловского военного училища общей численностью в 1500 человек с 2 орудиями и 15 пулеметами [7]. Рассчитывая на поддержку населения приморских районов и на соединение с бандами белозеленых, Врангель ставил перед десантом задачу захвата Новороссийска, а затем и наступления на Екатеринодар в помощь Улагаю. Авантюрность операции была очевидной. Тем более что поручалась она ярым монархистам, не способным оценить перемены в настроениях масс. Высадившись на побережье, генерал Черепов созвал казаков и объявил им: «Ну, кончились все ваши круги и рады и выборные атаманы. Довольно уже накружились и нарадовались... Пора и твердую власть установить» [8]. Казаки выслушали его хмуро, а ночью большинство их ушло в горы. Даже банда полковника Лебедева численностью в 250 человек, присоединившаяся к десанту, разбежалась, предоставив генералу-«освободителю» самому иметь дело с Красной Армией. Не получив поддержки населения и не дождавшись обещанной ему помощи белозеленых, Черепов не рискнул отрываться от побережья. Здесь он и был вскоре разгромлен частями 22-й стрелковой дивизии Б. В. Майстраха. Только ценою больших потерь остаткам десанта в ночь с 23 на 24 августа удалось погрузиться и бежать в Крым.

Разгром новороссийского десанта не остановил Врангеля. 24—25 августа на Таманское побережье высажи-

вается новый десант генерала Харламова численностью в 2900 штыков и сабель с 6 орудиями и 25 пулеметами. Десант имел задачу занять высоты и переправы через Старую Кубань у станицы Джигинской и ожидать подхода частей генерала Улагая. Чтобы воодушевить десантников на решительные действия, Врангель сам прибыл в станицу Таманскую. Однако отряду Харламова, кроме Таманской, удалось захватить лишь станицы Вышестеблиевскую и Старо-Титаровскую. В дальнейшем продвижение было остановлено. За невыполнение приказа Харламов был отдан Врангелем под суд и заменен генералом Протазановым. Но перемены в командовании успеха белым не принесли. Десант был разгромлен. Лишь небольшой его части удалось уйти в Крым[9].

Решающие бои против главного десанта Улагая развернулись с 24 августа. Основным событием упорных встречных боев этого дня явился захват 2-й Донской дивизией станицы Степной, где находились единственные переправы через болотистую местность. В результате этого улагаевский десант был рассечен, группа генерала Бабиева оказалась отрезанной болотами от остальных войск и новой базы десанта, перенесенной из Приморско-Ахтарской в Ачуев. Район Степной стал ключевой позицией, вокруг которой развернулись последующие бои. В итоге десантники Улагая были обложены с трех сторон и прижаты к Кирпильскому лиману и труднопроходимым плавням. Оказавшись на небольшой территории, они утратили возможность маневра конницей, тогда как части 9-й армии установили между собой непосредственную связь.

28 августа в 6 часов утра станицу Ново-Нижестеблиевскую (Гривенскую), где находился штаб и тылы десанта Улагая, внезапно атаковал контрдесантный отряд под командованием героя гражданской войны Епифана Иовича Ковтюха. Сын крестьянина-бедняка, Ковтюх в 1911 году был призван в армию, в первой мировой войне участвовал в боях на Кавказском фронте, дослужился до штабс-капитана. В 1917 году был избран в полковой комитет. В следующем году вступил в партию большевиков, командовал красногвардейским отрядом на Кубани. Во время героического похода Таманской армии в августе — сентябре 1918 года возглавлял 1-ю колонну, которая шла в авангарде. В романе

А. С. Серафимовича «Железный поток», где описаны эти события, он выведен главным героем под именем Кожуха. В октябре — декабре 1918 года Ковтюх командовал Таманской армией, в 1919—1920 годах — 3-й Таманской, 50-й дивизиями, участвовавшими в боях под Царицыном и на Северном Кавказе. До назначения в десант он был начальником Екатеринодарского гарнизона. Комиссаром отряда стал видный политический работник, в 1919 году — комиссар легендарной 25-й Чапаевской дивизии Дмитрий Андреевич Фурманов.

Отряд был сформирован по решению Реввоенсовета Кавказского фронта в Екатеринодаре. В написанной по следам событий повести «Красный десант» Д. А. Фурманов так характеризовал его личный состав: «Красноармейцы были набраны молодец к молодцу: добровольцы, члены профессиональных союзов, рабочие, комсомольцы, партийно-мобилизованные — словом, такие ребята, с которыми можно было начинать любое трудное дело. Всего набралось восемьсот штыков, девяносто сабель, десяток пулеметов... Отряд небольшой, но ядреной»[10]. Отряду поставили дерзкую задачу — на пароходах и баржах по рекам Кубань и Протока незамеченными пройти в глубокий тыл Улагая — станицу Ново-Нижестеблиевскую и нанести врагу неожиданный удар.

В 16 часов 26 августа на трех старых пароходах «Илья Пророк», «Благодетель» и «Гайдамак» и четырех баржах красный десант отправился в неприятельский тыл. На следующий день утром подплыли к станице Славянской. Здесь пришлось задержаться на целый день. Отступая, белые взорвали железнодорожный мост через реку Протоку. Средний пролет рухнул в воду, но крайние пролеты устояли. Под ними и предстояло пройти. Пока вымеривали, выщупывали, проверяли каждый метр, чтобы не сесть на мель, наступил вечер. В Славянской к десанту присоединили Таманский батальон 2-й отдельной стрелковой бригады численностью 250 бойцов. Отряд разбили на три группы и с наступлением темноты двинулись дальше. Суда шли на расстоянии 500 метров друг от друга. За ночь предстояло пройти до Ново-Нижестеблиевской не менее 80 верст, чтобы высадку начать на рассвете.

Когда подходили к линии фронта, вдоль обоих берегов выслали конные разъезды, по правую — группу

командира сотни Кондры, по левую — его заместителя Чобота. Они должны были уничтожать встречающиеся мелкие группы и дозоры улагаевцев, чтобы обеспечить тайну десанта. Конников переодели в белогвардейскую форму. Со своей задачей разъезды справились. Дмитрий Фурманов о действиях разъездов писал: «Ехали в тишине... Вот навстречу донеслись какие-то странные звуки... Кондра остановился, остановились и все. Он повернул ухо в ту сторону, откуда доносились звуки, и различил теперь ясно гомон человеческой речи.

— Приготовься! — отдана тихая команда.

Руки упали на шашки. Продолжали медленно двигаться вперед. Были уже отчетливо видны силуэты шести всадников — они ехали прямо на Кондру.

— Кто едет? — раздалось оттуда.

— Стой! — скомандовал Кондра. — Какой части?

— Алексеевцы... А вы какой?

— Комендантская команда от Казановича...

Всадники подъехали. Увидели погоны Кондры и почтительно дернулись под козырек.

— Разъезд? — спросил Кондра.

— Так точно, разъезд... Только кто же тут ночью пойдет?

— Никого нет, сами проехали добрых пятнадцать верст.

В это время всадники сомкнулись кольцом вокруг неприятельского разъезда...

Еще несколько вопросов-ответов; узнали, что дальше едет новый дозор. Примолкли. Тишина была на одно мгновенье. Кондра гикнул — и вдруг сверкнули шашки... Через пять минут все было кончено.

Ехали дальше, и с новым дозором был тот же конец...

Так за ночь изрубил мужественный Кондра шесть неприятельских дозоров и не дал уйти ни одному человеку.

Чоботу тоже встретилось два дозора — судьба их была одинакова» [11].

В 4 часа 28 августа десант подошел к пункту высадки — в двух километрах восточнее Ново-Нижестеблиевской. Под покровом тяжелого молочного тумана быстро разгрузились. Лишь только вступили на твердую почву, стрелки и всадники вздохнули свободнее, те-

перь они сумеют постоять за себя, даром жизнь не отдадут. Быстро разобрались по подразделениям и двинулись на станицу. В 5.30 ударили орудия красных десантников, обозначив начало боя. Подразделения десанта стремительно ворвались на окраины станицы и стали продвигаться к ее центру. Оправившись от первого удара, улагаевцы оказали сильное сопротивление. Красные десантники дрались отважно, к полудню они овладели восточной частью и центром станицы. Но на большее сил не хватало. Слишком уж много белых оказалось в станице: штабы, тыловые подразделения, резервные части Улагая, сотни, отходившие под ударами 9-й армии.

После обеда в станицу хлынули главные силы Улагая, которые пытались оторваться от войск Левандовского, чтобы выйти к морю на Ачуев. Все они двигались через Ново-Нижестеблиевскую. Ковтюху пришлось отойти за речку в четырех километрах от станицы. Ночью он вновь атаковал станицу, содействуя нашим наступающим войскам. Выполнив свою задачу, десант отплыл в станицу Славянскую, где ему придали 2-ю Таманскую бригаду, доведя численность отряда до 3 тысяч штыков и 500 сабель, и поставили задачу очистить от противника район Темрюка — Ачуева.

Когда отряд Ковтюха дрался с улагаевцами в Ново-Нижестеблиевской, 9-я армия перешла в решительное наступление. К середине дня 28 августа противник был выбит из Ново-Николаевской, а к 22 часам советские войска на его плечах ворвались на восточную окраину Ново-Нижестеблиевской. Улагаевцы пытались закрепиться на рубеже проходящей через станицу речки Ерик и удержать ее западную окраину, через которую войска Улагая спешили к морю на Ачуев. Чтобы остановить красные части, враг поджег деревянный мост через реку. Бросившиеся было вперед цепи красноармейцев залегли под сильным огнем противника. В этот момент от прижатых к земле бойцов отделился человек и в полный рост пошел к мосту. Это был член Реввоенсовета 9-й армии С. В. Косиор. Газета «Красное знамя» 4 сентября 1920 года так сообщала об этом: «Тов. Косиор, увидев, что части остановились, не обращая внимания на сильный обстрел, один пошел к горевшему мосту и начал его осматривать, насколько он пригоден

для перехода. Противник открыл по т. Косиору сильный огонь и ранил его, но т. Косиор продолжал делать свое дело. Вторая и третья пули сбили т. Косиора с ног; но части, увидев, что мост может выдержать, бросились вперед и заняли станицу. Когда т. Косиор был перевезен в полевой штаб для перевязки, первым его вопросом было: «Взята ли Ново-Нижестеблиевская?»

После занятия Ново-Нижестеблиевской несколько дней длились тяжелые бои с улагаевцами, которые стремились любой ценой сдержать наши войска, чтобы обеспечить эвакуацию того, что осталось от десанта. 7 сентября 26-я бригада и отряд Ковтюха заняли последний пункт сопротивления врангелевцев на Кубани — Ачуев. Остатки десанта Улагая бежали в Крым.

Одновременно с ликвидацией врангелевских десантов 9-я армия приняла меры по уничтожению белозеленых банд. Г. К. Орджоникидзе 10 сентября сообщал В. И. Ленину, что ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет, а банды Фостикова частью истреблены, частью прижаты к горам. В конце сентября остатки «армии возрождения России» бежали на территорию меньшевистской Грузии, откуда были переброшены в Крым.

Поражение Врангеля на Кубани было в первую очередь поражением политическим. Провал врангелевских десантов, отмечал В. И. Ленин, объяснялся главным образом нежеланием населения связывать свою судьбу с белогвардейцами [12].

Крымские газеты всячески замалчивали провал десанта. Более того, Врангель в одном из интервью пытался даже превратить поражение на Кубани чуть ли не в победу, утверждая, что десант был «ликвидирован только потому, что обстановка требовала перенесения военных операций в Северную Таврию» [13]. Однако в самом белогвардейском лагере веривших в это становилось все меньше. Врангелевский журналист Г. Раковский признавался: «Судьба антибольшевистского движения на юге России была предрешена, ибо план перенесения базы в казачьи области потерпел полное крушение» [14]. Разгром врангелевских десантов на Дону и Кубани вырисовывал безотрадные перспективы для белогвардейцев и их зарубежных вдохновителей.

Глава 5

«ПРИЗНАТЬ ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ФРОНТ ГЛАВНЫМ»

Июльские и августовские бои в Северной Таврии и на Кубани показали возросшую боеспособность частей и соединений Красной Армии. Сказывалась напряженная политическая и организаторская работа Коммунистической партии в армии и стране под лозунгом «Все на Врангеля». Но успокаиваться на этом оснований не было. Пока белогвардейские силы на юге России представляли собой серьезную угрозу, Центральный Комитет партии, Советское правительство, лично В. И. Ленин придавали первостепенное значение усилению крымского направления фронта. 2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о выделении Крымского участка Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт[1]. Только тяжелые бои с белополяками не позволили сразу провести это решение в жизнь.

5 августа 1920 года Пленум ЦК партии постановил:

«Признать, что Кубано-врангелевский фронт должен идти впереди Западного фронта, и поэтому Оргбюро и Наркомвоен должны принять самые энергичные меры к направлению на этот фронт военных сил и коммунистов»[2]. В циркулярном письме ЦК РКП(б), разосланном в этот день местным партийным организациям, говорилось: «Положение на врангелевском фронте требует немедленных экстренных мер по усилению воинских частей коммунистическими силами. С польского фронта не может быть снят ни один человек. Центральный Комитет постановил провести специальную мобилизацию для врангелевского фронта, которая должна быть закончена во что бы то ни стало в двухнедельный срок»[3]. В связи с тем что враг имел здесь превосходство в коннице, предлагалось направить сюда все конные части, находившиеся на внутренней службе в республике. Главком С. С. Каменев отмечал, что успех в борьбе с врангелевцами может быть достигнут лишь «при еще большем усилении наших войск, в особенности конницы, и технических средств, и главное, подъеме морального состояния войск путем влития в их состав стойких элементов (коммунистов, добровольцев, командного состава)»[4].

Вновь обсуждая вопрос о положении на польском и врангелевском фронтах, Политбюро ЦК РКП(б) 19 августа приняло постановление: «а) Признать врангелевский фронт главным... б) Завтра созвать Оргбюро для решения вопроса о новой мобилизации коммунистов... д) 55% мобилизованных коммунистов направить на врангелевский фронт, остальных — на Западный»[5].

20 августа Оргбюро ЦК РКП(б) постановило в двухнедельный срок мобилизовать на борьбу с врангелевцами 5 тысяч коммунистов, из них 10 процентов — ответственных работников. Политуправлению Реввоенсовета Республики было поручено в течение недели направить на фронт из тыловых военных учреждений и частей еще 5 тысяч коммунистов, а президиуму ВЦСПС — столько же членов профсоюза[6].

24 августа ЦК РКП(б) направил всем губкомам партии циркулярное письмо о порядке мобилизации коммунистов на фронт против Врангеля. Подчеркивая, что врангелевский фронт есть фронт классовый, где коммунистическая спайка частей имеет решающее значение

для победы, Центральный Комитет предлагал, кроме рядовых коммунистов, мобилизовать по одному члену губисполкома, по одному члену укома или уисполкома и десять процентов курсантов школ партийной и советской работы [7].

Партийные организации развернули широкую работу по выполнению указаний Центрального Комитета. Только в августе — сентябре 1920 года было послано на фронт 1060 коммунистов [8].

Большую работу по укреплению врангелевского фронта провела Коммунистическая партия Украины. 21 августа 1920 года Центральный Комитет Компартии Украины объявил мобилизацию 660 коммунистов. Мобилизация шла за счет ответственных работников центральных и советских учреждений, штаты которых предлагалось сократить от 25 до 75 процентов, и вылилась в широкую политическую кампанию. Всего в это время Украина мобилизовала на Южный фронт 805 коммунистов, в том числе непосредственно на военную работу — 729 [9].

Большое значение придавалось подбору коммунистов для вновь формируемых кавалерийских частей. Только партийные организации центральных районов страны послали туда сверх всяких мобилизаций 1680 коммунистов. Серьезное пополнение фронт получил также за счет перемещения военнослужащих-коммунистов из тыловых частей и учреждений. В целом, по далеко не полным данным, в августе — сентябре на борьбу против Врангеля было мобилизовано более 3,5 тысячи коммунистов [10].

По профсоюзной мобилизации на фронт шли ответственные работники союзов, наиболее сознательные в классовом отношении рабочие. Вместо предусмотренных по разверстке 5 тысяч профсоюзы послали на фронт свыше девяти тысяч человек.

Активную работу в помощь фронту проводил и комсомол. В начале августа 1920 года ЦК КСМУ принял решение: «В целях скорейшей ликвидации врангелевщины необходимо напряжение всех сил и пополнение в экстренном порядке рядов Красной Армии свежими кадрами молодых бойцов из числа сознательной революционной молодежи; для этого необходимо немедленно мобилизовать часть членов КСМ и повести широкую

кампанию добровольчества среди всей рабочей и крестьянской молодежи». Постановление ЦК комсомола Украины предусматривало мобилизовать по республике 2 тысячи членов [11].

С 22 августа 1920 года по решению ЦК РКСМ украинский комсомол проводит неделю «красного добровольчества на врангелевский фронт». В циркулярном письме ЦК КСМУ местным организациям говорилось: «ЦК КСМУ мобилизовал 2000 человек на фронт. Задача наших организаций, не ограничиваясь этой мобилизацией, дать на фронт еще сотни и тысячи добровольцев из среды беспартийной рабоче-крестьянской молодежи, создать в ее среде воодушевление, волю к борьбе и победе» [12]. Этот призыв дал фронту еще несколько сот юных патриотов.

Многие из комсомольцев стремились попасть в команды разведчиков. Юзовский райком комсомола только в 40-ю стрелковую дивизию отдал в разведку 50 лучших членов своей организации. Охотно шла молодежь в специальные части. Команда бронепоезда «Союз коммунистической молодежи» целиком состояла из добровольцев Харьковской и Ахтырской организаций РКСМ.

Активно проходили комсомольские мобилизации на врангелевский фронт в РСФСР. 22 августа 1920 года сюда из Москвы выехало пять отрядов добровольцев общей численностью 469 человек. В эти же дни два отряда в 187 человек послал на Южный фронт Петроградский комсомол, 254 добровольца дала Тверь, 250 — Кострома и т. д. В целом центральные районы России дали фронту не менее 3 тысяч комсомольских добровольцев [13].

О роли молодых ленинцев в борьбе с врагом хорошо сказал видный деятель партии С. М. Киров: «...Те из нас, которые были на фронте, те помнят, какую громадную, я бы сказал, исключительную роль сыграл тогда комсомол. Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с завистью смотрели на героев, которых давал тогда комсомол». Заслуги комсомола периода гражданской войны отмечены орденом Красного Знамени.

Пополнение Южного фронта коммунистами, комсомольцами, членами профсоюзов, усиление материально-

Комсомольцы города Николаева перед отправкой на врангелевский фронт. 1920 г.

технического снабжения способствовало укреплению войск Красной Армии, поднятию их боеспособности. Учитывая, что значительная часть врангелевских войск была занята десантной операцией на Кубань, командование Юго-Западного фронта 17 августа 1920 года издало приказ о наступлении на крымском направлении. В своих директивах Главное командование Красной Армии требовало активизации действий, в частности, и для того, чтобы сорвать продолжавшуюся в это время десантную операцию Врангеля на Кубань.

Наступление началось 20 августа. Врангелевцы были сбиты с позиций и начали отходить. 51-я стрелковая дивизия В. К. Блюхера, действовавшая с Каховского плацдарма в направлении на Мелитополь, прорвала оборону врага и в первый день боев заняла населенные пункты Дмитриевку, Антоновку и Черненьку. Постепенно сопротивление врангелевцев нарастало. Под Новой Репьевкой белая конница окружила и в ожесточенном бою вырубила более пятисот бойцов 458-го стрелко-

вого полка. На выручку бросились батальоны соседних полков. После упорного боя они разорвали вражеское кольцо. Подтянув резервы, противник прорвался между 458-м и 459-м полками. И с фронта, и с тыла у 458-го полка вновь оказались белые. Положение создавалось критическое. Командир и комиссар полка сами повели в атаку бойцов. Враг не выдержал и отступил.

Блюхер ввел в бой резервную 152-ю бригаду. На нее сразу же обрушились эскадроны так называемой туземной бригады белых. Удар пришелся на 453-й стрелковый полк. По конной лаве врага ударили орудия. Атака белых захлебнулась. Зеленое поле стало черным от мохнатых бурок и лошадиных тел. Через час все повторилось снова. Весь день полк отражал вражеские атаки. Погибли все командиры рот, два комбата. Сводный батальон, объединивший оставшихся бойцов, возглавил третий комбат Александр Даншин. Туземная бригада откатилась за Новую Торгаевку. Командир полка А. Н. Королев и комбат А. В. Даншин по ходатайству Блюхера были награждены орденами Красного Знамени. Продолжая теснить врага, бригады дивизии к 27 августа заняли важные населенные пункты: Нижние и Верхние Серогозы, Ивановку. Приданная ей конная группа Ю. В. Саблина выбила белых из Покровки. Таким образом, группа 51-й стрелковой дивизии оказалась в 30 километрах от Мелитополя.

Успех сопутствовал и частям перекопского направления. За первые три дня наступления они продвинулись на 45—50 километров и находились на полпути от Каховки до Перекопа. Подтянув подкрепления, белые усилили сопротивление, и все же части Латышской дивизии, идущие в авангарде, за 24—29 августа продвинулись еще на 15—20 километров и подошли близко к Чаплинке.

Войска Левобережной группы 13-й армии, начавшие наступать 21 августа, вели ожесточенные бои с Марковской, Дроздовской, Корниловской и 6-й пехотной дивизиями и Донской бригадой генерала Морозова в районах Орлянск, Михайловка, Большой Токмак. К сожалению, командование вновь недооценило прочности имевшихся здесь укрепленных рубежей врага, а также силы его группировки. Бои, часто носившие встречный характер, шли с переменным успехом. Населенные

пункты переходили из рук в руки. Днем 28 августа бригада сибирских добровольцев с боем ворвалась в Большой Токмак, но, не поддержанная другими частями, вскоре вынуждена была его оставить.

Советским войскам приходилось отвлекать силы на борьбу с махновцами. Вечером 24 августа одна из банд, возглавляемая помощником Махно, атаманом Живодеровым, атаковала находившиеся на переформировании в деревне Кочерыжки части 20-й кавалерийской дивизии, но была отбита. Утром 25 августа Живодеров бандой в 3,5 тысячи штыков и 800 сабель вновь атаковал уже сводную кавалерийскую бригаду 20-й дивизии П. А. Кибкалова. В открытом бою махновцы понесли сокрушительное поражение. Несколько сот бандитов было зарублено, 600 взято в плен.

Опасаясь наступления советских дивизий из района Каховки, Врангель отказался от ударов по левобережной группе наших войск и основные усилия решил сосредоточить на самом угрожаемом участке. На каховское направление перебрасываются Корниловская и 6-я пехотная дивизии, а затем и конный корпус Барбовича. С 28 августа белогвардейцы повели атаки против группы В. К. Блюхера. Сражение достигает наивысшего напряжения.

Три пехотных полка и два эскадрона вражеской кавалерии при поддержке огня из 15 орудий двинулись на высоту 30,5, которую защищал 451-й стрелковый полк 151-й бригады. Его бойцы десятый день бессменно стояли на линии огня. Усталые, почерневшие от пыли и пота, они отбили атаку белогвардейцев. Но не прошло и получаса, как вражеские орудия снова ударили по позициям полка. Снаряды перепахивали сухую землю, над высотой поднялась туча пыли. Казалось, все защитники погибли. Но как только белогвардейцы пошли вперед, их встретили плотным ружейным и пулеметным огнем. Проходя по ротам, комиссар полка Николай Андреевич Иконников подбадривал изнемогающих от жары и жажды защитников высоты: «Две атаки отбили и еще двадцать отобьем. Не привыкать!» И третья захлебнулась... И четвертая. А потом счет потеряли. К вечеру белая конница, ударив с тыла, ворвалась на высоту. Погибли пулеметчики. Но бой не затихал. В ход пошли приклады и штыки. Командир полка, кизеловский шахтер Яков

Кривощеков бросил на выручку героев резервный батальон. Во главе его пошел коммунист Григорий Воронин. Врангелевцы были вновь выбиты с высоты.

Тяжелое положение складывалось и на других участках. Командир 153-й бригады Борис Викторович Круглов докладывал, что превосходящие силы противника заставили отойти кавалерийскую группу Ю. В. Саблина. Воспользовавшись этим, врангелевцы силою в 1500 сабель ударили во фланг и тыл 458-го полка и заняли село Покровское. Затем, подтянув пехоту и пустив в ход броневики, они нанесли большой урон 136-й бригаде 52-й дивизии и заняли Ново-Александровку. В. К. Блюхер приказал Б. В. Круглову отойти к Нижним Серогозам и удерживать этот важный оборонительный рубеж. Однако через два часа комбриг вынужден был с горечью сообщить, что, несмотря на упорное сопротивление, малочисленные полки бригады оставили Нижние Серогозы. Начдив бросился в штаб 153-й. Приказал вернуть населенный пункт. В ночной рукопашной схватке 457-й и 458-й полки выбили белогвардейцев из Нижних Серогоз. Но на большее не хватило сил. До изнеможения уставших бойцов свалил сон. Прибывшему в расположение полка Блюхеру стало жутко. А что, если налетят белые? Он обернулся к комбригу.

— Спят как убитые. Вы понимаете, на что идете?

— Превосходно понимаю, — ответил Круглов. — Люди выбились из сил. Я и сам с трудом стою на ногах. Как сяду — глаза закрываются.

К счастью, обошлось без последствий. Подошел адъютант Виктор Русяев, протянул пакет: «От Эйдемана. Копия приказа Уборевича». Блюхер быстро прочитал: «Командарму 2-й Конной. С утра 31.VIII повести решительное наступление на деревни Покровка и Н. Александровка, имея целью разгромить в этом районе противника и, преследуя его в южном направлении, соединиться с частями группы товарища Эйдемана». Начдив спрятал листок, сказал: «Если командарм Конной выполнит этот приказ, мы победим. Все решится на рассвете» [14]. Однако события развернулись по-иному.

2-я Конная армия 27 августа получила приказ командарма 13-й прорваться в тыл противника, разбить его резервы в районе Орлянск — Белозерка, а затем, двигаясь в юго-западном направлении, соединиться с час-

тями Правобережной группы для совместного наступления на Мелитополь. Рейд в тыл Врангеля начался утром 29 августа. Ломая сопротивление встречавшихся частей врангелевцев, армия к утру следующего дня вышла к населенным пунктам Менчекур, Нескошино, Гавриловка. Разрыв между 2-й Конной армией и Правобережной группой сократился до 60 километров. Здесь ее обнаружила вражеская авиация и весь день подвергала бомбежке и пулеметному обстрелу. Сразу же была уничтожена единственная радиостанция, связь со штабом 13-й армии прервалась. Против 2-й Конной Врангель бросил группу генерала Калинина в составе 2-й Донской кавалерийской дивизии. Отдельной кавалерийской бригады и Донского стрелкового полка, которых поддерживала Марковская пехотная дивизия. Упорный бой шел до самого вечера.

Врагу не удалось разбить 2-ю Конную армию, но он вынудил ее изменить направление своего движения. Вместо марша по кратчайшему пути на юго-запад в район Демьяновки для соединения с войсками Правобережной группы, командование армии вынуждено было повести ее на северо-запад к Ново-Екатериновке, что значительно увеличило разрыв между ней и Правоборежной группой. Этим сразу же воспользовался противник. Выставив эшелон против ослабленной 2-й Конной армии, он, собрав все свои резервы, повел решительное наступление на группу Блюхера. Утром 31 августа белые двинулись на Нижние Серогозы. Блюхер ввел в бой последний резерв — сводный коммунистический батальон. Возглавил его начальник политотдела Ф. В. Строгонов. Батальон отбил атаки двух вражеских полков. Однако отсутствие поддержки со стороны 2-й Конной армии вынудило начдива отдать приказ на отход. Сдерживая натиск превосходящих сил врангелевцев, 51-я стрелковая дивизия вновь вернулась на Каховский плацдарм.

2-я Конная армия на рассвете 1 сентября выступила из Ново-Екатериновки на деревню Рубановку. Днем ее разведка установила, что левофланговые части Правобережной группы ведут бой западнее деревни Константиновки. Армия изменила маршрут и нанесла удар по правому флангу и тылу противника. Одновременно с фронта белых атаковала сводная кавалерийская брига-

да Ю. В. Саблина. Корниловская дивизия и части генерала Барбовича оставили Константиновку. Фронт был прорван. 2-я Конная армия вместе с частями Правобережной группы прорвалась на Каховский плацдарм. Под давлением превосходящих сил противника начали отход на исходные позиции и войска перекопского направления. На каховском плацдарме сосредоточились Латышская, 15, 51, 52-я стрелковые дивизии, сводная конная группа Ю. В. Саблина. Все они понесли серьезные потери в предыдущих боях и нуждались в пополнениях и отдыхе.

Пытаясь воспользоваться этим обстоятельством, врангелевцы, сконцентрировав под командованием генерала Витковского 7 тысяч солдат пехоты и конницы, много орудий, броневиков, несколько танков, со 2 сентября повели решительное наступление на плацдарм. Особенно ожесточенной была атака в ночь с 4 на 5 сентября. Пустив впереди себя четыре танка и две бронемашины, вражеская пехота двинулась на позиции 15-й стрелковой дивизии. Прорвав проволочные заграждения, белым удалось занять окопы 134-го полка. Но стремительной контратакой в рукопашном бою защитники плацдарма вернули свои позиции. В это время артиллеристы дивизии, выкатив на открытые позиции орудия, прямой наводкой подбили два вражеских танка, а два других были захвачены. За проявленный героизм 134-й полк, 1-й легкий артиллерийский дивизион и 2-я батарея 2-го артиллерийского дивизиона были удостоены почетных Красных знамен.

Орудийный грохот, пулеметная и ружейная трескотня, лязг танковых гусениц и рев моторов стояли в этот день и на других участках обороны Каховского плацдарма. При поддержке танков и бронемашин вражеская пехота устремилась на позиции 51-й стрелковой дивизи. Метким огнем артиллерии несколько танков были подбиты. Это вселило уверенность в бойцов: танки уязвимы, с ними можно бороться. Боец 453-го полка Енин залез на проползавший танк, закрыл смотровую щель и вынудил его остановиться. Враг отступил и на этот раз.

Большую роль в боях за Каховский плацдарм сыграла авиация 13-й армии. С 12 августа и до конца месяца наряду с Правобережной здесь действовала и Централь-

Красноармейцы на подбитом врангелевском танке.
Каховка. Сентябрь 1920 г.

ная авиагруппа И. У. Павлова. Общий итог действий авиации весьма внушителен: за август налетано тысяча пятьдесят часов, сброшено около полутора тысяч авиабомб и десять тысяч стрел [15].

К 6 сентября атаки врангелевцев на Каховском плацдарме выдохлись. Потеряв три тысячи солдат и шесть танков, корпус Витковского отхлынул назад. Каховка героизмом и стойкостью ее защитников выстояла и на этот раз. Она по-прежнему оставалась угрозой, нависшей над всей армией Врангеля. В своих мемуарах барон о поражении под Каховкой скупо обронил: «Вторичная неудача наших частей под Каховкой обнаружила крепость каховских позиций, стойкость красных при обороне и слабеющий наступательный порыв нашей пехоты». Там же барон признал, что «удержание противником каховского тет-де-пона (плацдарма) приковало к этому участку значительную часть наших сил, создавало угрозу нашему левому флангу в наиболее чувствительном для нас перекопском направлении» [16].

Воспользовавшись временным затишьем, советское

командование приводило в порядок и пополняло поредевшие в боях части. 2-я Конная армия, понесшая большие потери в людях и конском составе, выводилась на переформирование и передавалась в резерв фронта. Решением Реввоенсовета Республики ее командующим был назначен Филипп Кузьмич Миронов.

До сих пор мы на удивление мало знаем об этом человеке, на долгие годы несправедливо вычеркнутом из истории Отечества. Казак станицы Усть-Медведицкой окончил Новочеркасское военное училище, участвовал в русско-японской войне, был награжден многими орденами за храбрость. В 1907 году за участие в революционных выступлениях донского казачества Миронова уволили с военной службы. Однако в первую мировую войну он вновь призывается в армию. За умелое руководство кавалерийскими подразделениями он получил чин войскового старшины (подполковника). После февральской революции казаки избрали его командиром 32-го Донского полка. После победы Октября Миронов увел своих казаков на Дон в помощь Советской власти, став военным комиссаром Усть-Медведицкого округа. С наступлением белоказачьих войск возглавил красногвардейский отряд. Позднее на базе этого отряда развертывается 23-я стрелковая дивизия, командование которой также было поручено Ф. К. Миронову. За боевые заслуги он награждается орденом Красного Знамени под порядковым номером три. Учитывая большую популярность Миронова среди казачества, в июле 1919 года его назначают командиром Особого Донского кавалерийского корпуса Южного фронта, формирующегося в Саранске.

Настаивая на пополнении корпуса и скорейшей отправке его на фронт, вспыльчивый Миронов вступил в конфликт с политотделом, воспринявшим действия командира Кавкорпуса как проявление казачьей вольницы. Не дождавшись ответа от казачьего отдела ВЦИК, куда Миронов обратился за помощью, он принимает решение выступить на фронт с неукомплектованным корпусом. РВС Южного фронта обвинил Миронова в мятеже. Корпус был разоружен, а его командир привлечен к суду военного трибунала и приговорен к расстрелу. Однако, учитывая заслуги Миронова перед революцией, Президиум ВЦИК помиловал его. Политбю-

ро ЦК РКП(б) в октябре 1919 года рекомендовало Миронова на работу в Донисполком. В январе 1920 года Филипп Кузьмич вступил в ряды Коммунистической партии.

На основании приказа Реввоенсовета Республики от 19 августа на базе Правобережной группы войск создается 6-я армия. Ее командующим становится Константин Алексеевич Авксентьевский. Бывший учитель, а затем подпоручик старой армии, он в 1917 году стал членом большевистской партии. После Октябрьской революции принимал участие в борьбе за установление Советской власти в Вологодской губернии, работал секретарем Вологодского губисполкома, военкомом Ярославского военного округа. В 1919—1920 годах командовал 4-й армией Восточного фронта, был членом Реввоенсовета Туркестанского фронта.

Согласно планам, новая армия прикрыла правый фланг Юго-Западного фронта от устья Днепра до Никополя. Рубеж от Никополя до Ногайска занимала уже знакомая 13-я армия под командованием И. П. Уборевича.

На 15 сентября 1920 года 6-я, 2-я Конная и 13-я армии, нацеленные на Врангеля, насчитывали около 50 тысяч штыков, 8,9 тысячи сабель, 2137 пулеметов, 451 орудие, 12 бронепоездов, 14 бронеавтомобилей, 3 танка, 42 самолета [17]. Поддерживающая их Азовская военная флотилия имела 12 кораблей и плавучую батарею.

Переформировывал свои войска и Врангель. В условиях, когда Польша склонялась к мирным переговорам с Советской Россией, Антанта и США усилили ему помощь. 20 августа на пароходе «Фараба» из Нью-Йорка в Крым было отправлено 436 пулеметов «кольт» с запасными частями, около 2,5 миллиона ружейных патронов, более 3 тысяч винтовок. Это груз только одного парохода. Вообще же в сентябре американские покровители барона прислали 10 паровозов, 35 паровозных котлов, дальнобойные орудия, снаряды, 10 тысяч пудов бензина, а также инженерное имущество для перекопских укреплений [18].

Не отставали от американцев и англичане. В сентябре — начале октября Англия через Константинополь направила в Крым 45 тысяч винтовок и 8 миллионов

патронов. Врангелевская армия ходила в английском обмундировании [19].

Правящие круги Антанты изыскивали все новые источники вооружения для Врангеля. 23 августа французский посол в Бухаресте добился согласия румынского правительства на передачу барону военных материалов, оставленных на территории Румынии во время первой мировой войны русскими войсками при их расформировании. В связи с этим маршал Фош 24 августа писал Мильерану: «Имею честь обратить Ваше внимание, что эти намерения в нынешней обстановке заслуживают рассмотрения, поскольку указанные материалы действительно значительны по количеству и их передача армии Врангеля серьезно содействовала бы поднятию в минимальный срок боеспособности этой армии. Вследствие этого прошу Вас предпринять перед румынским правительством необходимые демарши с тем, чтобы сделать возможными эти поставки в самый кратчайший срок» [20].

«Правителю Юга России» было также передано попавшее в руки турок русское оружие во время первой мировой войны [21].

Страны Запада позаботились и о пополнении рядов врангелевской армии остатками разгромленных войск российской контрреволюции, оказавшимися за пределами России. Из Грузии прибыл двухтысячный отряд кубанских казаков. Обрадованный Врангель присвоил его командиру Фостикову звание генерал-лейтенанта и наградил орденом Святителя Николая Чудотворца. В сентябре 1920 года между Врангелем и Польшей был подписан договор о формировании на польской территории «3-й русской армии» общей численностью до 80 тысяч человек. Империалисты насильно направлялии в Крым русских военнопленных, задержанных после первой мировой войны в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, а также солдат русского экспедиционного корпуса, действовавшего во Франции.

В качестве платы за вооружение и снаряжение белой армии империалисты получили право беспрепятственно грабить народное достояние. Дело не ограничилось уже упомянутым унизительным договором с Францией. В Крыму орудовали многие хищники — «Англо-американское экспортно-импортное общество», «Международная торгово-промышленная компания», «Американская

корпорация внешней торговли», «Русско-польский банк», английская фирма «Вильям Хигс», торговая компания «Итало-Рус» и другие. С 1 февраля по 1 сентября 1920 года империалисты Антанты и США вывезли с юга России 3 миллиона пудов зерна, 830 тысяч пудов соли, 12 тысяч пудов льна, 120 тысяч пудов табака, 63 тысячи пудов шерсти, другие ценнейшие продукты [22]. Капиталистам США, Англии и Франции за бесценок был распродан Черноморский торговый флот.

Прямым пособником Антанты в разграблении народного добра был «правитель Юга России», не забывавший при этом и о себе. Барон договорился с банкирским домом «Борис Жданов» о продаже за границу военных кораблей и другого имущества флота, при этом оговаривалось, что «емкость имущественного приобретения не ограничивается никакими рамками». Крепкими нитями связался Врангель с предприимчивым спекулянтом инженером Чаевым, получившим разрешение вывозить черноморские корабли за границу.

Переформированные с помощью Антанты войска Врангеля выглядели так. 1-й армейский и 3-й Донской корпуса были объединены в 1-ю армию под командованием генерала А. П. Кутепова. В нее входили наиболее боеспособные Марковская, Корниловская и Дроздовская дивизии. Эта армия действовала против нашей 13-й. Из 2-го и 3-го армейских корпусов и гвардейского отряда была образована 2-я армия генерала Д. П. Драценко, действовавшая против нашей 6-й и стоявшей в ее тылу 2-й Конной армии. В резерве Врангеля в районе Верхние и Нижние Серогозы, Агайман находились отдельный корпус (1-я и 2-я кавалерийские дивизии) генерала И. Г. Барбовича и Отдельная конная группа (1-я Кубанская конная дивизия, Терско-Астраханская кавалерийская бригада) генерала Н. Г. Бабиева. По данным советской разведки, противник имел в Северной Таврии 27,4 тысячи штыков, 17,1 тысячи сабель, 998 пулеметов, 193 орудия, 19 бронепоездов, 26 бронеавтомобилей, 19 танков, 34 самолета. У Врангеля имелось более 50 боевых кораблей, он мог опереться на поддержку 25 английских, американских, французских и итальянских военных кораблей [23].

Имея перевес в пехоте, советские войска уступали врангелевцам в коннице, бронепоездах, бронеавтомоби-

лях, танках, особенно на Левобережье. Здесь сказалась усилившаяся военно-техническая помощь Врангеля от Антанты и США. Однако у советского командования было больше возможностей для усиления крымского участка фронта, особенно после мира с Польшей. Перед Врангелем же проблема резервов стояла очень остро. Потеряв надежду на пополнение армии за счет кубанского и донского казачества, он торопит с переброской из Польши корпуса Бредова. В сентябре барон располагал уже 15 тысячами бредовцев. В начале сентября «правитель Юга России» вновь объявляет мобилизацию лиц 1900—1901 годов рождения и ранее освобожденных от службы, родившихся в 1885—1899 годах.

Крестьянство упорно отказывалось служить в белой армии. В большом селе Ново-Васильевка, насчитывавшем 10 тысяч населения, на сборный пункт никто не явился. Те, кого удалось насильно взять, при первом удобном случае дезертировали. Врангель был вынужден признать, что «за последнее время участились случаи уклонения от призывов». Для устрашения населения «правитель Юга» издал драконовский приказ о круговой поруке сел и деревень за проведение мобилизации. Взамен уклоняющегося от призыва предлагалось забирать в армию других мужчин семьи от 17 до 43 лет, способных носить оружие. А если в семье не было годных для военной службы, то село должно было сдать в армию кого-либо из жителей. У родственников дезертировавших и уклоняющихся от призыва конфисковывалось имущество. «Я, — защищал эти меры барон, — вынужден был всей силой власти эти требования поддерживать. Беспощадная борьба требовала общих жертв» [24].

Всеми этими мерами белогвардейскому командованию к концу сентября удалось увеличить численность действующих войск на 13 тысяч штыков и 6 тысяч сабель [25]. Располагая многочисленной конницей, сильными военно-техническими средствами, армия Врангеля по-прежнему представляла серьезную опасность. Отмечая это обстоятельство, М. В. Фрунзе писал: «Сохраняя инициативу на своей стороне, производя постоянно наступления в том или ином направлении, он (Врангель) долго срывал нашу подготовительную работу, не давая возможности собраться с силами для нанесения ре-

шающего удара и даже одерживая крупные победы»[26].

Белогвардейцам удалось перейти в наступление и в середине сентября. По согласованию с Военным комитетом Антанты Врангель приступил к осуществлению широкомасштабного плана, связанного с вторжением в Донбасс и на Правобережную Украину. Предполагалось провести две операции — Заднепровскую и Донбасскую. Замысел главной, Заднепровской, состоял в том, чтобы рядом ударов по советским войскам в разных направлениях выйти на правый берег Днепра и затем соединиться с «3-й русской армией», которая по соглашению Врангеля с правительством буржуазно-помещичьей Польши начинала формироваться на ее территории, а возможно даже, с белопольскими войсками для объединенного похода на Москву.

12 сентября Врангель в сопровождении главы крымского «правительства» А. В. Кривошеина, военных миссий Франции, Англии, США, Польши, Японии, Сербии, русских и иностранных корреспондентов провел осмотр перекопских позиций, а вечером устроил пышный парад своих войск в Мелитополе. После парада состоялся обед в честь иностранных представителей. Выступая на нем, Врангель благодарил их за поддержку и настойчиво выпрашивал дипломатическое признание своего «правительства».

Речь барона, как всегда, отличалась высокопарностью, но она хорошо показывала его зависимость от иноземных покровителей, поэтому стоит ее привести пошире. «Прежде всего, — говорил «правитель Юга России», — я горячо приветствую представителя нашей старой испытанной союзницы — Франции. Франция первая признала наше правительство. Это было первое драгоценное свидетельство твердой веры в нас, наше правое дело и нашу способность во имя свободы и справедливости успешно бороться с мировым врагом — большевизмом. За Францией — Америка в исторической ноте с исчерпывающей глубиной раскрыла свою точку зрения на русский вопрос, указав на мировое значение единства и неприкосновенности России и на невозможность признания когда-либо большевистского режима. С неизменной признательностью я вспоминаю огромную помощь, оказанную нам Англией, и непоколебимо верю, что недалек час, когда все дружественные дер-

жавы найдут своевременным открыто сказать, что Русская армия ведет борьбу не только за освобождение и благо России, но и за всемирную культуру. При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдержать волну красного интернационала, который зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится до Нового Света» [27].

В ответных речах представители западных стран материально-техническую поддержку обещали, но о дипломатическом признании умалчивали. Видимо, чувство реализма у них все-таки присутствовало. Империалисты начинали приходить к выводу, что свалить Советскую Республику им оказалось не под силу. На этот случай приходилось останавливаться на программе-минимум, суть которой охарактеризовал В. И. Ленин: «...если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму...» [28]. А потому Врангелю продолжали щедро поступать вооружение и снаряжение, одобрялись его военные предприятия.

Задуманный Врангелем план, как и прежние, страдал авантюристичностью. Достаточных сил для его выполнения у «правителя Юга России» не имелось. Но от этого он не становился менее опасным. Перед Заднепровской намечалось провести Донбасскую операцию, чтобы разгромить 13-ю армию и обеспечить правый фланг и тыл основной группировки, нацеленной на Правобережную Украину. Врангель писал: «Прежде чем приступить к операции в западном направлении, необходимо было разбить красных на северном и восточном участках фронта и этим развязать себе руки для предстоящей Заднепровской операции» [29].

14 сентября 3-й Донской корпус генерала Ф. Ф. Абрамова перешел в наступление на участке Пологи—Ногайск. Обладая превосходством в силах, особенно в коннице, он в результате трехдневных ожесточенных боев нанес серьезное поражение 40-й и 42-й дивизиям 13-й армии. Обескровленные дивизии отошли к востоку и северо-востоку от железнодорожной линии Бердянск — Пологи.

После этого успеха Врангель приказал командующему 1-й армией развернуть наступление против Ореховской и Александровской групп 13-й армии и овладеть

переправой через Днепр в районе Александровска, а затем захватить Екатеринослав (Днепропетровск). В этом районе развернулись упорные кровопролитные бои. 19 сентября советские дивизии вынуждены были оставить Александровск. Враг продолжал упорно рваться на север. Однако его попытка переправиться через Днепр у Павло-Кичкаса была отбита 3-й стрелковой дивизией, а вскоре соотношение сил, особенно с образованием самостоятельного Южного фронта, изменилось не в пользу зарвавшегося «правителя Юга России».

Глава 6

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

Еще 1 сентября 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) направило военному ведомству директиву «взять Крым до наступления зимы». В соответствии с этим Реввоенсовет Республики 2 сентября постановил: «Предстоящую операцию, которая должна ликвидировать Врангеля в течение настоящей осени, подготовить с таким расчетом, чтобы успех был безусловно обеспечен»[1]. Сложность задачи настоятельно требовала решить давно назревший вопрос об образовании самостоятельного Южного фронта, о его командующем. «Комфронтом против Врангеля» В. И. Ленин предложил назначить М. В. Фрунзе. Владимир Ильич хорошо знал Михаила Васильевича Фрунзе, закаленного в схватках с царизмом большевика, опытного партийного организатора, одного из выдающихся военачальников гражданской войны.

В годы первой революции в России 20-летний М. В. Фрунзе — один из руководителей большевиков в Шуе и Иваново-Вознесенске. Когда в декабре 1905 года в Москве началось вооруженное восстание рабочих,

прибывший им на помощь отряд иваново-вознесенских и шуйских дружинников под руководством Фрунзе геройски дрался на баррикадах Пресни. Уже тогда заметили его «военную жилку». Этот момент впоследствии был отмечен в обращении ЦК ВКП(б) в связи с безвременной кончиной полководца. «Московские баррикады 1905 года... видели Фрунзе как неутомимого и бесстрашного бойца»[2]. Большое влияние на М. В. Фрунзе оказала его первая встреча с Владимиром Ильичем Лениным на IV съезде РСДРП, где он оказался самым молодым делегатом. Царский суд дважды приговаривал М. В. Фрунзе к смертной казни, и только под давлением общественности она была заменена каторгой, а потом вечным поселением в Сибири. После февральской революции он возглавил фракцию большевиков в Минском Совете рабочих депутатов, являлся членом фронтового комитета Западного фронта. С августа 1917 года — председатель Шуйского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В ходе Великой Октябрьской социалистической революции М. В. Фрунзе возглавил Красную гвардию Шуйско-Ивановского района и привел в Москву двухтысячный отряд, который принял самое активное участие в боях за власть Советов в столице. С победой Советской власти М. В. Фрунзе — председатель Иваново-Вознесенского губернского исполкома и руководитель губернского комитета партии, одновременно и губернский военный комиссар. Военный талант М. В. Фрунзе особо раскрылся в годы гражданской войны. В декабре 1918 года он был назначен командующим 4-й армией Восточного фронта, а с апреля 1919 года — южной группой войск этого фронта, нанесшей решительное поражение Колчаку. С июня 1919 года М. В. Фрунзе командует войсками Восточного фронта. Кстати, у Волги ему в это время приходилось давать отпор и «черному барону». С августа 1919 года М. В. Фрунзе возглавил Туркестанский фронт. 2 сентября 1920 года он направил В. И. Ленину телеграмму: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции»[3]. Блестящей победой над бухарским эми-

Выступление М. В. Фрунзе на митинге бойцов Южного фронта. 1920 г.

ром войска Туркестанского фронта завершили утверждение Советской власти на всей территории Туркестанского края (Средней Азии). Этот момент также учитывался при назначении М. В. Фрунзе на Южный фронт.

Для М. В. Фрунзе как полководца был характерен всесторонний учет военно-политического положения внутри страны и за ее пределами. Он досконально изучал обстановку на фронтовом театре, трезво учитывал силы и возможности сторон, все факторы, влиявшие на ход военных действий. Ему был чужд шаблон. Применяя широкий маневр войск, он стремился выйти на коммуникации врага, разгромить его ударные группировки, уничтожить живую силу и технику. Огромное значение Фрунзе придавал выбору направления главного удара. От подчиненных ему войск он требовал не распылять силы, а действовать ударными группами, «в один кулак». Для него характерна и умелая организация взаимодействия всех видов и родов войск.

«В лице тов. Фрунзе, — писал его боевой соратник,

член Реввоенсовета Южного фронта С. И. Гусев, — мы нашли совершенно исключительный военный талант, товарища с редкими стратегическими способностями, к которым присоединились выдающийся организаторский талант и крепчайшая большевистская теоретическая и практическая закалка»[4]. Все эти качества М. В. Фрунзе как организатора, стратега и полководца особо ярко проявились в период руководства им Южным фронтом.

Получив 8 сентября указание В. И. Ленина, Реввоенсовет Республики срочно вызвал М. В. Фрунзе в Москву «в распоряжение главнокомандующего для ответственного назначения». 10 сентября 1920 года, обратившись с прощальным приказом к бойцам и командирам Туркестанского фронта, Фрунзе выехал в Москву. Прибыв в столицу, он прямо с вокзала направился в Кремль. Во второй половине дня 20 сентября 1920 года Владимир Ильич принял командующего в своем кабинете в Кремле. Он подробно проинформировал М. В. Фрунзе о военно-политическом положении страны, о делах на фронте, об установках ЦК партии по ведению борьбы против Врангеля. «Главное заключается в том, чтобы не допустить зимней кампании»[5], — особо подчеркнул В. И. Ленин.

21 сентября 1920 года Реввоенсовет Республики в соответствии с решением Пленума ЦК партии принял постановление об образовании Южного фронта в составе 6, 13 и 2-й Конной армий.

Первым членом Реввоенсовета Южного фронта стал С. И. Гусев — опытный партиец, член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент ленинской «Искры», а в годы гражданской войны — член реввоенсоветов 5-й и 2-й армий, Восточного, Юго-Восточного фронтов, Реввоенсовета Республики. Другим членом Реввоенсовета фронта через несколько дней был назначен видный венгерский интернационалист Бела Кун. При его назначении учитывалось то, что в составе армий фронта было много интернациональных формирований, в том числе и венгерских.

Кандидатуру Бела Куна предложил В. И. Ленин. Находясь в рядах австро-венгерской армии, Бела Кун в 1916 году попал в плен к русским войскам, был отправлен в лагерь военнопленных в город Томск. Там

связался с большевистскими организациями, вступил в ленинскую партию, после февраля 1917 года был избран членом Томского губкома РСДРП(б). В декабре 1917 года тридцатилетний руководитель венгерских военнопленных в России приехал из Сибири в Петроград, чтобы установить связь с Центральным Комитетом партии большевиков. Тогда он впервые и встретился с В. И. Лениным. «Товарищ Бела Кун, — удостоверял позднее в своем «Сообщении о переговорах по радио с Бела Куном», записанном в марте 1919 года на граммофонную пластинку, В. И. Ленин, — хорошо знаком был мне еще тогда, когда он был военнопленным в России и не раз приходил ко мне побеседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции» [6].

Бела Кун был руководителем венгерской революции в марте 1919 года, возглавлял Венгерское советское правительство. После поражения революции ему пришлось вынести тяжелые гонения венгерских, австрийских и германских властей. В Россию он вновь возвратился в августе 1920 года.

Несмотря на огромную занятость, В. И. Ленин нашел «окно» для безотлагательной встречи с Бела Куном. Беседа состоялась 28 сентября 1920 года. Владимир Ильич подвел Бела Куна к большой карте, показал на Крым. «Вот здесь, — сказал он, — все надо решить как можно быстрее. Выбросить Врангеля из России. Без этого нам будет трудно продвинуться вперед, заставить другие страны признать нас. Пока там, за границей, питают большую надежду на реставрацию, признания Советской России не будет». В. И. Ленин кратко обрисовал положение в Крыму и после короткой паузы, пристально разглядывая венгра, сказал, что ЦК РКП(б) рекомендует его, Бела Куна, на пост члена Революционного Военного совета Южного фронта, и что он, Ленин, ждет его согласия. Бела Кун некоторое время молчал, мысленно оценивая всю ответственность поручения. В тишине, наступившей в кабинете, тихо зазвонил телефон, но Владимир Ильич не взял трубку: он ждал ответа. Наконец, Бела Кун, старательно выговаривая по-русски слова, сказал: «Я принимаю поручение ЦК, ваше поручение, Владимир Ильич. Я согласен» [7].

В середине октября в состав Реввоенсовета фронта

С. М. Буденный, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов над картой боевых действий.
Октябрь 1920 г.

были дополнительно введены М. К. Владимиров и И. Т. Смилга.

Перед отъездом из Москвы М. В. Фрунзе обратился к своим товарищам по партийной работе в Иваново-Вознесенске с просьбой помочь фронту партийными кадрами. «Считаясь с необходимостью быстрого приведения в боевую готовность частей Южного фронта и создания, по существу, на пустом месте фронтового аппарата управления, — писал он в Иваново-Вознесенский губком партии, — я обращаюсь к вам, товарищи, с призывом прийти мне на помощь в выполнении этих задач присылкой работников-коммунистов. Я хорошо знаю, что Иваново-Вознесенск и Красная губерния дали очень много коммунистов на многочисленные боевые фронты республики. Я понимаю всю трудность работы оставшихся товарищей, но тем не менее уверен, что Иваново-Вознесенская организация РКП(б) и организации губернии найдут в себе силы для того, чтобы еще и еще раз прийти на помощь фронту. Если нельзя будет выде-

лить ответственных работников, пусть будут даны рядовые рабочие коммунисты»[8].

Два дня М. В. Фрунзе присутствовал на проходившей в это время IX Всероссийской конференции РКП(б). Здесь он условился с народными комиссарами Д. И. Курским, А. В. Луначарским и Н. А. Семашко о посещении ими войск фронта. Во Всероссийском главном штабе Республики договорились о передаче на Южный фронт управления 4-й армии, но с новым командующим, лично известным М. В. Фрунзе, В. С. Лазаревичем. Начальником штаба фронта для преемственности управления было решено назначить И. Х. Пауку, с февраля по июнь 1920 года командовавшего 13-й армией. Главнокомандующий войсками Республики С. С. Каменев обещал помочь артиллерией, огнеметами, самолетами.

25 сентября фронтовой поезд вышел из Москвы. Вместе с М. В. Фрунзе выехал на Южный фронт известный пролетарский поэт Демьян Бедный. В годы гражданской войны он хлестко бичевал интервентов и белогвардейцев сатирическими стихами. «Михаил Васильевич, — обратился к Фрунзе Демьян Бедный, — не хотите ли послушать «Манифест барона Врангеля»?» Стихотворение было едкое, острое:

Их фанге ан. Я нашинаю.
Эс ист для всех советских мест,
Баронский унзер манифест.
Для русский люд из краю в краю.
Вам мой фамилий всем известный:
Их бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.

«Да, да, — смеялся М. В. Фрунзе, — это замечательно! «Я самый лючший, самый шестный есть кандидат на царский трон». — Однако он становится серьезным: — Этот «кандидат» лезет на нас»[9].

Спустя сутки поезд М. В. Фрунзе прибыл в Харьков. «26 сентября мы, старшие командиры штаба, находились в просторном зале заседаний и в ожидании очередных сводок обсуждали сложную, во многом неясную фронтовую обстановку, — вспоминал бывший тогда помощником командующего Южным фронтом С. Д. Хар-

Сотрудники политодела штаба Южного фронта с М. В. Фрунзе. 1920 г.

ламов. — За разговорами у оперативных карт не заметили, как в дверях появился неизвестный военный, одетый в простую серую шинель. Взгляд его был открытый и приветливый. Как старший по должности я пошел к нему навстречу, намереваясь спросить, кто он такой. Но он опередил меня.

— Здравствуйте, товарищи командиры! — негромко сказал незнакомец. — Я Фрунзе...

Все обернулись на голос. Те, кто сидел, вскочили и невольно вытянулись, приветствуя нового командующего фронтом. Когда я доложил, чем занимаются работники штаба, Фрунзе коротко бросил «хорошо» и стал знакомиться с нами. Каждый, представляясь ему, четко называл свою фамилию и должность, а он, пожимая командирам руки, пристально вглядывался в их лица, словно сразу же старался запомнить всех будущих помощников»[10].

Вместе с М. В. Фрунзе на Южный фронт прибыли его соратники еще по Восточному фронту А. К. Андерс — заместитель начальника штаба, П. П. Караты-

гин — начальник оперативного управления, инженер А. Д. Малевский. Снабжением фронта стал ведать сослуживец Фрунзе по Ярославскому военному округу В. В. Фрейганг. Член партии с 1904 года В. Ю. Юнгмейстер возглавил управление авиации и воздухоплавания, начальником военно-санитарного управления стал А. О. Вист. Радостной была встреча М. В. Фрунзе со своим старым сослуживцем и другом, членом Реввоенсовета С. И. Гусевым.

Директивой Главного командования от 24 сентября Южному фронту определялось: «Проявить исключительную энергию для подготовки в кратчайший срок безотказного удара против войск Врангеля и безусловной окончательной его ликвидации, учитывая, что для сего в состав фронта будет передана 1-я Конная армия, передвигаемая в район Кременчуг — Елисаветград». В соответствии с планом предполагавшейся операции на усиление фронта из Беломорского и Заволжского военных округов, Запасной армии Республики, из Сибири, с Западного и Кавказского фронтов перебрасывались 5 стрелковых (1-я и 2-я Донские, Морская, 9-я и 30-я) и 2 кавалерийские (5-я и 7-я) дивизии, 4 бригады, артиллерийские части и подразделения, броневики, автотанковый отряд. Всего Южный фронт получил более 68 тысяч штыков и 12 тысяч сабель, не считая 1-й Конной армии [11].

27 сентября 1920 года М. В. Фрунзе обратился с приказом к войскам Южного фронта. В нем говорилось:

«Приказом Революционного военного совета республики я назначен командующим армиями Южного (врангелевского) фронта.

Вступая ныне в исполнение своих обязанностей, с первой мыслью и первым словом я обращаюсь к вам, товарищи красноармейцы... Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но по-прежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.

Это тот самый барон Врангель, который, несмотря на крушение контрреволюционных затей своих черносотенных предшественников — адмирала Колчака, генералов Корнилова, Юденича, Деникина и др., все еще продолжает пробивать себе дорогу к царскому трону через горы рабочих и крестьянских трупов.

Это тот Врангель, который запродал всю Россию — все железные дороги, рудники и другие богатства — французским ростовщикам и тем купил их подлую, кровавую помощь против родной страны. Это тот Врангель, который в последние дни глубоко вонзил свой разбойничий нож в спину России, сорвав победный марш армий Западного фронта и наш мир с Польшей...

Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый узел интриг и козней, при помощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение. Успехи Врангеля окрылили их надеждами и поддерживают бодрость в борьбе с надвинувшейся вплотную волною пролетарского движения в их собственных странах. На нас, на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчеты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть смертельным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счеты труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты; очередь за вами, товарищи.

Мне известно, что эту задачу нам придется разрешать в тяжелой обстановке разного рода недочетов и нехваток. Это известно и всей России, напрягающей последние усилия, чтобы помочь фронтовикам. И тем не менее мы ее должны разрешить.

Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта...»[12].

На следующий день, 28 сентября, М. В. Фрунзе телеграммой информирует В. И. Ленина: «Прибыл в Харьков 26 утром. В два дня сформировал в основных чертах штаб фронта, с 28 приступивший к работам почти в полном объеме. Положение на фронтах характеризуется упорным сопротивлением противника, очевидно, прекрасно осведомленного о наших планах, кото-

рые он стремится разрушить путем ударов в направлениях наших группировок. Движение к Донецкому бассейну рассматриваю именно так. Предполагаю со своей стороны впредь до окончания подготовки общего наступления нанести ряд коротких ударов. Завтра вызываю в Кременчуг командиров 6-й, 1-й и 2-й Конной. Настроение частей несколько надломлено. Переход в общее наступление зависит от времени подхода 1-й Конной. Установили связь с ЦК Украинской. Подготовляем мобилизацию незаможных крестьян. Тыл очень плох. Делаем все, что можем. Прошу ускорить приезд Баранова, а также командировать на фронт тов. Куйбышева» [13].

Новому Южному фронту сразу же пришлось отражать бешеный натиск врангелевцев на Екатеринослав и Донбасс. 3 октября враг занял крупную железнодорожную станцию и город Синельниково. Для защиты района Екатеринослава М. В. Фрунзе образовал специальную группу войск под командованием начальника 46-й стрелковой дивизии И. Ф. Федько. И положение на этом участке фронта в конце концов было стабилизировано.

Не удалось Врангелю развить успех и на мариупольском направлении. Перебросив сюда 3-й Донской корпус, он 27 сентября захватил железнодорожный узел Волноваху, а на следующий день Мариуполь. Неся большие потери, враг дошел до Иловайской, создав непосредственную угрозу Донбассу. На большее у него сил не хватило. Наступление было остановлено.

Отбив атаки врангелевцев, части юзовского и таганрогского направлений перешли в контрнаступление. Враг стал откатываться назад от станции Иловайской к Волновахе, а затем в район Пологи — Верхний Токмак. 4 октября Таганрогская группа овладела Мариуполем. Врангель вынужден был отвести свой потрепанный в боях Донской корпус на укрепленные позиции восточнее Мелитополя. 6 октября М. В. Фрунзе докладывал В. И. Ленину и Реввоенсовету Республики: «Положение на фронте за истекшие 5 дней резко изменилось к лучшему. Угрозу Донбассу можно считать ликвидированной» [14]. Наступал последний акт борьбы. Настала очередь вырвать крымскую занозу из тела Советской Республики, покончить с гражданской войной.

Глава 7

В ТЫЛУ ВРАНГЕЛЯ

В то время как на фронте шли ожесточенные бои, партизаны и подпольщики наносили удары по белогвардейскому тылу. Еще в период деникинщины в обстановке белогвардейского террора коммунистам удалось создать подпольные партийные организации во всех наиболее крупных городах Крыма. Большое значение для активизации подпольной работы имело образование в декабре 1919 года областного комитета партии во главе с С. Я. Бабаханом.

Когда Красная Армия, громя Деникина, стала приближаться к Крыму, большевики полуострова повели активную подготовку к вооруженному восстанию. В начале января 1920 года в Симферополе состоялась конференция большевистских подпольных организаций Симферополя, Севастополя, Керчи, Евпатории, Ялты, на которой обсуждался вопрос о подготовке к восстанию. Для руководства этой работой был создан Крымский областной военно-революционный комитет.

Состоявшаяся 12 февраля 1920 года Симферополь-

ская городская комсомольская подпольная конференция, 22 делегата которой представляли 140 комсомольцев, объявила организацию на военном положении. По ее решению создаются боевые и санитарные пятерки, группа связи, команда разведки. В их задачи входила порча паровозов, железнодорожных путей, разрушение мостов и т. д. Группа подпольного Красного Креста держала связь с арестованными, передавала им одежду и продукты. 1 марта подпольщики совершили дерзкий налет на полицейский участок и освободили политических заключенных, переправив их партизанам.

Симферопольские подпольщики вели агитацию среди населения, солдат, печатали и распространяли листовки. Получив однажды от партийной организации задание выпустить листовку, комсомольцы города решили напечатать ее в частной типографии «Рекорд». Когда владелец типографии отказался это сделать, вооруженные комсомольцы оттеснили хозяина, заперли двери и повесили на них объявление: «По случаю смерти отца владельца типография закрыта». Что касается наборщиков, то они с радостью выполнили просьбу юных боевиков. Через несколько часов листовки были напечатаны, а вечером расклеены на видных местах [1].

В Севастополе план восстания, разработанный горкомом партии, предусматривал захват стоящих в порту судов, железнодорожной станции и других важных пунктов города. В разгар подготовки восстания в ночь на 4 февраля 1920 года контрразведкой были схвачены девять членов подпольного комитета, в том числе руководители горкома В. В. Макаров, А. Н. Бунаков, И. А. Севастьянов. Арестованных отправили на крейсер «Корнилов», где три дня пытали, добивались имен оставшихся на свободе подпольщиков. Но стойкие большевики не выдали своих товарищей. Среди арестованных самой молодой была Лия Шулькина. Взбешенные ее упорством на допросах белогвардейцы сбросили молодую коммунистку в море. В феврале казнены были и все ее восемь товарищей. Извещая об этой чудовищной расправе, Крымский областной комитет РКП(б) обратился с воззванием к рабочим, солдатам и крестьянам: «Товарищи! Кровь невинно замученных 9 ваших представителей взывает к вам! К отмщению! К оружию!.. Доставайте оружие, обучайте не умеющих владеть им,

организуйтесь в боевые дружины и ждите нашего зова!»

Широкую работу по подготовке восстания развернул Феодосийский ревком, возглавляемый И. А. Назукиным. Жители Крыма знали его как члена обкома партии и наркома просвещения Крымской ССР в 1919 году. По заданию ЦК РКП(б) он в ноябре 1919 года прибыл в Феодосию для подпольной работы. При нем партийная организация города значительно окрепла. Подпольщики через своих людей в воинских частях хорошо знали о положении в гарнизоне. Была сформирована боевая дружина. По плану восстания предполагалось захватить склады оружия, раздать его рабочим, арестовать офицеров. Затем революционным отрядам по Арабатской стрелке предстояло направиться к Геническу, ударить в тыл белым и открыть Красной Армии путь в Крым. Однако восстание не удалось. Пробравшийся в ряды организации провокатор выдал белогвардейцам И. А. Назукина и других подпольщиков. 8 марта 1920 года, после зверских пыток в застенках контрразведки, 28 коммунистов и комсомольцев во главе с И. А. Назукиным были расстреляны.

Активно готовился к восстанию и Керченский горком партии, которому удалось связаться с солдатами и матросами местного гарнизона и создать склад оружия и боеприпасов. В марте 1920 года керченские подпольщики установили связь с вышедшими на Тамань частями Красной Армии, снабжали их разведывательными данными. Планом восстания предусматривалась координация действий с другими городами и частями Красной Армии на Тамани. Однако белой контрразведке удалось предотвратить и это выступление.

С укреплением врангелевцев в Крыму положение подпольщиков значительно осложнилось. Бороться им приходилось в тяжелейших условиях, когда врангелевская контрразведка вела буквально охоту за коммунистами, комсомольцами. Ищейки Климовича действовали усердно. 22 апреля 1920 года им удалось окружить собрание представителей подпольных организаций Симферопольского горкома партии и комсомола. Все участники его были арестованы. 6 мая военно-полевой суд приговорил к смерти девять подпольщиков. Выступая на суде, Зиновий Волович гневно бросил в лицо палачам: «Ваши дни сочтены. Молодая Россия выдержит и этот

Красные партизаны у Керченских каменоломен после разгрома Врангеля.
Ноябрь 1920 г.

натиск мировой буржуазии. А вы, жалкие подонки... молитесь французским, английским и американским банкирам, вам оплатившим кровь тысяч убитых и замученных. Ваш час пробил! Вас бьют и справа, и слева, и в затылок! Смерть витает над вашими головами»[2].

13 подпольщиков Симферополя — Х. Беляев, Ц. Беляев, Крылов-Соболевский, М. Лозинский, Никитов, Ш. Разумова, Тимофеев и другие — были казнены в июне за то, что, «состоя членами Российской Коммунистической партии, вошли в крымские подпольные организации и подготовляли вооруженное восстание»[3].

Активную работу вела Ялтинская подпольная комсомольская организация, которую возглавляла 23-летняя украинская девушка Ольга Череватенко. Отважная подпольщица выполняла ответственные задания партийного комитета. Не раз приходилось ей, наполнив корзину боеприпасами, накрытыми сверху продуктами, проходить мимо сторожевых постов и по тропам пробираться к партизанам. Врангелевской контрразведке удалось

обнаружить явки подполья. В ночь с 4 на 5 июня 1920 года 14 юных подпольщиков были арестованы. Три месяца палачи истязали арестованных. По приговору военно-полевого суда шесть человек, в том числе Ольга Череватенко, были 10 сентября 1920 года расстреляны.

Аресты и казни ослабляли подполье. Но борьба не прекратилась. По решению подпольного областного комитета партии коммунисты и комсомольцы, над которыми надвигалась угроза ареста, направлялись в лес, где разворачивалось партизанское движение.

Первые отряды партизан представляли собой отдельные, не связанные друг с другом группы, состоявшие в основном из крестьян и солдат, не желавших служить в белогвардейской армии. Постепенно большевики взяли руководство партизанским движением в свои руки. Симферопольский горком партии направил в лес большевика А. Шкурина, который возглавил отряд, действовавший в верховьях реки Альмы. Вскоре отряд дал о себе знать взрывами железнодорожных путей и поджогом альминского моста.

В феврале 1920 года обком партии поручил члену Феодосийского подпольного горкома рабочему А. С. Цвелеву организовать партизанский отряд. К маю 1920 года в отряде уже было более 50 вооруженных партизан. В районе Ялты с января 1920 года действовал отряд под командованием П. М. Ословского. В марте по решению обкома РКП(б) создается Тавельский партизанский отряд Григория Фирсова. Руководивший с лета 1920 года работой Крымского подполья Закордонный отдел ЦК КП(б) Украины, оценивая деятельность крымских подпольщиков, писал: «По всем данным, до апреля текущего года в Крыму существовала весьма налаженная подпольная организация, развившая весьма интенсивную деятельность: организация насчитывала сотни членов, имела разветвления и связи в воинских частях, во флоте, в военных учреждениях, имела свои отряды с боевыми задачами» [4].

К апрелю — маю 1920 года на полуостров, где проживало около миллиона человек, прибыли десятки тысяч солдат и офицеров разгромленных белых войск. Во многом изменившаяся обстановка требовала от подпольного обкома партии и перемен в тактике борьбы. Состоявшаяся 5—7 мая 1920 года в поселке Коктебель

(Планерское), близ Феодосии, областная партийная конференция сняла вопрос о всекрымском вооруженном восстании. Она определила, что центр тяжести военной работы необходимо перенести из городов в лес и деревню. Туда же из Симферополя должен был перебраться обком партии, чтобы объединить действующие партизанские отряды, пополнить их состав за счет коммунистов и комсомольцев, передовых рабочих и крестьян. На этой основе предполагалось создать Повстанческую партизанскую армию и использовать ее на первом этапе для дезорганизации вражеского тыла, а в последующем — для совместных действий с Красной Армией по освобождению Крыма.

Когда конференция завершала работу, один из делегатов заметил, что по дороге на Коктебель движется белогвардейский отряд. Делегаты перешли на склон горы «Две сестры», но врангелевцы настигли их и там. Завязалась перестрелка. Отстреливаясь от контрразведчиков, 24-летний секретарь Севастопольского горкома партии И. В. Серов ценой собственной жизни помог спастись остальным делегатам. Вскоре стало известно, что участников конференции выдал А. Ахтырский, вражеский агент, пробравшийся в состав подпольного обкома партии. Он же провалил подполье Севастополя, Феодосии, Ялты. В итоге многое теперь приходилось начинать заново.

После Коктебельской конференции обком партии перебрался в расположение Тавельского партизанского отряда. 7 июля 1920 года он обратился к партийным организациям Крыма с письмом, в котором информировал их, что по указанию областного военно-революционного комитета создан главный штаб Повстанческой армии, задачей которого является объединение действий партизанских отрядов. Главнокомандующим Повстанческой армии был утвержден С. Я. Бабахан, начальником штаба Н. Александровский, бывший офицер Генштаба. В городах предполагалось оставить минимальное количество коммунистов, «безусловно необходимых для работы среди населения», а все остальные обязывались уйти в лес.

К июлю 1920 года областному комитету партии, преодолевая немалые трудности, удалось объединить действия разрозненных партизанских отрядов. Были орга-

низованы два повстанческих пехотных полка, началось формирование кавалерийского полка. Полками отряды назывались скорее для того, чтобы ввести в заблуждение врангелевцев. Общая их численность составляла примерно 300 человек. Объединенные силы партизан приняли наименование «Крымской Повстанческой Советской армии». Наряду с проведением боевых операций Повстанческая армия стала базой всей политической и организаторской работы в массах. Отсюда шли руководящие указания оставшимся в городах подпольщикам, сюда стекались информация и люди, нуждавшиеся в инструкциях, помощи и защите. Действия партизан вынудили Врангеля создать специальный штаб для борьбы с ними во главе с генералом Носовичем. В июне — июле врангелевцы дважды пытались провести общее наступление против повстанцев. Партизаны не только сумели вырваться из кольца, но и нанесли врагу урон.

Хотя большевистское подполье было серьезно ослаблено, революционная работа в городах не прекращалась. Несмотря на угрозу военно-полевого суда, не раз бастовали рабочие Севастопольского морского завода, который был единственным крупным военным предприятием, обслуживавшим врангелевский флот и армию. 19 июня подпольщики взорвали в Севастополе транспорт «Дон», доставивший уголь из Феодосии. 4 июля днем в городе взлетели на воздух артиллерийские склады в районе Киленбухты. В июле 19 солдат Керченской крепости поснимали замки со всех орудий и на шлюпках переправились на советский берег Тамани.

Особенно умело действовали подпольщики в авиационных частях белых. 6-й истребительный отряд врангелевцев, укомплектованный лучшими летчиками, получил от союзников очередную партию новеньких «спадов». В разгар тренировочных полетов в воздухе один за другим стали выходить из строя моторы: лопались коленчатые валы, соответственно «подготовленные» мотористами и техниками. Без единого боевого вылета 6-й истребительный отряд перестал существовать. Странные взрывы и пожары в воздухе, поломки самолетов на земле происходили и в Качинской авиашколе. Здесь так и не удалось наладить подготовку новых летчиков. Даже контрреволюционно настроенные инструкторы не

смогли принять участия в боевых действиях — на их машинах обнаруживались все новые и новые дефекты. Рискуя жизнью, диверсии устраивали большевики-мотористы под руководством Ионина. В своих воспоминаниях Врангель вынужден был признать: «С приходом армии в Крым чрезвычайно усилилась работа большевистских агентов»[5].

Для укрепления руководства партизанским движением в Крыму Закордонный отдел ЦК КП(б)У принял решение направить туда группу коммунистов и военных специалистов во главе с одним из организаторов и командиров революционных отрядов черноморских моряков Алексеем Васильевичем Мокроусовым. При участии члена ЦК КП(б)У Ф. Я. Кона и члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта Р. И. Берзина был разработан план переброски группы А. В. Мокроусова в Крым. Предусматривалось отправить ее морем с Кавказского побережья.

13 августа десантная группа на катерах «Витязь» и «Гаджибей» из Анапы направилась к берегам Крыма. В пути вышла из строя машина на «Витязе». Пришлось его брать на буксир и возвращаться в Анапу. 16 августа группа на катере «Гаджибей» вновь вышла в море. На этот раз переход прошел благополучно. Команда ночью высадилась на берегу у Капсихора (Морское, близ Судака). Чтобы скрыть следы десанта, решили «Гаджибей» затопить. Хорошие пловцы, члены группы Сергей Муляренок и Николай Ефимов, раздевшись, отвели катер подальше от берега и там пробили днище. Через несколько дней А. В. Мокроусов с командой прибыл в партизанский штаб, находившийся северо-западнее подножия горы Чатырдаг.

Приняв командование от С. Я. Бабахана, А. В. Мокроусов возглавил Повстанческую армию. С появлением посланцев центра значительно усилилась военная работа, укрепилась дисциплина. Горная часть Крыма, где действовали партизаны, была разделена на три района: 1-й — Феодосия — Судак — Белогорск; 2-й — Белогорск — Судак — Алушта — Севастополь; 3-й — Симферополь — Алушта — Севастополь. Находившиеся здесь отряды сведены в четыре полка: 1-й Феодосийский (командир Г. Кулиш), 2-й Карасубазарский (Т. Надолинский), 3-й Симферопольский (П. Макаров) и Кон-

ный (А. Галько). Из отрядов Повстанческой армии выделили подрывные команды для разрушения железнодорожных путей, предприятий, работающих на врангелевцев. Численность Повстанческой армии возросла до 500 человек.

Оперативность, дерзость, внезапность наносимых ударов удесятеряли силы партизан. В ночь на 1 сентября 3-й Симферопольский полк П. В. Макарова под непосредственным руководством А. В. Мокроусова совершил смелый налет на Бешуйские угольные копи в горной части Бахчисарайского района, которые были единственной базой снабжения углем железных дорог Крыма. Белогвардейская охрана в 60 человек, вооруженная, кроме винтовок, пятью пулеметами, была разогнана, а шахта взорвана захваченным динамитом.

После этой диверсии 3-й Симферопольский полк двинулся на соединение со 2-м Карасубазарским полком, действовавшим в районе Судака. 8 сентября 3-й Симферопольский и 2-й Карасубазарский полки, объединившись, напали на крупный вражеский гарнизон в деревне Сартаны (Алексеевка). Несколько десятков вражеских солдат было уничтожено. В плен к партизанам попал начальник штаба «внутреннего фронта» белых полковник Боржековский.

Врангелевцы, думая, что основные силы партизан находятся в районе Старого Крыма, стянули сюда свои части из окрестных мест, в том числе из Судака. Этим решил воспользоваться А. В. Мокроусов. Утром 12 сентября партизаны, переодетые в белогвардейскую форму, вошли в город. Для противника это оказалось полной неожиданностью. Командир 3-го Симферопольского полка П. В. Макаров вспоминал: «Мы вступили в Судак. Приняв нас за своих, белогвардейцы шумно приветствовали бойцов. Задавали вопросы: «Какая часть?» Но партизаны шли молча. Встречные офицеры козыряли Мокроусову, переодетому в форму полковника генерального штаба, снятую с Боржековского. Из центра города часть 3-го Симферопольского полка двинулась на кордон, чтобы снять находившийся там, согласно показаниям полковника Боржековского, отряд белых. Однако знаменосец полка преждевременно развернул красное знамя, на котором зеленым шелком были вышиты надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

и «3-й повстанческий Симферопольский полк». Я заметил оплошность партизана-знаменосца, но было уже поздно. Белогвардейцы поняли свою ошибку. Отовсюду затрещали выстрелы. Мы под огнем повели наступление на кордон. Белогвардейцы не выдержали натиска и стали отступать. Некоторые из них сели на шлюпки и пытались уйти в море. Но это им не удалось. Они были расстреляны пулеметным и ружейным огнем. Тем временем специальные подразделения грузили подводы с обмундированием и продовольствием из захваченных складов. Энергичная перестрелка длилась около двух часов»[6]. Захватив большое количество оружия, обмундирования, продовольствия, выведя из строя телеграфную и телефонную станции, партизаны отошли в лес.

Налет на Судак настолько встревожил белое командование, что оно, кроме ближайших карательных отрядов, школ юнкеров, перебросило сюда воинские части с фронта. Чтобы не ставить под удар всю Повстанческую армию, А. В. Мокроусов приказал полкам на время рассредоточиться. Но нападения на врангелевские подразделения, группы солдат не прекращались до самого освобождения Крыма.

Боевые дела партизан, отважные действия подпольщиков, выступления трудящихся против белогвардейского режима расшатывали тыл Врангеля, приближали час окончательного его разгрома.

Глава 8

ПЕРЕЛОМ

Мужеством и стойкостью бойцов 13-й армии очевидная угроза Донбассу была устранена, но напряжение не спадало. Обе стороны собирались с силами для нанесения решающего удара по противнику. Таким ударом для себя Врангель считал Заднепровскую операцию, замысел и ход подготовки которой тщательно маскировались. Переброска войск к Днепру велась скрытно, в основном по ночам. Днем все движение на дорогах замирало. В районах Александровска, Никополя сосредоточивалась ударная группировка — 1-й и 3-й армейские и конный корпуса под общим командованием генерала Д. П. Драценко. 2-й армейский корпус генерала В. К. Витковского, усиленный танками, концентрировался на подступах к Каховскому плацдарму. Надежды на военные успехи подогревались сообщениями прессы о признании Врангеля в качестве вождя русской контрреволюции. Направляемые Антантой, из Прибалтики и Румынии, Польши и Китая, стекались в Крым офицеры разбитых белогвардейских армий. О своем подчинении

барону заявил дальневосточный атаман Семенов. О том же свидетельствовала и телеграмма от Бориса Савинкова, осевшего в Польше. Наконец, броненосец «Прованс» доставил в Севастополь французскую миссию во главе с графом де Мартелем. Вручение верительных грамот сопровождалось пышными приемами и балами, уверениями в вечной дружбе и безоговорочной поддержке.

Лихорадочно сколачивали будущее «автономное» правительство Украины. Его предполагаемый глава — председатель так называемого «Украинского национального комитета» Маркотун прибыл из Парижа в Крым. Как подчеркивал Врангель, «мысль о единой России», проводимая Маркотуном, вполне отвечала чаяниям белогвардейской верхушки, и, хотя комитет не имел за собой реальной силы, он вполне мог «быть использован как противовес украинским самостийникам [1]. «Никогда мы не были так близки к победе, как в это время, — сетовал впоследствии в своих мемуарах Врангель. — Если бы в Париже был принят предложенный мной через Струве и генерала Юзефовича план, Россия была бы уже освобождена от большевиков. Я предлагал, чтобы поляки, задержавшись на старых германских укрепленных линиях, в дальнейшем свои операции распространили бы в направлении на Киев. Я в это время форсировал бы Днепр, соединился бы с поляками, и, пользуясь развалом Красной Армии, мы бы быстро пошли вглубь России» [2].

К горькому сожалению Врангеля и его покровителей, правительство Польши было вынуждено сесть за стол мирных переговоров с Советской Россией. Срыв последних также входил в планы барона. Была у Врангеля и затаенная надежда на то, что середняк, обескровленный продразверсткой, отойдет наконец от Советской власти, и это позволит провести новую мобилизацию в армию.

Следует заметить, что при всей авантюрности врангелевского замысла его исполнение было чревато для страны самыми серьезными последствиями: истощением и без того скудных ресурсов, затягиванием войны. Позже Фрунзе откровенно признался В. И. Ленину: «Операция, предпринятая Врангелем, имела очень широкий размах и при удаче грозила нам фактическим уничтожением всех живых сил фронта» [3].

На штабном совещании Фрунзе поделился своими опасениями с командующими армиями:

— Вся логика событий подсказывает, что удачу свою Врангель будет искать за Днепром. Сбросив нас с плацдарма, он обезопасит свой фланг, а перескочив на правый берег, получит возможность устремиться на соединение с Пилсудским. Считаю, что в ближайшие дни неизбежен удар белых по Каховке и Никополю с выходом на Правобережную Украину. Заманчиво было бы опередить, ударить первыми. Но здесь все зависит от сроков прибытия частей, перебрасываемых с других фронтов. А пока все наши усилия должны быть направлены к укреплению обороны, для чего считаю необходимым 2-ю Конную армию немедленно развернуть здесь, — карандаш командующего уперся в карту южнее Никополя, — чтобы парировать в случае необходимости угрозы и со стороны Александровска, и со стороны Каховки. Ни в коем случае не распылять резервы по мелочам. Прибывающие части должны целиком концентрироваться в местах сосредоточения. Пока их артиллерия и прочее табельное имущество следуют в эшелонах, помогайте средствами усиления из резерва армий и фронта. Учтите, к бою они должны быть готовы немедленно.

Штаб фронта завершил в эти дни отработку плана операции по разгрому Врангеля. В соответствии с ним войска фронта должны были окружить и уничтожить основные силы белых в Северной Таврии. Главный удар намечалось нанести с Каховского плацдарма в направлении Перекопа, чтобы отрезать врагу возможность отхода в Крым. Решающая роль в этой операции отводилась 1-й Конной армии, в спешном порядке перебрасываемой с Западного фронта. Еще 3 октября Фрунзе докладывал В. И. Ленину, что переход в общее наступление будет зависеть от времени подхода 1-й Конной. На следующий день в телеграмме Реввоенсовету Конармии Ленин подчеркнул: «Крайне важно изо всех сил ускорить продвижение вашей армии на южфронт. Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими. Телеграфируйте, что именно делаете» [4].

Подстегиваемая из Москвы, едва переведя дыхание после изнурительных боев с белополяками, Конармия в конце сентября начала марш навстречу новому врагу.

Группа воинов 1-й Конной армии.
1920 г.

За три недели предстояло совершить 700-километровый переход в район Берислава, Каховки. Катились по разбитым большакам 300 пулеметных тачанок, привычно покачивались в седлах 15 тысяч бойцов, испытавших все, что только доводится испытать в бою. Двигались налегке, ведя в поводу запасных коней, захваченных в Галиции. Обозы, госпитали — все осталось позади. Замедляли движение лишь многочисленные банды, то и дело пересекавшие путь армии. Приходилось разворачивать эскадроны, пулеметным дождем студить не в меру горячие головы петлюровских сичевиков и «идейных» анархистов. Приказом по армии отвлекать силы на преследование бандитов категорически запрещалось.

Вскоре после начала похода прошла очередная партийная конференция, на которую съехались 300 делегатов от 2,5 тысячи армейских коммунистов. Почти в два раза по сравнению с началом года выросла в 1-й Конной партийная прослойка. И немалая заслуга в этом комиссаров и политруков, сумевших поднять дисциплину, донести до каждого бойца правду о партии, ее целях.

Но и потери велики. Более 800 коммунистов геройски пали в летних боях. Заменить их готовы сотни бойцов. Прием в партию шел и во время сражения, и на переходе. Лежат в комиссарских сумках новые десятки замусоленных, потертых на сгибах листков, в которых одно желание: бить врага коммунистом.

Одна беда: многие заявления написаны рукой политруков. Неграмотных в армии за половину, а среди новичков и того больше. Борьба с неграмотностью — первоочередная задача. Так ставит вопрос партия, так ставит его Реввоенсовет армии. И где, как не на марше, вести эту борьбу. Как и весной, когда армия шла на польский фронт, политотдел распределил по эскадронам походные буквари — фанерные щиты с лямками. Головной всадник надевал щит на спину, а ехавшие за ним под команду грамотных товарищей повторяли хором буквы, складывали слова. И разносилось по округе: «Наше дело — правое», «Да сгинут угнетение и власть капиталистов». Страшная для врага сила шла на юг. Эскадрон за эскадроном, батарея за батареей. 4-я кавдивизия, 6-я, 11-я... Только вперед! Ленин просит об этом. Не хватает фуража — последний сухарь всадники отдают коням. Только вперед.

Поднималась на Врангеля и разоренная войной рабоче-крестьянская Украина. Ленинский призыв к незаможным крестьянам нашел горячий отклик среди сельской бедноты. Состоявшийся в октябре I Всеукраинский съезд незаможных селян призвал трудящихся Украины усилить помощь Южному фронту, добиться скорейшей ликвидации врангелевщины. Под лозунгом «Незаможник, на Врангеля!» развернулось движение по формированию кавалерийских частей. Комнезамы реквизировали у кулаков коней, сбрую и передавали их создававшимся конным отрядам. Только из Екатеринославской, Харьковской и Донецкой губерний прибыло на фронт в качестве пополнения около 3 тысяч незаможников-добровольцев.

Напрягая усилия в борьбе с Врангелем, приходилось постоянно помнить и об угрозе со стороны анархобандитов во главе с Махно, нависавшей с тыла. Часто меняя дислокацию, подвижные махновские отряды на тачанках колесили по тылам Красной Армии, терроризируя население, грабя и чиня расправу над

Буденовцы, принимавшие участие в боях за Крым. 1920 г.

коммунистами и советскими работниками. К лету 1920 года социальная база махновщины значительно сузилась, и его «армия» превратилась фактически в огромную бандитскую шайку, раздираемую к тому же серьезными противоречиями. Этому способствовала аграрная политика партии большевиков, в первую очередь сокращение числа совхозов и закрепленной за ними земли, а также изменение условий сбора продразверстки в пользу бедноты.

С Махно остались в основном кулацкие и деклассированные элементы.

Врангель имел веские основания полагать, что за линией фронта он имеет солидную опору, и был готов заключить союз с Махно для совместной борьбы против большевиков, тем более что некоторые его атаманы (Володин, Чалый, Хмара и др.) перешли в лагерь белых[5]. Были начаты переговоры, однако Махно не решился пойти на открытый союз с белогвардейцами. Впечатляли успехи советских войск, да и политические соображения заставляли осторожничать. Барон возвращал помещичьи и монастырские земли прежним владельцам, чем весьма задевал интересы кулацкой верхушки, на которую опирались махновцы. Кроме того, на юге Украины накапливались крупные силы Красной Армии. Продолжение открытой борьбы с ней могло привести к полному разгрому махновщины. Эти обстоятельства и заставили Махно, находившегося в Старобельске, обратиться в конце сентября к советскому командованию с предложением о совместных действиях против Врангеля.

Предыдущий опыт свидетельствовал, что Махно ненадежный и, более того, вероломный союзник, однако его предложение было принято. Махновцы имели тогда 10—12 тысяч бойцов, и соглашение с ними укрепляло тыл Красной Армии в момент решающего наступления на Южном фронте. Переговоры командования фронта с представителями махновцев во главе с Д. Поповым и В. Куриленко в Харькове продолжались несколько дней. Махновские делегаты то выдвигали непомерные требования, то всячески юлили, стремясь извлечь побольше выгод для себя и максимально ограничить свое участие в предстоящих боях. Особенно развязно вел себя Попов, бывший начальник отряда ВЧК, примкнувший в июле

1918 года к мятежу левых эсеров и после его разгрома бежавший к Махно. Как вспоминал один из участников переговоров, «после каждой встречи с Поповым Фрунзе становился взволнованным и обязательно мыл руки»

В конечном счете выдержка и настойчивость членов советской делегации позволили добиться приемлемых результатов. В начале октября было подписано соглашение, в соответствии с которым «повстанческая армия» Махно обязалась вместе с Красной Армией вести борьбу против контрреволюции. Она включалась в состав вооруженных сил Советской Республики и должна была подчиняться оперативным приказам командования Южного фронта. Районом действий махновцев определялся тыл Врангеля. Политическая часть соглашения предусматривала отказ Махно от борьбы против Советской власти и прекращение агитации среди крестьян. Докладывая В. И. Ленину 6 октября о положении на фронте, М. В. Фрунзе отметил, что «с Махно вопрос кончен в смысле соглашения, с 12 октября можно его направлять на фронт» [7].

Касаясь итогов переговоров, В. И. Ленин в докладе на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября 1920 года говорил, что вопрос о Махно обсуждался в военных кругах весьма серьезно, и выяснилось, что ничего, кроме выигрыша, здесь ожидать нельзя. «Объясняется это тем, что элементы, группировавшиеся около Махно, уже испытали на себе режим Врангеля, и то, что он им может дать, их не удовлетворило... Здесь получилась такая же картина, как с Деникиным и Колчаком: как только они затронули интересы кулаков и крестьянства вообще, последние переходили на нашу сторону» [8].

По приказу командования фронта махновцы прорвались в тыл врангелевцев, снова заняли район Гуляй-Поля, а позднее силами двухтысячного отряда Каретникова приняли участие в Перекопско-Чонгарской операции. Однако поворот к союзу с Советской властью в политике анархо-махновцев не был продолжительным. Уже по пути следования к линии фронта они нарушали дисциплину, вели антисоветскую агитацию среди крестьян и красноармейцев, провоцировали беспорядки, что побуждало военные и гражданские власти относиться к мах-

новским формированиям с настороженностью и недоверием, углублявшимися по мере развития событий *.

Но так или иначе, бандитизм во фронтовом тылу поутих, и на коммуникациях установилась относительная тишина. Однако темпы сосредоточения войск настроения не поднимали. Разруха на транспорте путала все карты. Эшелоны с войсками и грузами шли медленно. Когда первые полки перебрасываемой из Сибири 30-й стрелковой дивизии выгружались в конце сентября в районе Павлограда, основные силы соединения только подходили к Москве, а артиллерия и тылы застряли где-то за Волгой. Разрушенные мосты, поврежденный путь, нехватка паровозов и топлива для них заставляли отвлекать тысячи людей на ремонт полотна, восстановление мостов, заготовку дров. А время бежало неумолимо. Не переставали волновать и темпы продвижения 1-й Конной армии. И хотя пунктуальный начальник штаба каждые сутки отмечал ее местонахождение на карте, становилось очевидным, что, несмотря на все усилия, прибытие армии на фронт реально лишь к концу октября. А без нее ударного кулака под Каховкой не получалось.

Фрунзе понимал, что Врангелю удалось опередить советское командование и первый удар снова останется за ним. В прочной обороне — ключ к победе, писали в те дни армейские газеты. Выстоять и, отразив натиск, создать предпосылки для контрудара — на это ориентировал штаб фронта командиров частей. Особой заботой Фрунзе оставался Каховский плацдарм. Нависая над левым флангом Врангеля, он создавал постоянную угрозу вражеским коммуникациям.

Вызванные в Харьков командарм-6 К. А. Авксентьевский и В. К. Блюхер подробно доложили о ходе работ

* После разгрома Врангеля махновское командование отказалось выполнить приказ о переформировании своих отрядов в части регулярной армии и передислокации их на Кавказский фронт. 26 ноября начались операции по ликвидации банд. Войска Южного фронта окружили и рассеяли крымскую группу махновцев, были блокированы и основные их силы во главе с Махно в Гуляй-Поле. Однако самому Махно с небольшим отрядом удалось вырваться из кольца. В 1921 году основные очаги анархистской контрреволюции на Украине были ликвидированы. Потеряв поддержку крестьян, лишившись сподвижников, преследуемый по пятам, Махно в конце августа 1921 года бежал в Румынию.

по укреплению плацдарма. Сделано было немало. После августовских боев под руководством военного инженера Д. М. Карбышева, о котором Блюхер отозвался в превосходных степенях, силами войск и населения оборона плацдарма, включавшая в себя разветвленную систему проволочных и минных заграждений, противотанковые рвы, пулеметные гнезда, несколько линий окопов с ходами сообщения, была еще более усилена.

— Вся полоса обороны глубиной до 15 километров, — докладывал Блюхер, — состоит из нескольких линий — узлов сопротивления, имеющих между собой огневую и живую связь. За первой линией для парирования отдельных прорывов противника оборудован ряд ротных опорных пунктов, имеющих специальную задачу — зажать в тиски врага, прорвавшегося на том или ином участке. Для борьбы с танками и броневиками выделили специальные орудия, которые должны поражать их прямой наводкой. Вчера закончили пристрелку всех пулеметов по секторам обстрела. Для повышения плотности огня необходимо перебросить на плацдарм один пулеметный батальон из резерва фронта. Настроение у бойцов одно — разбить Врангеля. Белых встретим как подобает.

— От имени Реввоенсовета фронта объявите Карбышеву благодарность. Его талант еще послужит Республике. Завтра вам дополнительно будет передана ударно-огневая бригада. В ее составе огнеметные роты, 160 пулеметов. Сила большая, и надо ею как следует распорядиться. Особое внимание разведке, прежде всего авиационной. Кстати, как помогают вам летчики? — поинтересовался Фрунзе.

— Правобережная авиагруппа Павлова хорошо проявила себя в августе—сентябре. Сейчас охраняет переправы через Днепр. На разведку вылетают ежедневно. Думаю, противника не проморгаем.

Вернувшись в Каховку, Блюхер собрал командиров частей. Гулом одобрения было встречено сообщение о передаче ударно-огневой бригады. Сошлись на том, что огнеметчики разместятся в боевых порядках пехоты на танкоопасных направлениях.

— Как с политработой? — спросил Блюхер у комиссара дивизии.

— Весь политсостав на передовой разъясняет бой-

цам суть текущего момента и приемы борьбы с танками.

Для выяснения обстановки было решено провести рейд в ближайший тыл противника. Дерзкий замысел, рассчитанный на внезапность, увенчался успехом. На рассвете 4 октября кавалерийский полк под командованием А. К. Юшкевича, совершив скрытный марш, произвел налет на деревню Дмитриевку. В результате налета был окружен батальон Самурского полка белых. Основная масса солдат, захваченных врасплох, сложила оружие. Допрос пленных показал, что наступление врага начнется в ближайшие дни. Эти сведения подтвердили и летчики. Вылетавшие на разведку В. Вишняков и К. Скаубит обнаружили в районах Черной долины и Зеленого Пода замаскированные танки и бронемашины.

5 октября Врангель отдал приказ о начале операции. Первым идти через Днепр предстояло 1-му армейскому корпусу. Напутствовать его прибыл сам командующий. Вместе с генералом Драценко Врангель осмотрел район переправы. Вдоль реки стояла тишина. Предзакатное солнце золотило правый берег. Саперы заканчивали вязать плоты для орудий и лошадей. Готовые к переправе лодки покачивались в плавнях, невидимые постороннему глазу. Батареи орудийной поддержки занимали позиции за селом. Офицеры собрались в доме священника. Врангель был торжественно краток: «Вам, господа, вверяется судьба всей операции. Думаю, что корниловцы, марковцы, дроздовцы, все ветераны ледяного похода не посрамят памяти тех, чьи имена носят...» Вечером во всех полках прошли молебны о даровании победы.

На следующее утро передовые батальоны Марковской пехотной дивизии, усиленные добровольцами, под прикрытием артиллерийского огня форсировали Днепр и, отбросив от берега части 3-й стрелковой дивизии (начдив А. Д. Козицкий), захватили плацдарм в районе острова Хортица. Под ударами превосходящих сил противника, потеряв более половины бойцов, остатки красных отступили от реки. 8 октября по наведенным переправам на правый берег вышли Корниловская пехотная и Кубанская кавалерийская дивизии, а затем и вся конная группа генерала Н. Г. Бабиева. Прикрывшись Марковской дивизией с севера и Дроздовской с востока, они начали продвижение на юго-запад к Никополю. В ночь

Председатель ВЦИК М. И. Калинин проводит смотр частей 1-й Конной армии. Октябрь 1920 г.

на 9 октября через Днепр в районе Никополя переправились 3-й армейский и конный корпуса белых, насчитывавшие в своем составе более 2,5 тысячи штыков и 3,5 тысячи сабель [9]. Наступая с юга на Апостолово, Никополь, они обрушились на 2-ю Конную армию. И хотя направление врангелевских ударов было определено правильно и части прикрытия успели занять отведенные позиции, натиск был столь силен, что выдержать его не удалось. Сказалось и превосходство белых в боевой выучке конницы.

На Правобережье завязались ожесточенные бои, в ходе которых ударным группировкам противника удалось соединиться под Никополем, 11 октября взять его и устремиться на северо-запад. Подвижная кавалерийская группа генерала Бабиева грозно нависла над тылами Южного фронта. Врангель полагал, что основная цель операции достигнута: его конница вырвалась на оперативный простор, красные отходят, а позади у них, по данным разведки, нет серьезных резервов. Оставалось лишь ликвидировать Каховский плацдарм, и тогда дорога к Пилсудскому будет открыта. Теперь многое зависит от союзников. В беседе с главой французской миссии Врангель недвусмысленно дал понять, что помощь Антанты могла бы в гораздо больших размерах соответствовать усилиям, прилагаемым «Русской ар-

мией» для спасения цивилизации от большевистской угрозы. Впору было обидеться на этот намек — Врангель и месяца не смог бы просуществовать без поддержки союзников, однако де Мартель обещал, что поставки оружия и снаряжения будут увеличены.

Первые же донесения о форсировании белыми Днепра повлекли за собой ряд решительных контрмер со стороны командования Южного фронта. Соратники Фрунзе отмечали, что в эти дни он действовал с величайшей энергией и уверенностью. Основная тяжесть борьбы с прорвавшимся противником выпала на долю 2-й Конной армии под командованием Ф. К. Миронова. В приказе, направленном ему, Фрунзе подчеркнул, что, «невзирая ни на какие изменения в обстановке в районе Апостолова, Никополь, Александровск, нами не может быть допущен разгром левого фланга 6-й армии и отход ее с линии р. Днепр и, в частности, с Каховского плацдарма. 2-я Конармия должна выполнить свою задачу до конца, хотя бы ценою самопожертвования»[10]. Чувствовалось, что Миронов нервничал, хотя действовал твердо. Хорошо понимая состояние военачальника, всего месяц назад возглавившего армию, Фрунзе в разговоре по прямому проводу подчеркнул, что на нем лично «лежит самая ответственная задача, от быстроты и энергии выполнения которой зависит вся судьба решающей операции. Сильным и энергичным ударом все, что переправилось, должно быть смято и уничтожено»[11]. Ощущая поддержку командующего, Миронов умело руководил войсками, что во многом предопределило успех фронта.

6-я армия своим левым, а 13-я правым флангами должны были помочь 2-й Конной ликвидировать занятый врангелевцами плацдарм и отбросить их за Днепр. После короткого совещания в штабе фронта было решено снять с Каховского плацдарма 15-ю, 52-ю и Латышскую стрелковые дивизии и спешно перебросить их в район Никополя на подкрепление Миронова.

— На плацдарме останутся только 51-я дивизия и 44-я бригада 15-й стрелковой. Не оголим ли мы каховский участок? — начальник штаба Паука вопросительно взглянул на командующего.

— Оборона у Блюхера организована отлично и способна выдержать любой натиск. Он из тех командиров, для которых численность войск не имеет решающего зна-

чения. Маневр огнем, концентрация сил на главных направлениях, правильное определение уязвимых мест в боевых порядках врага — в этом, как я убедился, основа его успехов. Да и бойцы у него сродни командиру. Поэтому задача Блюхера остается прежней — ни шагу назад.

Собирая в кулак отходящие дивизии, Миронов бросил навстречу противнику последний резерв армии — отдельную кавбригаду. Прямо с марша вступили в бой 15-я и 52-я стрелковые дивизии. Авиация фронта получила приказ усилить атаки противника с воздуха. Несмотря на изношенность материальной части и непогоду, летчики поднимались с раскисших аэродромов, бомбя и обстреливая колонны белых. В общей сложности ими было совершено более тысячи боевых вылетов. Среди особо отличившихся фигурировали хорошо известные на фронте Г. Киш, К. Скаубит, Н. Васильченко. Немалая заслуга в успешных действиях авиации фронта принадлежала ее начальнику В. Ю. Юнгмейстеру. В 1904 году Василий Юнгмейстер вступил в большевистскую партию. В 17 лет его арестовали за участие в боевой рабочей дружине. Дважды бежал из ссылки. По заданию партии поступил в Гатчинскую авиашколу. В 1915 году, окончив ее, стал летчиком. Два года провел на фронте, много летал, приобрел немалый боевой опыт. После победы Октября стал одним из организаторов советской военной авиации. Командовал авиацией Западного, Северного, Туркестанского фронтов. За мужество в воздушных боях и умелое руководство авиачастями был награжден орденом Красного Знамени.

Для нанесения удара по Марковской дивизии с северо-востока была образована Екатеринославская группа войск 13-й армии под командованием И. Ф. Федько. Вступив в командование, Федько решительно атаковал марковцев в районе Александровска и вынудил их перейти к обороне. Геройски сражалась недавно сформированная кавалерийская бригада П. Н. Кицука.

12 октября продвижение белых было остановлено на всех участках. Напрасно Драценко гнал конницу Барбовича вперед. Красные не уступали, атаки захлебывались. Перегруппировавшись, части 2-й Конной армии при поддержке 15-й и 52-й дивизий 6-й армии и группы Федько нанесли мощный удар во фланг 1-му армейско-

му корпусу белых в районе станций Шолохово, Ток, Томаковка. Командующий белогвардейской конницей генерал Бабиев был убит осколком снаряда. Наращивая силу удара, 21-я кавалерийская дивизия освободила станцию Шолохово. Особую доблесть в этом бою проявил комбриг В. Я. Качалов, удостоенный впоследствии ордена Красного Знамени.

Отлично проявила себя и 2-я кавалерийская дивизия под командованием И. А. Рожкова, сумевшая внести перелом в боевые действия. Реввоенсовет 2-й Конной армии просил командование фронта «срочно наградить начальника 2-й кавдивизии И. А. Рожкова орденом Красного Знамени за искусное и непосредственное руководство с опасностью для жизни боями, за то, что 14 октября при личном его участии в атаке у села Грушевка дивизией было сломлено упорство пехоты противника и положено начало паническому отходу белых, бросивших орудия, пулеметы и прочую добычу»[12]. 30 октября И. А. Рожков погибнет в бою под Большой Белозеркой.

В развернувшемся 13 октября встречном сражении советская конница расчленила корпус Барбовича и вышла к Днепру. Противник, опасаясь окружения, оставил Никополь и устремился к реке. Извещая командование фронта об этом успехе, Реввоенсовет 2-й Конной армии докладывал: «Правый берег Днепра и Каховский плацдарм спасены. Конный корпус Барбовича, поддерживаемый 6-й и 7-й пехотными дивизиями, разгромлен. После семичасового упорного боя противник в беспорядке бежал к переправе у села Бабино, преследуемый красной конницей... Смоленский и Алексеевский пехотные полки уничтожены целиком, много пленных»[13]. Уловив надлом в действиях противника, группа Федько нанесла поражение Марковской дивизии и на ее плечах пробилась к берегу.

В мемуарах Врангеля события этого дня предстают цепью фатальных неудач. «Смятение овладело полками. Части на рысях стали отходить к переправам. Ободрившийся противник перешел в наступление. Смятение в рядах расстроенной конницы увеличилось. Восстановить порядок было невозможно. Все устремились к переправам. На узких лесных дорогах, в плавнях смешались отходившие конные и пехотные части... Потрясенный всем виденным, растерявшийся генерал Драценко отдал

приказ об отходе всей армии на правый берег Днепра»[14].

Стремясь спасти положение и прикрыть отход десанта, Врангель отдал приказ о штурме Каховского плацдарма в лоб. Это было, пожалуй, первое сражение в ходе гражданской войны, когда белогвардейцы сделали ставку на сокрушительный удар с помощью нового оружия, ранее не находившего широкого применения. Виной тому не предубеждение или консерватизм, хотя и без них не обходилось, — нет, танков, а именно о них речь, не хватало. Стоили они дорого, доставка также была нелегким делом, не говоря уже о трудностях боевого использования и технического обслуживания. Бросая практически все свои бронесилы на Каховку, врангелевцы шли ва-банк, рассчитывая, что один вид танков, да еще в таком количестве, вызовет панику среди обороняющихся.

Едва рассвело 14 октября, части 2-го армейского корпуса генерала В. К. Витковского (6 тысяч штыков, до 700 сабель) при поддержке 12 танков, 14 бронемашин и 80 орудий обрушились на боевые порядки защитников плацдарма. Атаке предшествовала двухчасовая артиллерийская подготовка. Тяжелые снаряды разметали проволочные заграждения, перепахали часть окопов первой линии, но не смогли поразить опорные пункты обороны. Усилия Карбышева и его саперов не пропали даром. Когда улеглась вздыбленная взрывами земля, красноармейцы увидели наползавшие на окопы стальные громады длиной в десять, а высотой более двух метров, вооруженные 2 орудиями и 5 пулеметами. Большинство красноармейцев действительно видели танки впервые. Но, по воспоминаниям участников боев, многое было сделано, чтобы научить бойцов бороться с танками, и это дало свои плоды.

По приказу Блюхера защитники внешней линии обороны пропустили танки, а затем мощным ружейно-пулеметным огнем отсекли пехоту. На участке ударно-огневой бригады белым удалось прорваться через проволочные заграждения и вплотную приблизиться к окопам. Но в это время огнеметчики обрушили на врага ливень огня. Ошеломленный враг отступил. Особенно отличился 3-й легкий артдивизион, которым командовал Л. А. Говоров. «И вот неожиданно в предрассветной мгле мы

увидели ползущие танки, — вспоминал Говоров, — их была целая эскадра — 7 чудовищ. На моем участке их было два. Пользуясь мглой, одному из них удалось прорвать проволоку и перелезть через окопы, но здесь он нарвался на батарею и, будучи поврежден ее огнем, повернул и начал уходить, но второй меткий снаряд повредил его. Видно было, как высыпала команда и принялась за исправление, но следующая очередь шрапнели расшвыряла их по сторонам. Второй — не успел дойти до окопов, метким снарядом был взорван его бензиновый бак. Танк, объятый пламенем, остановился» [15].

Не менее ожесточенная борьба шла с прорвавшимися танками. «Наши бойцы, — писал военком 459-го полка К. Ф. Телегин, — оказались выше всякой похвалы. Они забрасывали танки гранатами, лезли на броню, стреляли в амбразуры. Не помогли врагу и два десятка аэропланов, черными воронами круживших над нашими позициями» [16]. К 11 часам белые потеряли семь танков. Витковский бросил в бой еще четыре. Атаки следовали одна за другой, но, отойдя за вторую полосу обороны, дивизия держалась стойко. 19-летний комсомолец, командир пулеметного взвода Николай Шаньгин был тяжело ранен в правую руку. Однако, увидев, что вражеским снарядом уничтожен расчет одного из пулеметов, он лег за гашетки и, действуя левой рукой, продолжал стрелять. Лишь когда атака была отбита и противник отступил, пулеметчики отправили в лазарет своего ослабевшего командира. Бесстрашно действовал в бою политрук 1-й роты 459-го полка Матвей Усачев. Когда из строя выбыли все командиры взводов, Усачев возглавил один из них, и бойцы успешно отбили атаку. Спустя час был ранен командир роты Дмитрий Лощилов. Усачев занял его место и лично повел роту в контратаку.

До самого вечера бой шел с переменным успехом, но никто не хотел уступать. В директиве армиям фронта, направленной в войска вечером 14 октября, Фрунзе отмечал: «Сегодня с утра противник перешел в наступление на Каховский плацдарм. В результате упорных боев наши части были вынуждены оставить внешнюю линию обороны плацдарма. Все дальнейшие атаки противника отбиты, причем последний понес большие потери живой силой, и впереди нашего расположения

подбито семь танков и много бронемашин. Бои в районе Грушевки продолжаются. В районе Александровска нами совершенно уничтожен 3 Марковский полк. Наши части ведут наступление на Нижнюю Хортицу»[17]. Далее в директиве частям 6-й армии ставилась задача подтянуть резервы и перейти в наступление с Каховского плацдарма. Правобережной группе 13-й армии после разгрома противника на александровских переправах предлагалось немедленно бросить все силы на Никополь и в тыл грушевской группы.

С рассветом 15 октября бои возобновились вдоль всей линии фронта. Самолеты противника пытались бомбить наши войска, но советские летчики отбили все их атаки. Для наблюдения за полем сражения белые подняли над Британами аэростат. На его уничтожение вылетела группа из пяти самолетов во главе с К. Скаубитом. Пулеметным огнем летчики вынудили аэростат совершить посадку, а затем забросали его бомбами. Врангелевцы вновь атаковали Каховский плацдарм, но, встреченные дружным огнем, дрогнули. Воины 51-й стрелковой дивизии тут же перешли в контратаку и вернули свои исходные позиции на внешнем поясе обороны. Отброшенный в степь на 10—15 километров, потеряв 10 танков, 5 бронемашин, 70 пулеметов и более 500 человек пленными, Витковский отчаялся наступать и предпочел позаботиться об обороне. Немалые потери понесли и защитники плацдарма. В отдельных полках они достигли половины личного состава, а среди командиров доходили до 80 процентов.

Немалую помощь войскам фронта в эти дни оказала 5-я Кубанская кавалерийская дивизия под командованием Я. Ф. Балахонова. В ночь на 14 октября она скрытно прошла через линию фронта в районе Бердянска и двинулась по тылам 3-го Донского корпуса белых, уничтожая склады, базы снабжения и гарнизоны противника. Залогом успеха явились детальная отработка плана операции и стремительность, с которой она проводилась. Дивизия успешно атаковала Большой Токмак, едва не захватив в плен донского атамана Богаевского. В результате рейда врангелевское командование не только не смогло направить для участия в Заднепровской операции войска из района Мелитополя, но и вынуждено было бросить против дивизии Балахонова 1-ю и 2-ю Дон-

ские кавалерийские дивизии. «Блестящий рейд 5-й кавдивизии, — говорилось в приказе Фрунзе, — займет одно из первых мест в истории красной конницы. Кроме огромного боевого значения, этот лихой набег доказал, что для красной конницы нет преград, что от ее сабли нет спасения и в глубоком тылу». За этот героический рейд и отличия в последующих боях Я. Ф. Балахонов был награжден вторым орденом Красного Знамени, а 5-я кавалерийская дивизия удостоилась Почетного Красного знамени ВЦИК.

Имя Якова Балахонова давно наводило ужас на врага. Несмотря на молодость, он справедливо считался одним из лучших кавалерийских начальников Красной Армии. Сын рабочего, он сам с 12 лет трудился в колесной мастерской. В годы мировой войны по мобилизации он попадает на Кавказский фронт, где быстро приобретает славу бесстрашного разведчика. По окончании Тифлисской школы прапорщиков в 1917 году командует ротой. Революцию Балахонов принял всем сердцем. Организовав в начале 1918 года 2-й Кубанский революционный отряд, вел бои с контрреволюцией на Северном Кавказе. Летом 1919 года Балахонов назначается командиром кавалерийской бригады. Кавалеристы-балахоновцы совершают успешные рейды по белогвардейским тылам южнее Воронежа, громят конницу Мамонтова и Шкуро, сражаются за Ростов. В начале 1920 года боевые заслуги Балахонова были отмечены орденом Красного Знамени. Бригада Балахонова участвует в освобождении Кубани, разгроме улагаевского десанта, и всюду трезвый расчет в сочетании с дерзостью и решительностью обеспечивают ей успех. В начале сентября 1920 года приказом главкома Я. Балахонов назначается начальником 5-й Кубанской кавалерийской дивизии, во главе которой участвует в разгроме Врангеля.

Тем временем Заднепровская операция Врангеля завершалась полным провалом. Смятые стремительными ударами с фронта и флангов, белые, преследуемые по пятам, узкими дорогами в плавнях катились к переправам. Свидетельства очевидцев воссоздают отчаянную картину бегства. «Войска отступали в паническом беспорядке. Командиры частей растерялись, распорядительности не было никакой... Каждую минуту нужно было

ожидать, что следовавшая по пятам кавалерия противника бросится в атаку. Делается последняя попытка предупредить эту атаку. Красные и белые кавалеристы выхватывают шашки и уже бросаются друг на друга, но... в последний момент белые не выдерживают и бросаются обратно. За ними несется конница противника. Жуткий момент, особенно для пехоты. Целыми ротами, бросая винтовки, поднимая руки вверх, пехотинцы сдаются в плен. Большевики продолжают преследовать и рубить в панике бегущих солдат... Люди неудержимо рвались к Днепру, бросая загнанных лошадей, поломанные экипажи, орудия, пулеметы. Конница топтала пехоту. Пехота, прорываясь к переправам, старалась оттеснить конницу. А красные резали тылы» [18]. К вечеру 15 октября остатки 2-й армии закончили переправу. Понтонный мост был разведен и подтянут к левому берегу реки.

Поражение было полным. «Заднепровская трагедия, о которой было запрещено сообщать в газетах, окончательно подорвала в войсках доверие к командованию, — отмечал журналист. — Все чувствовали, что последняя ставка бита. Наступившее на северо-западном участке фронта затишье расценивалось как затишье перед бурей» [19].

Особенно тяжелый урон понесла белая конница, лучшие части которой были обескровлены. Подводя итоги операции, Фрунзе отмечал: «По-видимому, Врангелем была допущена известная переоценка своих успехов... Удар этот мог быть предпринят лишь при наличии абсолютной уверенности в том, что никакой серьезной опасности ни с севера, ни с востока не угрожает. Это оказалось неверным, и в результате бои на правом берегу Днепра 8—14 октября в районе Кичкас—Никополь — станция Ток—Грушевка кончились полным поражением Врангеля.

Именно в этот момент определилось стратегическое крушение Врангеля» [20].

Главное командование Красной Армии высоко оценило действия войск фронта. В телеграмме С. С. Каменева и Э. М. Склянского отмечалось, что «2-я Конная армия, руководимая своим доблестным командиром т. Мироновым, в боях 13—16 октября западнее Никополя разбила лучшие конные части Врангеля — конкор-

пус Барбовича и этим ударом создала перелом во врангелевском наступлении на правом берегу Днепра»[21].

Восхищение вызывали и героические действия 51-й стрелковой дивизии на Каховском плацдарме. Московский Совет взял над ней шефство и прислал приветствие красноармейцам. 20 октября на плацдарм прибыли шефы — представители столицы. Они привезли бойцам подарки и вручили им Красное знамя с надписью «Уничтожь Врангеля». На митинге Блюхер от имени воинов поклялся, что дивизия оправдает доверие трудящихся Москвы. Побывав в полках, москвичи телеграфировали В. И. Ленину: «Сегодня с командармом Авксентьевским и командующим плацдармом Блюхером осмотрели Каховский плацдарм. Приняли парад... видели отбитые танки Врангеля. Один из крупнейших уже исправлен и работает, получив имя «Москвич-пролетарий». Части представились в блестящем боевом порядке, выдержке»[22].

Приходилось лишь изумляться, в каких условиях обеспечивались эти выдержка и порядок. Как вспоминал комиссар одного из полков, к середине октября в дивизии «почти половина бойцов не имела шинелей и теплого обмундирования. 40 процентов людей было в рваной обуви. Первая же ночевка в степи дала о себе знать — красноармейцы мерзли, участились простудные заболевания. Тяжело было смотреть на посиневшие лица славных боевых товарищей... но помочь им, кроме честного и прямого партийного слова, было нечем. И мы объясняли бойцам, что страна разорена до предела, что рабочие идут на крайние жертвы, отдают все, что могут, чтобы только как-то обеспечить свою армию... Рассказывали о призыве товарища Ленина, обращенном к нам, бойцам: вытерпеть, вынести последние лишения, разгромить Врангеля, и тогда все пойдет к лучшему. И бойцы загорались еще большим желанием идти скорее на штурм»[23].

Крах Заднепровской операции ускорил ратификацию польским сеймом перемирия с Советской Россией. Врангель мог рассчитывать теперь только на свои силы, а они были весьма ограничены. Сберегая их, он впервые после выхода из Крыма отказался от инициативы и перешел к обороне на всем фронте — от устья Днепра до Ногайска. Тем самым создались благоприятные условия

для перехода в наступление в целях полного разгрома противника в Северной Таврии и освобождения Крыма.

Докладывая В. И. Ленину об исходе боев в Приднепровье, Фрунзе и Гусев 15 октября писали: «...наши войска удар выдержали и, перейдя в контрнаступление, отбросили противника на исходные позиции... Эта неудача, несомненно, является началом крушения Врангеля»[24]. Никоим образом не умаляя успехов фронта, Ленин в то же время счел необходимым предостеречь Реввоенсовет от шапкозакидательских настроений. В ответной телеграмме от 16 октября говорилось: «Получив Гусева и Вашу восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма. Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма. Ленин»[25]. Фрунзе понимал, что Ленин, как никто другой, озабочен тем, чтобы быстрее завершить войну, и старается предусмотреть все, что может привести к неудаче. «Зимней кампании не допустить ни в коем случае» — этого Фрунзе не забывал никогда.

Теперь предстояло главное — завершить разгром противника. Первые дни после бегства белых за Днепр казалось, что их части безостановочно откатятся в Крым — под защиту перекопских и чонгарских укреплений. Однако вскоре стало очевидным, что белые укрепляют оборону вдоль Днепра и на мелитопольском участке, собираясь дать бой в Северной Таврии. Вопрос о дальнейших действиях обсуждался на совещании в штабе Врангеля еще 14 октября под руководством самого барона и при участии начальника штаба генерала П. Н. Шатилова, генералов А. П. Кутепова, Ф. Ф. Абрамова, а также глав военных миссий стран Антанты. Несмотря на колебания Шатилова, опасающегося уничтожения основных сил «Русской армии», большинство участников при самом активном нажиме со стороны представителей западных держав склонилось к решению бой в Северной Таврии принять. «Отход в Крым за перешейки, — отмечал Врангель, — не только обрекал нас на голод и лишения, но, являясь признанием невозможности продолжать активную борьбу, создавал угрозу лишения нас в дальнейшем всякой помощи со сто-

роны Франции. Засев в Крыму, мы перестали бы представлять угрозу советскому правительству и тем самым теряли всякий интерес в глазах западных стран»[26]. Исходя из этого, предполагалось немедленно перегруппировать войска, упорной обороной отразить контрнаступление красных, а затем ударами во фланг из района Верхних и Нижних Серогоз нанести им поражение, создавая тем самым условия для продолжения борьбы. И лишь при неудаче намечалось отступить в Крым и обороной на перешейках не допустить прорыва красных на полуостров. Таким образом, план предусматривал ведение активной обороны с нанесением мощных контрударов. Однако его реализация затруднялась отсутствием достаточных сил и средств.

Тем не менее Врангель осуществил новую реорганизацию своих войск, потрепанных в октябрьских боях. 1-й и 2-й армейские корпуса образовали 1-ю армию, командование которой сохранил Кутепов. Армия занимала позиции от устья Днепра до Балки. В районе Балки, где, по мнению врангелевского штаба, ожидался главный удар войск Южного фронта, концентрировался наиболее боеспособный 1-й армейский корпус.

В состав 2-й армии, командование которой принял генерал Абрамов, сменивший смещенного за поражение в Заднепровской операции Драценко, вошли 3-й армейский и 3-й Донской корпуса. В оперативном резерве в районе Нижние Серогозы, Калга находился конный корпус генерала И. Г. Барбовича, у Геническа — группа генерала Канцерова.

Всего к 27 октября у белых в Северной Таврии имелось 8 пехотных, 6 кавалерийских дивизий и кавбригада, насчитывавших 20,8 тысяч штыков и 17,3 тысячи сабель, 249 орудий, около 1 тысячи пулеметов, 45 танков и бронемашин, 32 самолета[27]. Кроме того, в Крыму находились пехотная дивизия и отдельные казачьи части, несколько запасных полков и военно-учебные заведения общей численностью до 16 тысяч штыков и 2 тысяч сабель.

В ставке барона продолжали тешить себя иллюзиями. А вдруг судьба вознесет вновь, подарит шанс. Вспышку новых надежд породило предложение петлюровцев о заключении военно-политического соглашения, переданное послом петлюровского «правительства» в

Кавалеристы 1-й Конной армии на параде. 1920 г.

Румынии бывшему царскому послу Поклевскому-Козеллу. Несмотря на подписание мира с Польшей, петлюровские буржуазные националисты удерживали фронт на Подолии и обещали начать наступление от Могилева—Подольска на Винницу, дабы помочь «Русской армии». Подобно утопающему, Врангель ухватился за протянутую соломинку. Он выставил лишь одно условие — признание петлюровцами его власти «над всеми вооруженными силами и обеспечение общегосударственных интересов». Однако, несмотря на обретение новоявленного партнера, судьба как белогвардейской, так и петлюровской контрреволюции была предрешена.

В середине октября Главное командование Красной Армии и штаб Южного фронта завершили планирование контрнаступления в Северной Таврии. 12 октября главком С. С. Каменев представил В. И. Ленину доклад, в котором излагался план разгрома Врангеля. В нем отмечалось, что условия, в которых заключается мир с правящими кругами Польши, не содержат гарантии его прочности, и поэтому возможно возобновление боевых действий на Западном фронте. Исходя из этого, главком рассматривал два варианта развития событий: либо усиление войск на польском фронте, что неизбежно откладывало ликвидацию врангелевщины, либо всемерное усиление Южного фронта и разгром Врангеля до того, как польская реакция соберется с силами. Осуществле-

ние второго варианта было связано с известным риском, однако С. С. Каменев полагал, что именно его следует принять. В. И. Ленин согласился с выводами главкома и предложил начать переброску войск с Западного фронта немедленно, не дожидаясь подписания мирного договора с Польшей. Хорошо представляя состояние Польши, Владимир Ильич считал, что в нынешнем положении она к продолжению войны не готова и эту ситуацию следует незамедлительно использовать.

Одобренный Политбюро ЦК РКП(б) план вступил в действие. Учитывая идущие из разных районов страны пополнения, командование Южного фронта провело перегруппировку войск. 22 октября была создана новая, 4-я армия. Ее командующим был назначен В. С. Лазаревич. На базе 5-й и 9-й кавалерийских дивизий был сформирован 3-й конный корпус под командованием Н. Д. Каширина. Добросовестного, но инертного К. А. Авксентьевского на посту командующего 6-й армией сменил волевой и решительный А. И. Корк. 15 октября Фрунзе доложил Ленину, что переход в общее наступление возможен не ранее чем через неделю. Железнодорожный транспорт, несмотря на самоотверженность персонала и ремонтников, не справлялся с перевозками, хотя темпы продвижения эшелонов с войсками и грузами значительно возросли. Только в 6-ю армию в течение месяца прибыло 37 маршевых батальонов общей численностью 29,3 тысячи человек, в 13-ю — более 34 тысяч бойцов пополнения. Большую часть его составляла молодежь в возрасте от 18 до 25 лет.

В эти октябрьские дни комсомольские организации Харькова, Екатеринослава, Одессы приняли активное участие в укомплектовании 2-й Конной армии. Одесский губком РКСМ выпустил специальное воззвание, в котором говорилось: «Товарищи молодые рабочие и крестьяне! Начинается «неделя красной конницы». В эту неделю все молодые рабочие и крестьяне, умеющие держаться в седле, должны дать красной коннице новое боевое подкрепление». В результате проведенной работы в ряды 2-й Конной армии влились тысячи кавалеристов. Кроме того, фронт получил сотни новых пулеметов, десятки орудий. Со дня на день ожидалось прибытие 1-й Конной армии. Последние двое суток буденовцы шли без дневок, останавливались лишь для того, чтобы

Выступление председателя ВЦИК М. И. Калинина перед бойцами 1-й Конной армии после вручения им Красного Знамени. 1920 г.

напоить коней. К вечеру 27 октября армия закончила марш и сосредоточилась в районе Берислав — Каховка. Почерневшие, измученные всадники, едва расседлав коней, валились с ног и засыпали, не дойдя до хат. Двумя днями раньше под Александровском выгрузился последний эшелон 30-й стрелковой дивизии. Наступал час решающего сражения.

Всего к началу наступления в состав Южного фронта входили три общевойсковые и две Конные армии. Боевая численность войск достигала почти 100 тысяч штыков и 43,7 тысячи сабель. На вооружении частей находилось 527 орудий, 2664 пулемета, 17 бронепоездов, 45 самолетов [28]. Это обеспечивало необходимое превосходство над противником. Располагались войска фронта следующим образом: 6-я армия занимала позиции по правому берегу Днепра от Херсона до Никополя, удерживая плацдармы у Каховки и Нижнего Рогачика. В ее тылу развертывалась 1-я Конная армия. Рубеж от Никополя до Александровска занимала 2-я Конная армия.

Левее ее, от Янчекрака до Орехова, действовала 4-я армия. 13-я армия располагалась от Орехова до побережья Азовского моря. Подготовка войск в эти дни была направлена на обучение бойцов приемам преодоления водных преград, борьбы с конницей и танками. В полках проводились тактические занятия, ремонтировалось оружие, пополнялись запасы снарядов и патронов. Инженерные части готовили переправочные средства.

Активная работа велась по политическому обеспечению операции. По поручению ЦК на Украину с агитпоездом «Октябрьская революция» выехал председатель ВЦИК М. И. Калинин. На Южный фронт были направлены нарком просвещения А. В. Луначарский, нарком здравоохранения Н. А. Семашко, нарком юстиции Д. И. Курский. До начала наступления они побывали во всех армиях, проверяя состояние войск, встречаясь с красноармейцами и командным составом, выступая на митингах и собраниях.

Среди организаторов массово-политической работы в войсках были видные деятели партии, члены РВС фронта и армий Бела Кун, М. К. Владимиров, И. Т. Смилга, В. П. Потемкин, Д. В. Полуян, Н. П. Горбунов, А. Л. Борчанинов, начальник политотдела 13-й армии Р. С. Землячка, комиссары дивизий Э. Я. Апинь, Н. А. Бутков, А. Д. Морозов, В. Л. Винников-Бессмертный и другие партийные работники. Армейские политорганы и парторганизация фронта развернули массовую «кампанию победы», включающую в себя проведение конференций беспартийных воинов, встреч с делегациями трудящихся Москвы, Петрограда, Харькова, прибывшими на фронт для вручения подарков бойцам. Из рук в руки переходили агитплакаты РОСТа с рисунками и чеканными строками В. Маяковского:

Врангель — фон,
Врангеля — вон!
Врангель — враг,
Врангеля — в овраг.

В результате проведенной мобилизации коммунистов в частях значительно выросла партийная прослойка. К концу октября в армиях фронта действовало

713 партячеек, в которых состояло 16,8 тысячи коммунистов, или более 12 процентов от численности личного состава фронта[29]. За все годы гражданской войны такого количества коммунистов не имел ни один фронт. Как показал опыт предшествующих боев, укрепление партийных рядов являлось важнейшим залогом победы. Член РВС фронта С. И. Гусев отмечал, что если в части «было меньше 6% коммунистов (примерно), то часть оказывалась совершенно небоеспособной. В пределах между 6 и 12% она оказывалась более или менее боеспособной, но не вполне устойчивой, и только тогда, когда процент превышал 12, мы видели, что части становятся вполне боеспособными и устойчивыми. Отсюда вывод совершенно определенный: надо довести число коммунистов в армии до 12%»[30].

Столь пристальное внимание к партийно-политической работе, пополнению рядов РКП(б) не случайно. Коммунисты цементировали армию. В одном из отчетов Политуправления Красной Армии значилось: «Будущий историк с изумлением отметит, что, стараясь предусмотреть шансы победы, ответственные лица иной раз считали более тщательно количество имеющихся налицо коммунистов, чем количество пушек и пулеметов»[31].

Глава 9

КОНТРУДАР

25 октября Фрунзе известил войска фронта, что приказ о переходе в общее наступление подписан. «Республика и главное командование сделали все, что могли, для обеспечения нашего успеха. Сила для сокрушения врага собрана вполне достаточная. Противник, потерпев ряд жестоких неудач в последних боях, надломлен и вновь готов забраться в Крым, чувствуя надвигающуюся гибель. Наша задача предупредить этот отход дружным, стремительным ударом всех армий фронта. Надо разгромить его живые силы и на плечах бегущих белогвардейцев ворваться в Крым» [1]. Дождливым вечером того же дня на станции Апостолово в присутствии главкома С. С. Каменева и начальника полевого штаба Реввоенсовета Республики П. П. Лебедева командующий фронтом провел совещание с командирами и членами РВС армий фронта, на котором были согласованы вопросы взаимодействия частей и уточнен окончательный план операции.

Суть этого оригинального по замыслу плана заклю-

чалась в том, чтобы ударом 1-й и 2-й Конных армий по сходящимся в районе Верхних и Нижних Серогоз направлениям во взаимодействии с Латышской и 52-й стрелковыми дивизиями 6-й армии окружить и разгромить основные силы противника. В дальнейшем 1-й Конной армии предстояло выйти в район Аскания-Нова — Громовка и отрезать белым пути отхода в Крым. Ударной группе 6-й армии в составе 51-й и 15-й стрелковых дивизий приказывалось нанести удар в общем направлении на Перекоп и овладеть перешейком. 4-я армия получила задачу прорвать вражескую оборону на участке Орлянск — Рейхенфельд и не позднее 30 октября достигнуть рубежа Малая Белозерка — Федоровка. К этому же времени в район Федоровки — Мелитополя должна была выйти 13-я армия.

— Мы должны задушить Врангеля в наших объятиях, — подчеркнул Фрунзе.

В случае осуществления этого замысла создавались благоприятные условия для преодоления крымских перешейков и освобождения полуострова. С учетом силы противника и насыщенной обороны на подступах к Крыму стратегическая по своим масштабам задача ликвидации врангелевщины была разделена на два взаимосвязанных этапа: первый заключался в разгроме белых в Северной Таврии, второй — в овладении Крымом. Решающая роль в окружении вражеских войск отводилась конным армиям, обладавшим большой подвижностью и ударной силой. Фрунзе с одобрением отозвался о действиях 6-й и 4-й армий по захвату плацдармов на левом берегу Днепра. Стремясь улучшить исходное положение перед общим наступлением, 52-я дивизия силами двух бригад форсировала реку в районе Нижнего Рогачика, а кавалерийская бригада П. Н. Кицука — у Никополя. Все попытки врангелевцев сбросить переправившихся в Днепр не увенчались успехом, хотя десантам приходилось нелегко.

Участники совещания были единодушны: первую часть операции необходимо завершить в четыре дня и сразу, не давая противнику опомниться, навалиться на перешейки. Хотя путем умелого сосредоточения сил и средств на направлении главного удара было достигнуто решающее превосходство над белыми, все понимали, что задача будет трудной. Перекоп — твердый

орешек. К тому же, по данным авиаразведки, врангелевцы начали отвод от Каховского плацдарма к Армянскому базару танков и тяжелой артиллерии. Стало быть, готовятся сесть в жесткую оборону. Попробуй сковырни, если успеют укрепиться. А пока, прощаясь, командармы желали друг другу боевой удачи.

Докладывая В. И. Ленину об итогах совещания, Фрунзе 26 октября сообщал: «Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. За немедленный захват перешейков считаю не более одного шанса из ста...» [2]. Последняя фраза вызвала у Ленина взрыв негодования: «Возмущаюсь вашим оптимистическим тоном, когда вы сообщаете, что только один шанс из ста за успех в главной, давно поставленной задаче. Если дела так безобразно плохи, прошу обсудить архисрочные меры подвоза тяжелой артиллерии, постройки линий ее подвоза, доставки саперов и прочее» [3].

И на этот раз Фрунзе был предельно последователен в стремлении разъяснить вождю смысл операции: «Ваше возмущение оптимистическим тоном моей телеграммы основано на неправильном представлении о характере главной задачи, лежащей сейчас на армиях фронта. Таковая сводится к уничтожению главных сил противника, сосредоточенных к северу и северо-востоку от перешейков в Северной Таврии. Немедленный захват Перекопского перешейка представляет лишь одну из составных частей указанной задачи, являясь ее идеальным завершением... Если 1 Конная выполнит поставленную ей задачу, а за это очень много данных, то к концу завтрашнего дня весь цвет армии Врангеля нами будет окружен со всех сторон и уничтожен. Только после этого можно будет бросаться на перешейки крупными силами и форсировать их с большой вероятностью на успех... Прошу верить, что все, могущее обеспечить скорый и верный успех, фронтом будет сделано» [4].

В ночь на 28 октября 1-я Конная армия поэскадронно двинулась на левый берег Днепра в районе Каховки. На рассвете главные силы фронта перешли в наступление. Ударная группа 6-й армии под командованием В. К. Блюхера смяла 2-й армейский корпус гене-

Переправа через Днепр частей 1-й Конной армии в районе Каховки — Бериславля.
Октябрь 1920 г.

рала Витковского и, обходя его с фланга, устремилась к Перекопу. Вслед за ней в пробитую брешь устремилась 1-я Конная армия. Вступили в сражение и другие соединения Южного фронта.

Особую доблесть в первых боях на Никопольском плацдарме проявил командир для особых поручений при штабе 408-го полка 46-й стрелковой дивизии Мате Залка. Командуя батальоном во время переправы через Днепр, он с помощью отвлекающего маневра вклинился в оборону марковцев и обеспечил беспрепятственную высадку полка. Отразив атаки белых, батальон продвинулся вперед и дерзкой атакой захватил деревню Водяную.

Об отчаянной храбрости венгерского интернационалиста Белы Франкля, ставшего в России Мате Залкой, уже тогда ходили легенды. Офицер австро-венгерской армии, попавший в русский плен, искренне принял революцию, дело которой стало его делом. В Сибири он создал партизанский отряд, который сражался против

банд атамана Семенова и белочехов. Контуженный в одном из боев, Мате попал в плен, был приговорен к расстрелу, но бежал, обманув бдительность конвоиров. Ему довелось охранять поезд с золотым запасом, отбитым у колчаковцев, командовать ротой интернационального стрелкового полка на Западном фронте, геройски сражаться против Врангеля, участвовать в ликвидации махновщины на Украине. В своем послужном списке в графе «Бытность вне службы» Мате Залка записал: «Без отпуска служу и отпуска до конца мировой революции не желаю». Вся жизнь Мате Залки была бессрочной службой делу революции. И тогда, когда, работая дипкурьером, возил он секретную почту по дорогам Европы, и когда писал книги о гражданской войне, и когда по первому зову помчался в Испанию сражаться с фашизмом — все эти годы он думал и делал то, к чему стремился, о чем мечтал.

Преследуя в панике отступавшего противника, части Блюхера уже к вечеру 29 октября достигли Перекопа. Начдив предпринял попытку с ходу овладеть сильно укрепленным Турецким валом. Однако, встреченные сильным огнем, воины-сибиряки не смогли продвинуться вперед. Действовать приходилось на совершенно открытой местности, просматриваемой на несколько километров, да и сам вал с земли выглядел куда более грозно, нежели на фотографиях, сделанных с воздуха. Утром 30 октября бой за перекопские позиции возобновился с новой силой, но взять их и на этот раз не удалось. Части 152-й и Ударно-огневой бригад, понеся тяжелые потери, были вынуждены отойти. Как вспоминал один из участников штурма, бойцы «преодолели три ряда проволочных заграждений, уже были в ста шагах от вала, но впереди находился еще ряд проволочных заграждений в три кола и опутанный проволокой ров. Поддерживающие пехоту артиллеристы, жертвуя собой, выскакивали вперед на открытые позиции и своим огнем старались помочь бойцам ворваться на вал. Героические экипажи бронемашин подводили свои машины вплотную ко рву, с максимальным напряжением вели огонь из пушек и пулеметов. Но все это не достигало цели. Заградительный огонь артиллерии и пулеметов противника сплошной стеной преграждал путь, и, неся тяжелые потери, штурмующие откатыва-

лись назад» [5]. 6-й роте 456-го стрелкового полка удалось было ворваться на гребень вала и схватиться врукопашную с его защитниками, но силы были неравными. Белым удалось отсечь роту от остальных подразделений полка. Сражаясь в окружении, почти все бойцы погибли, но не сложили оружия.

В своем донесении в штаб армии Блюхер сообщал: «Противник имеет хотя и небольшой гарнизон, но обеспечил себя колоссальной материальной частью, которая, будучи приспособлена к местности, делает почти неприступным перешеек. Все преимущества и выгоды на его стороне. Артиллерия и самые позиции противника скрыты за валом, наша же артиллерия, не имея позиций, при своем появлении быстро подбивается» [6]. Для достижения успеха Блюхер считал необходимым либо спешно перебросить к Перекопу стрелковую дивизию из резерва, либо приостановить атаки и серьезно подготовиться к новому штурму, для чего усилить группу артиллерией, особенно тяжелой, и инженерными частями. Командующий 6-й армией А. И. Корк согласился с выводами начдива о переходе к обороне. Становилось очевидным, что без дополнительных усилий овладеть перекопскими позициями не удастся.

Колесо операции раскручивалось столь стремительно, что в штабе Фрунзе с трудом успевали анализировать события, разворачивающиеся одновременно по всему 350-километровому периметру фронта. Донесения, поступающие из армий, и радовали, и внушали опасения. Трудная обстановка складывалась на центральном участке фронта. На первых порах 2-я Конная армия во взаимодействии с 52-й стрелковой дивизией продвинулась вперед. Однако Врангель, считая никопольское направление главным, прилагал отчаянные усилия, чтобы разбить армию Миронова и сбросить ее в Днепр. 1-й армейский корпус белых при поддержке конницы Барбовича 29 октября отбросил 16-ю кавалерийскую и 3-ю стрелковую дивизии от села Балки к Днепру.

На следующий день противник нанес еще один удар по войскам армии в районе Большой Белозерки. На рассвете 3-й Донской корпус белых под прикрытием тумана атаковал стоявшую здесь 2-ю кавдивизию имени Блинова. В отчаянной схватке на улицах села

погибли начдив И. А. Рожков и начальник штаба К. Ю. Берендс. Лишившись командира, дивизия оставила село, но подоспевшая на выручку 21-я кавалерийская дивизия вынудила врага отступить. Самоотверженной борьбой 2-я Конная армия отразила все попытки врангелевцев сбросить ее с никопольского плацдарма, но противнику удалось сковать ее действия. Командование армии допустило непростительную медлительность. Вечером Фрунзе обратил внимание Миронова на отсутствие должной решительности и приказал немедленно ударить всеми силами в направлении на Ивановку для содействия 1-й Конной армии.

Не лучшим образом действовали в первый день 4-я и 13-я армии, которые хотя и продвинулись вперед, но так и не смогли расчленить противостоящие им части 2-й армии генерала Абрамова. Противник отходил в относительном порядке, упорно цепляясь за каждый рубеж и нанося короткие контрудары силами арьергардных частей 3-го армейского корпуса. Глядя на карту, Фрунзе не мог скрыть недовольства: «Медлит Уборевич. Выталкивает противника равномерным давлением по фронту. А при его превосходстве в силах надо рассекать оборону ударами с флангов и ставить белых перед угрозой окружения. Только тогда они побегут к Чонгару, где их перехватят Буденный и Корк».

Уборевич изменил тактику. 42-я стрелковая дивизия (начдив М. И. Розен, военком М. И. Смирнов) ударила на Большой Токмак с северо-востока, 9-я (начдив Н. В. Куйбышев, военком М. И. Лисовский) с востока. Фронт белых рухнул. К исходу 29 октября 13-я армия заняла рубеж Федоровка — Астраханка и нависла над Мелитополем. На следующий день, развивая наступление, конный корпус Н. Д. Каширина и группа Н. В. Куйбышева (9-я стрелковая и 7-я кавалерийская дивизии) форсировали реку Молочную и штурмом овладели Мелитополем. В боях за город отличилась 4-я Богучарская стрелковая бригада, состоящая в основном из молодых добровольцев — посланцев комсомольских организаций Москвы, Петрограда, Донбасса. «Противник в панике отходит в направлении Геническа, Сальково. Взяты немалые трофеи, в том числе 3 бронепоезда, 14 орудий, 200 вагонов со снаряжением и зерном, более полутора тысяч пленных. Силами подвижных соединений армии

продолжаю преследование», — передал Уборевич в штаб фронта.

Тяжело давались первые километры прорыва и 30-й стрелковой дивизии (начдив И. К. Грязнов), наносящей главный удар в полосе 4-й армии. У села Васильевка полки встретили укрепленную полосу с окопами полного профиля. Оборону прикрывал огонь бронепоездов. Атаковать можно было только в лоб — справа находились заболоченные плавни. Развернувшись в боевой порядок, бойцы 88-й Красноуфимской бригады под сильным огнем атаковали укрепления белых. Бой длился восемь часов. Боясь окружения, врангелевцы начали отходить. Горький урок получила дивизия под Елизаветовкой. 270-й Белорецкий полк из бригады А. Окулича на подступах к селу был атакован казаками, скрытно обошедшими полк по многочисленным балкам и оврагам. Бойцы и командиры дрались ожесточенно, но силы были неравны: против полка сражалась казачья дивизия. Лишь через несколько часов подоспевшие на помощь товарищи выручили белореченцев. Всего 700 бойцов остались в живых из полка, который еще накануне насчитывал более двух тысяч человек.

К сожалению, 4-я и 13-я армии не использовали до конца возможность флангового охвата основных сил 2-й армии генерала Абрамова западнее и северо-западнее Мелитополя и позволили 3-му армейскому и Донскому корпусам белых выскользнуть из неплотно затянутого мешка. Снова, как и в первый день операции, армии Южного фронта использовали для развития успеха лишь часть своих сил, утрачивая тем самым преимущество над противником.

Столь же остро развивались события в полосе действий 1-й Конной армии. Выполняя директиву «выйти 29 октября на фронт Аскания-Нова, Громовка, отрезать противника от перешейков и решительным наступлением с юга на Агайман — Серогозы совместно с 6 и 2 Конной окружить и уничтожить главные силы противника» буденовцы прорвались глубоко в тыл основной группировке врангелевцев. Здесь Конармию настиг приказ Фрунзе, содержащий задачу «стремительным продвижением конницы на восток овладеть с налета районом Геническ, Сальково, учитывая, что это направление остается единственным возможным путем отхода

противника, стремясь одновременно с этим овладеть с налета Сальковским и Арабатским перешейками и ворваться в Крым» [7].

Своим появлением этот приказ был обязан вести о долгожданных успехах на фронте 2-й Конной армии. Получив сообщения Миронова, а затем и Корка о том, что Кутепов начал отход в Крым, и стремясь не допустить этого, Фрунзе счел необходимым переориентировать 1-ю Конную с агаймано-серогозского направления на юго-восток. Штаб фронта полагал, что белые уже покинули Серогозы и перехватывать их следует южнее, на подступах к перешейкам. На самом же деле Кутепов еще не был разбит, и ядро его армии — 1-й армейский корпус продолжал концентрироваться в районе Серогоз. Действительная обстановка требовала немедленного нанесения удара на Агайман силами 6-й армии и 2-й Конной армии с севера и 1-й Конной с запада и юго-запада. Движение на юг давало белым относительную свободу маневра, поскольку чонгарское направление не было еще перекрыто войсками фронта, так как передовые части Конной армии находились от него в 60—70 километрах, а 13-й армии — в 140—150 километрах.

Буденный принял спорное решение — разделить армию на две группы: северную (6-я и 11-я кавалерийские дивизии), наносящую удар на Агайман, и южную (4-я и 14-я кавалерийские дивизии), прорывавшуюся к Отраде, Рождественскому. Полевой штаб армии шел с Особой кавалерийской бригадой в составе южной группы. К исходу дня 4-я кавалерийская дивизия С. К. Тимошенко заняла станции Ново-Алексеевка и Сальково, перерезав железную дорогу в Крым и завершив тем самым оперативное окружение врангелевцев. 14-я кавалерийская дивизия А. Я. Пархоменко сосредоточилась в селе Рождественском. Таким образом, задача, поставленная южной группе, была выполнена. Докладывая об этом, начдив С. К. Тимошенко попутно сообщил, что на станции Ново-Алексеевка захвачено около тысячи пленных, в том числе один генерал. Однако Тимошенко и Пархоменко с тревогой отмечали, что их сил для прочной блокады перешейков недостаточно, и требовали пехотной поддержки. Лишившись двух дивизий, связанных боями возле Агаймана в полусотне

верст от штаба армии, Буденный понимал, что не сегодня завтра встретится с численно превосходящими врангелевскими армиями. Связь с северной группой была неустойчивой. Из отрывочных донесений можно было понять, что на нее навалился конный корпус белых, поддерживаемый бронемашинами. Удастся ли выстоять дивизиям О. И. Городовикова и Ф. М. Морозова, наносящим удар на Агайман?

Действительно, к вечеру 30 октября положение северной группы стало угрожающим. Еще утром белогвардейская конница обрушилась на шедшую в походной колонне 11-ю кавалерийскую дивизию Ф. М. Морозова. Удар казаков, подкрепленный броневиками, был стремителен. Авангардные части дивизии, состоящие в основном из неопытных бойцов, смешались. На помощь подоспела дивизия Городовикова. 2-я кавалерийская бригада под командованием Данилы Сердича прямо с марша вступила в бой. Белые начали перестраивать свои ряды, поворачивая сотни навстречу новой опасности. И тут же, воспользовавшись замешательством противника, пошли вперед эскадроны 11-й дивизии. Казалось, бой скоро кончится, но здесь на конармейцев обрушился весь корпус Барбовича. Лезли напролом донцы и кубанцы. В кавалерийской рукопашной схватке сошлись две лавы всадников. Много славных буденовских ветеранов, героев разгрома Деникина и молодых добровольцев навсегда остались в таврической степи. Совместными усилиями 6-я и 11-я дивизии несколько часов сдерживали натиск лучших войск Врангеля, но остановить их не смогли. Понеся большие потери, буденовцы отошли в район Успенской.

Ни Морозов, ни Городовиков в те часы еще не подозревали, что они оказались на пути практически всей белогвардейской армии, начавшей отход в Крым, и конный корпус Барбовича лишь наконечник копья, летящего в войска Южного фронта. Узнав, что 1-я Конная армия перерезала железную дорогу в Крым, Врангель приказал Кутепову объединить силы 1-й и 2-й армий и немедленно отбросить красных на запад, обеспечив отход главных сил к Чонгарскому перешейку. Угроза окружения заставила белогвардейское командование отказаться от планов дальнейшего сопротивления в Северной Таврии. Предстояло любой ценой пробиться в

Крым, используя разреженность боевых порядков советской конницы и медлительность частей 13-й армии, не успевших замкнуть кольцо окружения с востока. Действуя решительно, Кутепов быстро нащупал слабое звено в разрозненных буденовских рядах.

Учитывая опасность, нависшую над 1-й Конной, Фрунзе приказал Миронову увеличить темпы наступления 2-й Конной армии, а корпус Каширина бросить в прорыв на Сальково для подкрепления Буденного. Перед командармом 1-й Конной была поставлена задача собрать все свои дивизии в кулак, во что бы то ни стало перерезать все пути отступления белых на Сальково и держаться до подхода пехоты 4-й и 6-й армий. Но собрать 1-ю Конную было уже трудно. Более того, 6-я и 11-я кавдивизии, потрепанные Барбовичем, из-за плохо организованной разведки на время потеряли связь с полевым штабом армии.

В ночь на 31 октября РВС 1-й Конной направил распоряжение начальнику 4-й кавалерийской дивизии С. К. Тимошенко: «Части 6-й и 11-й кавдивизий с утра 30 октября ввязались в бой в районе Агаймана с 1-й и 2-й кавдивизиями противника, наступающими с севера. В результате противник прорвал наши части... В связи с создавшейся обстановкой приказываю всю дивизию с рассветом двинуть в Отраду, где находится полештарм». 6-й и 11-й дивизиям было приказано совместными действиями разбить противника, занимавшего Агайман, после чего присоединиться к основным силам Конармии в районе Отрады.

На рассвете конники Морозова и Городовикова при поддержке подошедших наконец-то полков Латышской стрелковой дивизии перешли в наступление на Агайман. Застигнутый врасплох противник был выбит из села, однако вскоре опомнился и, используя бронечасти и артиллерию, завязал встречный бой. В отчаянной рубке у хутора Позняково погибли начдив 11-й Ф. Морозов и военком П. В. Бахтуров. Их гибель болью отозвалась в сердцах бойцов 1-й Конной. Награждая посмертно Ф. М. Морозова орденом Красного Знамени, Реввоенсовет Республики отмечал, что, служа в рядах Красной Армии с начала ее организации, Морозов «во всех боевых операциях кавалерийской дивизии своим примером, мужеством и храбростью воодушевлял бой-

цов и вел их к победам... благодаря чему пользовался исключительным авторитетом и любовью своих подчиненных» [8]. Не меньшей известностью обладал и комиссар дивизии П. В. Бахтуров, бывший учитель, опытный политработник, награжденный орденом Красного Знамени за бои под Касторной. Вся 1-я Конная пела написанную им песню:

Из лесов, из-за суровых, темных гор
Наша конница несется на простор.
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржуям битву дать...

Скоро, скоро всех врагов мы разобьем
И свободной, вольной жизнью заживем.
Постоим за наше дело головой.
Слава коннице буденовской лихой!

Высоко оценивая заслуги Морозова и Бахтурова перед революцией, Реввоенсовет 1-й Конной просил Ростовский исполком похоронить их на братском кладбище со всеми воинскими почестями, широко оповестив трудящихся об их героической смерти.

Бросая обозы, склады, все, что мешало движению, включая имущество господ офицеров, — на этот счет был отдан специальный приказ, — противник спешно отходил к Салькову по двум маршрутам: Агайман — Отрада и Агайман — Рождественское. Прикрывающая отход Корниловская дивизия отчаянно отбивалась от наседавших на нее латышских стрелков. Упорство атакующих в этих боях было равно упорству обороняющихся. Красные атаки сменялись контратаками белых. Казалось, что нет уже сил, способных поднять бойцов с мерзлой земли. Но снова и снова поднимались в атаку цепи упрямых латышей, вынуждая корниловцев пятиться назад. Несколько месяцев не выходила из боев Латышская стрелковая дивизия. Все было: атаки, переходы без сна и отдыха, смерть товарищей, тоска по далекой родине. Смертельно устали латышские полки. Но и в этих условиях отличал красных стрелков особый боевой лоск, несмотря на стоптанные сапоги и латаные шинели. И фуражки свои носили они по-особому, взбивая тремя бугорками с шиком заломленные на затылок тульи, и строй держали как на параде, хотя грязь вса-

сывала ноги по щиколотку, и вперед шли, приводя в смятение даже видавших виды врангелевцев. «Скаженные они, что ли...» Нет, не понять ветеранам-первопоходникам логики классовой борьбы и интернационального братства. Знали латыши, что нелегко приходится коннице Буденного без пехотной поддержки, и настойчиво прогрызали корниловские заслоны.

31 октября вражеские колонны докатились до Отрады. Здесь, как отмечалось в оперативной сводке штаба 1-й Конной армии, они «столкнулись с Особой бригадой и двумя эскадронами при полештарме. Завязался жестокий артиллерийский бой. Обойдя большими силами правый фланг Особой кавбригады, противник заскочил в Отраду, но лихой атакой одного полка Особой бригады и двух эскадронов под непосредственным руководством командарма т. Буденного, члена РВС т. Ворошилова, начполештарма т. Лецкого и военкома штаба т. Абгарова он был выбит. Упорный бой длился до вечера. Особая бригада с двумя эскадронами полештарма, сдерживая натиск больших сил противника, продолжавшего, несмотря на потери, бросать в бой все новые и новые силы, принуждена была отойти в Ново-Троицкое. Туда же отошел и полештарм» [9].

За скупыми строками документа остался истинный драматизм событий того не по-осеннему стылого дня. Узнав о приближении к селу, где в ожидании подхода 4-й кавдивизии С. К. Тимошенко разместился штаб армии, конницы и пехоты белых, Буденный бросил наперерез все, чем располагал в тот момент: Особую кавбригаду, эскадроны охраны штаба, комендантский взвод. В рукопашную схватку кинулись Буденный и Ворошилов, весь состав полевого штаба и политотдела армии рубился в одном строю с рядовыми бойцами. Чудеса храбрости показали в этот день комбриг К. И. Степной-Спижарный, конармейцы М. Савченко, У. Албаев, Ф. Татаринов, отмеченные орденами Красного Знамени. В разгар схватки Ворошилов врезался в гущу белогвардейцев. Десяток конников бросился на него. Казачья пика запуталась в бурке, несколько шашек взметнулось над головой... Подоспевшим бойцам едва удалось отбить члена РВС армии из рук казаков. Думается, сами врангелевцы не подозревали, что им противостоят всего несколько сот конармейцев во гла-

ве с командармом, иначе, несмотря на героизм буденновцев, исход боя мог оказаться трагическим.

— Так недолго и голову потерять, — сетовал Буденный. — Куда запропастился Тимошенко? Не иначе, беляки к Чонгару вышли. Туго нам придется, если пехота не подойдет.

Действительно, 4-я кавалерийская дивизия не могла пробиться к Отраде, как того требовало командование армии. Она тоже была атакована врангелевцами в районе Ново-Алексеевки. Весь день продолжался изнурительный встречный бой. С трудом сохраняя управление перемешавшимися с противником эскадронами, Тимошенко стойко отбивал атаки 3-й Донской и 7-й пехотной дивизий, стремившихся любой ценой прорваться в Крым. В середине дня начдив был тяжело ранен. Принявший командование Г. С. Маслаков вынужден был отвести поредевшие полки к Ново-Троицкому, где и встретил штаб армии.

14-я кавалерийская дивизия А. Я. Пархоменко, стоявшая в селе Рождественском, ночью подверглась нападению всего корпуса Барбовича. Уставшие бойцы, двое суток не смыкавшие глаз, не видевшие горячей пищи, вскакивали на коней. Мокрый снег слепил глаза, хотя и без того разглядеть что-либо в темноте было невозможно. Разведка сообщила, что вся дорога на север заставлена броневиками и забита конницей. Не имея связи с другими дивизиями, начдив приказал командирам бригад самостоятельно выходить из окружения и сосредоточиться в районе Благовещенское, Воскресенск. К утру части дивизии соединились с основными силами армии.

Тем временем к Рождественскому на соединение с Кутеповым вышли остатки 3-го армейского и Донского корпусов, отступавших от Мелитополя. Врангель облегченно вздохнул: после катастрофических неудач последних недель блеснул луч надежды, самое трудное осталось позади, коридор в Крым пробит. Теперь необходимо, не мешкая ни минуты, протолкнуть через узкую горловину все, что можно спасти.

Эта ночь на 1 ноября стала кульминацией событий на всех участках фронта. Их эпицентром было Рождественское. Едва белые заняли село, как к нему подошли части Латышской стрелковой дивизии. Получив до-

несение, что в Рождественском находится противник, комбриг Ф. Лабренц направил своего ординарца к командиру головного 6-го полка с приказом немедленно остановиться. Однако в кромешной тьме и непогоде ординарец не нашел полк. Командир полка Я. Бривкалн, действуя в соответствии с ранее полученным приказом, вел бойцов к Рождественскому, полагая найти там дивизию Пархоменко. Встреченный огнем, Бривкалн не растерялся, развернул полк и начал охват села, не подозревая, что ему противостоит по меньшей мере дивизия белых. С рассветом врангелевцы с трех сторон обрушились на полк, отрезав два батальона и одну батарею от основных сил. Более двух часов длился неравный бой. Окруженные стрелки отразили шесть атак. Батарея К. Заула прямой наводкой расстреливала цепи белых. Когда замолчало последнее орудие и кончились патроны, бойцы встретили врага штыками. Пробиться к своим удалось немногим. 29 командиров и 394 красноармейца сложили головы в этом бою. Контуженый помощник командира полка П. Бернхард вместе с группой израненных бойцов попал в руки врага. Врангелевцы расстреляли его первым. «Да здравствует революция!» — успел выдохнуть герой перед смертью. Мстя мужественному полку, казаки зарубили всех раненых [10].

К этому времени части 4-й и 13-й армий находились в 40—50 километрах от Отрады и Рождественского. Таким образом, 1-я Конная армия и подошедшая на помощь Латышская стрелковая дивизия, сражаясь на широком фронте, не смогли наглухо закрыть горловину мешка, в котором оказалась группировка белых в Северной Таврии. Укрепившись в Рождественском и прикрыв фланг Марковской дивизией, Кутепов начал эвакуацию через Чонгар и Арабатскую стрелку бронечастей и кавалерии. Энергии и решительности противника в эти дни отдал должное Фрунзе. «Особенно замечательным, — писал он, — приходится признать отход основного ядра в Крым... Отрезанные от перешейков, врангелевцы все-таки не потеряли присутствия духа и хотя бы с колоссальными жертвами, но пробились на полуостров» [11].

Удача улыбнулась Кутепову и там, где он менее всего рассчитывал на нее. Ворвавшись в Геническ, Тимошенко не уничтожил мост через пролив, думая вос-

пользоваться им при штурме позиций белых на том берегу. Теперь по этому мосту врангелевцы уходили в Крым. Оплошность буденовцев не прошла мимо внимания Фрунзе, отметившего в донесении главкому: «...при всей значительности поражения, понесенного противником, большая часть его конницы и известная часть пехоты в лице основных дивизий успели спастись частью через Чонгарский полуостров и частью через Арабатскую стрелку, где по непростительной небрежности конницы Буденного не был взорван мост через Генический пролив» [12].

Все эти дни 2-я Конная армия и корпус Н. Д. Каширина, сбивая арьергарды противника, двигались на помощь буденовским дивизиям. Вечером 1 ноября 2-я кавалерийская дивизия, которой теперь командовал В. Я. Качалов, после 80-километрового марша совершила налет на Рождественское, но взять село не смогла. Командарм Миронов отдал приказ об окружении и уничтожении противника в Рождественском. Наиболее ответственная задача возлагалась на 21-ю кавалерийскую дивизию (начдив М. Ф. Лысенко), скрытно занявшую позиции южнее села. В предстоящем бою она должна была встретить отступающего врага, перекрыв ему пути отхода в Крым. Разведчикам 2-й кавдивизии удалось захватить связных белых, которые везли донесение генералу Кутепову в Рождественское. В нем сообщалось, что 6-я пехотная дивизия занимает станцию Юрицино, а Донской корпус двигается от станции Сокологорное на север. В связи с этим начдив В. Я. Качалов приказал занять станцию Рыково, чтобы прикрыть фланг 2-й Конной армии. Так неожиданно возник новый «фронт», который отвлек силы 2-й кавалерийской дивизии от основной операции у села Рождественского.

2 ноября в 9 часов утра полки 16-й кавдивизии атаковали село с севера. Кутепов начал отход на Сальково, но попал под удар 21-й дивизии. Разгорелся упорный бой. Белые отошли под прикрытие броневиков, но, едва съехав с тракта, те застряли в грязи и утратили подвижность. Пулеметные тачанки мироновцев вспороли оборону, и от их неожиданного налета врангелевцы рассыпались. Усилия Кутепова предотвратить панику оказались тщетными: не выдержав напряжения последних дней, офицерские полки хлынули к перешейкам.

К вечеру авангардные части 2-й Конной армии ворвались в Ново-Алексеевку, преследуя и рубя бегущих белогвардейцев.

Справа в направлении на Сальково наступали 30-я стрелковая и 6-я кавалерийская дивизии. 2 ноября они совместно атаковали сальковские позиции врага. В авангарде шли 88-я стрелковая бригада Ильи Смирнова и 2-я кавбригада Данилы Сердича. Расположенная на подступах к перешейку, станция Сальково была надежно защищена. Здесь проходила первая линия предмостных укреплений белых. Засев за проволочными заграждениями, противник простреливал всю местность, лишенную каких-либо укрытий. Курсировавшие по путям бронепоезда создавали плотную артиллерийскую завесу, мешавшую продвижению советских войск.

Дождавшись темноты, красноармейцы головного 262-го Красноуфимского полка устремились к заграждениям. Не имея ножниц, бойцы рубили проволоку топорами, шашками, выворачивали колья. По сигналу атаки полк под командованием Т. И. Шевалдина устремился вперед и штыковым ударом выбил белых из окопов. На плечах противника конармейцы Сердича ворвались на станцию. Сполохи взрывов, зарево пожаров озарили поле боя. Несколько сот казаков сдались в плен. «Неся большие потери, бригада в 22 часа овладела позициями», — доложил комбриг Смирнов в штаб дивизии.

На очереди был Джимбулук. Сильно поредевший 262-й полк был отведен в бригадный резерв. Джимбулукские укрепления оказались орешком покрепче сальковского: окопы полного профиля, пулеметные гнезда, укрытые бетонными колпаками, проволока в шесть колов. После короткой артподготовки, пробившей бреши в заграждениях, выдвинутый вперед 263-й полк рванулся в атаку, но залег, прижатый к земле перекрестным огнем. Узкий фронт наступления лишал атакующих свободы маневра и облегчал задачу обороняющихся. Комполка Михаил Соломатин несколько раз поднимал бойцов, но пулеметы белых косили цепи уральцев. В батальоне Колупаева выбыло из строя около половины состава, тяжелые потери нес и батальон Паначева. Тогда комбриг И. Смирнов направил свой последний резерв — 264-й полк Василия Кузнецова в обход позиций

белых по узкой косе, уходящей в глубь залива. Обойдя врангелевцев, вымокший до нитки полк вышел на Чонгарский полуостров. Услышав стрельбу в своем тылу, марковцы растерялись. Окрыленные успехом товарищей, красноармейцы 263-го полка неудержимым броском достигли окопов врага. Оборона белых была сломлена. В прорыв устремилась 6-я кавалерийская дивизия. Отмечая ее заслуги, Реввоенсовет Республики за «отвагу и доблесть, проявленные в период ожесточенных боев с 29 октября по 3 ноября при занятии Чонгарского полуострова», присвоил дивизии наименование Чонгарской.

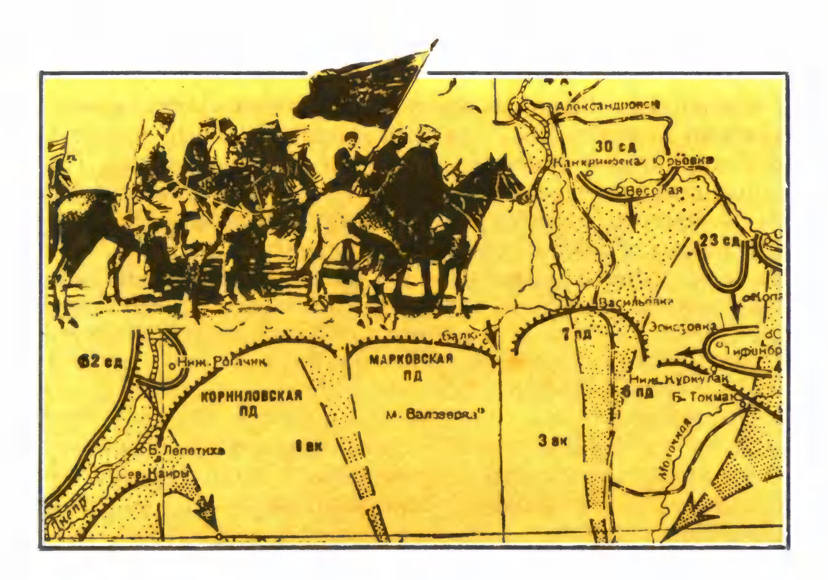
К вечеру 3 ноября части 1-й Конной армии и 30-й стрелковой дивизии, захватив все укрепления Чонгарского полуострова, вышли к мостам через пролив. Однако прорваться в Крым с ходу не удалось. Пропустив на свою сторону последний бронепоезд, прикрывавший отход, врангелевцы взорвали железнодорожный мост. Конники Городовикова пытались проскочить на крымский берег по подожженному деревянному мосту, но, встреченные плотным огнем, откатились назад. Не удалась и попытка 11-й кавдивизии пробиться на полуостров через Арабатскую стрелку. Корабли белых при участии французских миноносцев подвергли Геническ жесточайшему обстрелу, выпустив около 3 тысяч снарядов. Огонь был настолько силен, что красные отступили из города.

На этом закончился первый этап контрнаступления войск Южного фронта. Несмотря на усилия красных бойцов, белогвардейцам удалось избежать окружения и частью сил прорваться в Крым. Анализируя причины этого, Фрунзе в разговоре по прямому проводу с главкомом С. С. Каменевым подчеркнул: «Наши тиски были сделаны главным образом конницей, Лазаревич сильно запоздал, а Уборевич потерял... целый день, почему противнику и удалось выскочить. Если бы там была пехота, я думаю, это ему бы не удалось» [13].

Действительно, основная тяжесть борьбы с наиболее боеспособными дивизиями Врангеля легла на части 1-й и 2-й Конных армий, не располагавших достаточными силами для предотвращения прорыва белых на полуостров. Несмотря на это, войска фронта в течение недели очистили от врага всю Северную Таврию и на-

несли ему тяжелое поражение. Как отмечалось в приказе командующего фронтом, «противник понес огромные потери, нами захвачено до 20 тысяч пленных, свыше 100 орудий, масса пулеметов, до 100 паровозов и 2 тысячи вагонов, почти все обозы и огромные запасы снабжения» [14]. Это вынужден был признать и Врангель. «Наши части, — вспоминал он, — понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Значительное число было оставлено пленными» [15].

Выступая 3 ноября 1920 года на Всероссийском совещании политпросветов, В. И. Ленин подчеркнул огромное значение успехов Южного фронта: «Победы над Врангелем, о которых мы читали вчера и о которых вы прочтете сегодня и, вероятно, завтра, показывают, что одна стадия борьбы приходит к концу, что мы отвоевали мир с целым рядом западных стран, а каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства» [16].

Глава 10

ДАЕШЬ КРЫМ!

3 ноября вдоль всей линии фронта на подступах к Крыму установилась напряженная тишина. Наступала пора решающей схватки. Не дать белым опомниться, привести в порядок надломленную бегством армию, решительно и быстро прорвать оборону на перешейках и сбросить Врангеля в море — такую задачу ставило перед войсками командование Южного фронта, а потому торопило. Торопило штабы и службы тыла, командармов и начдивов. Торопило, хорошо помня о ленинском требовании покончить с Врангелем до зимы и, стало быть, решить судьбу всей войны.

В течение нескольких суток на ударных направлениях сосредоточивались войска, подтягивалась артиллерия. Звенела под орудийными колесами и копытами лошадей скованная ранними морозами земля. Десятки тысяч промерзших на стылых ветрах, голодных и разутых бойцов занимали отведенные позиции. На коротких привалах сбивались в тесный круг, прижимаясь спинами друг к другу. Разжечь костры было не из чего — во всей степи ни деревца, ни кустарника. Даже питьевая вода

в солончаках была редкостью. Объезжая войска, командующий видел своими глазами и прикрученные проволокой подошвы, и изможденные лица красноармейцев. Потрясенный их терпением Фрунзе еще раз перетряхнул тылы фронта, один за другим слал запросы в Харьков и в Москву: любой ценой, немедленно нужны сапоги и шинели, хлеб и махорка. По всей стране проводился сбор теплых вещей для армии. Только рабочие Москвы в октябре отправили на фронт около 5 тысяч шинелей и полушубков, 9100 телогреек, более 60 тысяч комплектов нательного белья. Все, что могла дать республика в это тяжкое время, направлялось на юг. Однако из-за разрухи на транспорте и нехватки паровозов продвижение маршрутов с обмундированием и снаряжением задерживалось. «Огромное большинство войск, — отмечал М. В. Фрунзе, — не имело теплого обмундирования, вынужденное в то же время сплошь и рядом располагаться под открытым небом... Только небывалый подъем настроения и величайший героизм всего состава армий фронта позволяли не только совершать невозможное, но и делать так, что почти не было слышно жалоб на тяжелые условия боевой работы» [1].

Боевой порыв красноармейцев, их готовность идти на любые жертвы ради скорейшей победы отмечались в донесениях всех политработников. Радовало и то, что удалось наконец-то удовлетворить значительную часть требований на снаряды и патроны, которыми дивизии и армии буквально засыпали штаб фронта. Захваченные в Северной Таврии трофеи — эшелоны с боеприпасами, орудия разных калибров — позволили усилить плотность артиллерийских порядков в местах прорыва, почти вдвое увеличить боекомплект, доведя его до 200 выстрелов на орудие.

Не терял надежд и противник. 3 ноября было опубликовано официальное сообщение штаба Врангеля, в котором отмечалось, что «только подавляющее превосходство сил (красных. — *Авт.*), в особенности конницы... заставили главнокомандующего принять решение отвести армию на заблаговременно укрепленную Сивашско-Перекопскую позицию, дающую все выгоды обороны» [2]. Несмотря на тяжелые потери в октябрьских боях, части белых сохранили боеспособность. Используя преимущества обороны, Врангель рассчитывал измотать советские

Вид одного из участков рва Турецких позиций. Осень 1920 г.

войска и не допустить их в Крым. Красной Армии предстояло преодолеть исключительно мощные оборонительные рубежи, строительство которых продолжалось около года. В разработке планов укреплений Перекопского перешейка и особенно Турецкого вала принимали участие многочисленные иностранные советники и специалисты, включая глав военных миссий стран Антанты. Всеми фортификационными работами по созданию «Белого Вердена» руководил генерал Фок.

Три коридора соединяют Крым с Северной Таврией — Перекопский перешеек шириной до 10 километров, узкая лента железной дороги по дамбе через Чонгарский пролив от станции Сиваш до станции Таганаш (Соленое озеро) и Арабатская стрелка. На перекопском направлении белыми были сооружены две укрепленные полосы — Перекопская и Ишуньская. Основу первой составлял Турецкий вал, тянувшийся через весь перешеек от Сиваша до Каркинитского залива. Впервые он был насыпан пленными запорожцами несколько столетий назад. Теперь многомесячными усилиями са-

перов вал стал оплотом обороны. Его высота достигала 8 метров, а ширина у основания превышала 15 метров. Перед валом вырыт ров глубиной до 10 и шириной более 30 метров. Северный скат, спускавшийся в ров, имел крутизну до 45 градусов. На дне рва были заложены десятки крупных фугасов. Вал и прилегающая к нему местность были оборудованы траншеями полного профиля, артиллерийскими и пулеметными площадками с бетонированными блиндажами для прислуги. Подступы к валу прикрывались проволочными заграждениями в несколько рядов. На его гребне было установлено свыше 70 орудий и 150 пулеметов, что позволяло держать под перекрестным огнем всю впереди лежащую местность на расстоянии до 5 километров. Со стороны Каркинитского залива вся первая полоса обороны прикрывалась огнем корабельной артиллерии.

Примерно в 20—25 километрах южнее Турецкого вала белогвардейцы построили вторую полосу обороны — Ишуньские позиции, упирающиеся флангами в многочисленные озера и заливы. Она состояла из трех-четырех линий траншей полного профиля, опутанных густой сетью проволочных заграждений и преграждавших все проходы в степную часть Крыма. Значительно слабее был укреплен Литовский полуостров, узким языком уходящий в глубь Сиваша между Турецким валом и Ишуньскими позициями. Врангелевцы полагали наступление через «гнилое море» невозможным, и потому Литовский полуостров, защищаемый бригадой Кубанской казачьей дивизии генерала Фостикова, представлял наиболее уязвимое место в обороне противника. Уязвимость эта усиливалась тем, что лето 1920 года выдалось очень сухим, и северо-восточная часть Сиваша значительно обмелела.

В общей сложности силы Врангеля на Перекопе и Литовском полуострове насчитывали 13,5 тысячи штыков, 6 тысяч сабель, более 120 орудий (из них 12 шестидюймовых и 4 восьмидюймовых), около 750 пулеметов. На Турецком валу окопы занимала лучшая в составе врангелевской армии Дроздовская дивизия, имевшая в своем составе 3260 штыков. Ишуньские позиции прикрывались Корниловской и Марковской дивизиями. Обескровленные 13-я и 34-я пехотные дивизии, а также конный корпус генерала Барбовича составляли армей-

Вид белогвардейских блиндажей. Перекоп.
Осень 1920 г.

ский резерв. Не менее прочно, чем Перекопский перешеек, были укреплены Чонгарский полуостров и Арабатская стрелка, где были оборудованы 5—6 линий окопов, защищенных несколькими рядами колючей проволоки. Уничтожив железнодорожный и шоссейный мосты через пролив, врангелевцы сосредоточили на этом участке много артиллерии, в том числе дальнобойные крепостные орудия, доставленные из Севастополя, и почти все свои бронепоезда. Оборону здесь держали части 3-го Донского корпуса и группа генерала Канцерова, насчитывавшие более 3 тысяч человек. Кроме того, в тылу спешно формировалась 15-я пехотная дивизия, предназначенная для усиления в случае необходимости перекопского или чонгарского направления.

Впервые за годы гражданской войны белогвардейцам удалось создать такую плотность войск и огневых средств на основных направлениях: в среднем 125—130 штыков и сабель, 5—10 орудий и 15—20 пулеметов на километр обороняемого фронта. «Я осмотрел укрепления Перекопа и нашел, что для защиты Крыма сдела-

но все, что в силах человеческих», — писал Врангель в одном из своих приказов. В беседе с корреспондентом барон заявил, что серьезное положение на фронте создалось только потому, что Польша заключила с большевиками мир и они получили возможность сосредоточить все свои силы на юге. Тем не менее в конце интервью он выразил полную уверенность «в конечном торжестве нашего дела». Свою лепту в пропагандистскую канонаду внес и генерал Слащев, разразившийся в газете «Время» статьей, в которой уверял, что «население полуострова может быть вполне спокойно. Армия наша настолько велика, что одной пятой ее состава хватило бы на защиту Крыма. Укрепления Сиваша и Перекопа настолько прочны, что у красного командования ни живой силы, ни технических средств преодоления не хватит... Войска всей красной Совдепии не страшны нам. Замерзание Сиваша ни с какой стороны не может вредить обороне Крыма, а лишь в крайнем случае вызовет увеличение численности войск на позициях за счет резервов. Но последние настолько велики, что армия может спокойно отдохнуть за зиму и набраться новых сил».

В дни накануне штурма врангелевский тыл внешне, казалось, жил своей привычной жизнью. Не преминул отметить это в своих мемуарах и Врангель: «Принятыми мерами удалось рассеять начавшуюся тревогу. Тыл оставался спокойным, веря в неприступность перекопских твердынь». В зале Таврического дворянского собрания ставился водевиль «Блестящая карьера». В кинотеатрах демонстрировались фильмы «2 квартиры — 2 любви», «Дама червей», «Исступление», «Последнее танго». В Феодосии с большим успехом шла «пикантная» комедия «Когда изменяют мужья — бесятся жены». Корниловский союз устроил 7 ноября благотворительный концерт, на котором присутствовал Врангель. Очевидцы констатировали, что главнокомандующий был весел и лично выразил благодарность участникам вечера. Но ни официальные заверения Врангеля и его министров, ни казенный оптимизм газетчиков не могли заглушить нараставшее чувство тревоги. Проанализировав создавшееся к началу ноября положение, «внепартийное совещание общественных деятелей» — своего рода теневой кабинет во главе с видным деятелем ка-

Белогвардейские орудия в районе станции Таганаш. Ноябрь 1920 г.

детской партии князем П. Д. Долгоруковым — сочло необходимым обратиться к странам Антанты с призывом об оказании немедленной помощи врангелевскому режиму. «Ключ спасения от большевизма, — подчеркивалось в обращении, — не в Париже, не в Лондоне, не в Нью-Йорке, а в Крыму» [3]. Но подобные заклинания уже не могли повлиять на развитие событий.

Врангелевский тыл сотрясали коррупция, казнокрадство, взяточничество, достигшие размеров необычайных. «То, что осталось на юге Украины после нашествия германских империалистов, грабежей Деникина, — писал в газете «Известия» член РВС Южного фронта Бела Кун, — попало сейчас в руки французской буржуазии» [4]. По признанию лиц из ближайшего окружения Врангеля, «взятки брали все, от низших до высших... разница была только в размерах» [5]. Но ситуация заставляла торопиться. На заборах запестрели объявления о спешной продаже особняков и дач. Потянулись поближе к черноморским портам биржевые маклеры и торговцы недвижимостью, интендантские чиновники и кар-

точные шулеры. В окопах и казармах белых все чаще находили листовки «К солдатам армии Врангеля», «Кто наш враг?» и газеты Южного фронта, разбрасываемые с самолетов.

Участились случаи дезертирства, которые не могли предотвратить ни посулы, ни зверства контрразведки. Те же, кому не приходилось рассчитывать на прощение, коротали время в хмельном разгуле и дикой жестокостью пытались заглушить страх перед будущим. По рассказам узников, освобожденных из врангелевских застенков, пытки, применявшиеся там, были настолько изощренными, что перед ними бледнела даже царская охранка. Все обвиняемые, как правило, приговаривались к смерти. Захваченных при отступлении пленных красноармейцев головорезы Барбовича рубили шашками на кавалерийских занятиях.

7 ноября Врангель отдает приказ о введении в Крыму осадного положения. Руководство обороной возлагается на Кутепова, в руках которого объединяются войска. Полагая, что на подготовку нового наступления Красной Армии потребуется немало времени, врангелевцы приступили к перегруппировке сил с целью усиления перекопского направления.

К тому периоду в штабе Южного фронта завершилась разработка оперативного плана Перекопско-Чонгарской операции. К его выполнению готовились части 6-й (командующий А. И. Корк), 4-й (командующий В. С. Лазаревич), 1-й и 2-й Конных армий (командующие С. М. Буденный и Ф. К. Миронов), занимавшие позиции от устья Днепра до Геническа. В резерве фронта южнее Мелитополя находилась 13-я армия И. П. Уборевича. К 8 ноября 1920 года Южный фронт имел в своем составе 158 тысяч штыков и до 40 тысяч сабель, 550 орудий, 3059 пулеметов, 57 бронемашин и 84 самолета[6]. При подготовке операции рассматривались несколько вариантов действий. «Надо было выбирать, — писал Фрунзе, — между Чонгаром и Перекопом. Так как Перекоп ...представлял больше удобств для маневрирования, то, естественно, наш решающий удар был нацелен сюда». Однако, учитывая мощь перекопских укреплений, план предусматривал нанесение еще одного удара силами 4-й армии из района Сальково через Арабатскую стрелку. Это позволяло обойти основные

укрепления белых, опираясь на помощь Азовской военной флотилии с моря. Затем вводом в сражение 1-й Конной армии предполагалось развить успех на чонгарском направлении. Аналогичный маневр был впервые осуществлен русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласи еще в 1737 году, когда таким образом удалось успешно зайти в тыл крымскому хану, стоявшему на Перекопе. Однако для такого маневра необходимо было иметь поддержку с моря, а ее не было. Ранний ледостав сковал суда Азовской флотилии в Таганрогской бухте, в то время как врангелевский флот, поддерживаемый английскими и французскими эсминцами, мог беспрепятственно вести огонь по советским войскам.

Поэтому за два дня до начала операции Фрунзе с величайшим сожалением отказался использовать для наступления Арабатскую стрелку. Теперь главный удар переносился на перекопское направление. Замысел полководца заключался в том, чтобы одновременным штурмом Турецкого вала с фронта и обходным маневром через Сиваш и Литовский полуостров пробить брешь в обороне, окружить и уничтожить на Перекопе основные силы врага и открыть дорогу в Крым. Выполнение этой задачи возлагалось на части 6-й армии. Вспомогательный удар на чонгарском направлении предстояло нанести 4-й армии. Затем вводом в прорыв подвижных кавалерийских соединений — 1-й, 2-й Конных армий и 3-го конного корпуса Н. Д. Каширина — обеспечивалось преследование разбитого противника в направлениях на Евпаторию, Симферополь, Феодосию.

В армиях первого эшелона создавались ударные группировки из разведчиков, саперов, пулеметчиков, формировались отряды прорыва. «В штурмовые отряды, — вспоминал начдив М. Германович, — отбирались более храбрые, проверенные бойцы. Но этот принцип выдержать было трудно: все красноармейцы поголовно горели желанием пойти первыми» [7].

В районах прорыва накапливалась артиллерия. За счет глубокого эшелонирования сил и средств удалось создать на перекопском направлении действий сил 6-й армии мощный кулак: 1,5—4 тысячи штыков, 10—12 орудий, 60—80 пулеметов на каждый километр фронта.

Готовя директиву войскам, Фрунзе вновь и вновь возвращался к ленинской телеграмме от 16 сентября. Да, Ильич тогда как в воду смотрел, предупреждая против «чрезмерного оптимизма». Ворваться в Крым на плечах противника не удалось. И теперь все будет зависеть от уровня подготовки, в том числе от того, насколько будут изучены все проходы через Сиваш. Сделано многое, но все ли удалось предусмотреть за столь короткое время? Инженерные части с помощью местных жителей ведут разведку бродов и подступов к укреплениям белых, ставят вехи, оборудуют подходы к переправам. Все работы проводятся морозными ночами, порой по колено в ледяной воде. А между тем старожилы утверждают, что в засушливые годы бывают здесь дни, когда западный ветер уносит воду и Сиваш становится проходимым. Об этом же сообщает в письме и Д. И. Ульянов, долгие годы проработавший в Крыму. «Западные ветры, — пишет он, — обнажают дно Сиваша на большом расстоянии... В некоторых местах вода отступает на 7—10 км» [8]. Остается ждать и готовиться. Справятся ли командиры, выдержат ли бойцы?

Нет, сомнений быть не должно. Лучшие части Красной Армии, прошедшие сквозь огонь гражданской, стоят перед воротами Крыма. А их командиры? Разве не достойны они поставить последнюю точку в этой войне? 6-ю армию недавно возглавил Август Корк — решительный и хладнокровный военачальник, кавалер двух орденов Красного Знамени за бои с Юденичем и белополяками в бытность командующим 15-й армией. Главком С. С. Каменев отмечал, что именно Корк сыграл тогда роль первой скрипки среди командиров Западного фронта. Ему предстоит наносить главный удар, и, как убедился Фрунзе во время последней встречи, Корк готов к решению задачи и гордится тем, что доверие оказано именно его армии. Да и трудно думать иначе, располагая такими людьми. Штурмовать Турецкий вал в лоб предстоит полкам 51-й дивизии Василия Блюхера. Дивизия — одна из лучших в Красной Армии, не раз отличалась в сражениях против Колчака, за бои под Каховкой удостоилась Красного знамени Моссовета. Не менее известен и ее командир — первый краснознаменец Республики. А те, кому предстоит пройти через Сиваш, — бойцы 15-й и 52-й... С их герои-

Митинг бойцов Южного фронта на станции перед решительным наступлением на Перекопские укрепления. 1920 г.

ческими действиями связаны освобождение Самары и Бузулука, Воронежа и Ростова, форсирование Днепра и защита Каховского плацдарма. Да, такие преодолеют все. И повести их выпало людям, которым он, Фрунзе, доверяет как себе, — Ивану Раудмецу и Маркиану Германовичу.

Прекрасный командный состав подобрался и в недавно сформированной 4-й армии. Ее командующий Владимир Лазаревич, как и командарм 6-й Корк, закончил до революции Академию Генерального штаба. В Красной Армии с мая 1918 года. Зарекомендовал себя отличным штабным работником. Фрунзе видел его в деле на Восточном фронте в качестве начальника штаба Южной группы армий. Но еще ярче проявился его талант на посту командующего 3-й армией. В ходе войны с белопанской Польшей летом 1920 года войска Лазаревича успешно действовали в наступлении, но еще лучше показали себя в обороне, когда дрогнувшие соседи поставили под удар весь фронт, и только умелые действия штаба и стойкость бойцов 3-й армии спасли положение. И когда встал вопрос о том, кого назначить командующим новым войсковым объединением в соста-

ве Южного фронта, Фрунзе не колеблясь поддержал кандидатуру Лазаревича. Испытаны во многих боях, опытны, несмотря на молодость, и начдивы Иван Грязнов, Николай Куйбышев, Иван Федько.

Вечером 4 ноября Фрунзе завершил работу над директивой. «Армиям фронта, — указывалось в ней, — ставлю задачу — по крымским перешейкам ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции». Определяя задачи войскам, командование требовало «всю операцию по форсированию проводить сосредоточенными силами и с максимальной энергией, доводя атаки во что бы то ни стало до успешного конца»[9]. Директива была разослана всем командармам, и 5 ноября Фрунзе с полевым штабом выехал в войска. На следующий день он прибыл на станцию Рыково, где размещался штаб 4-й армии, после чего направился в район дислокации частей 6-й армии. Главное теперь заключалось в том, чтобы за считанные часы завершить все приготовления. Этого требовали обстоятельства. Погода наконец-то смилостивилась и дала дополнительный шанс на успех, которого с таким нетерпением ждали в штабе фронта. Внезапно налетевший порывистый ветер погнал воды Сиваша на восток к Геническу и начал обнажать броды. Вместе с начальниками дивизий, которым предстояло переправляться на Литовский полуостров, Фрунзе отправился к Сивашу.

Берег был полог, но изрезан узкими балками, заросли сухого камыша шуршали под темной водой, в топком иле терялись тропы, сбегавшие с суши. Лишь местные рыбаки и солекопы знали эти броды, но пользовались ими редко: ступишь шаг в сторону — угодишь в яму. Особенно опасно пробираться здесь при сильных ветрах и в густые туманы. А теперь еще враг, окопавшийся на том берегу, непрестанно ощупывал залив лучами прожекторов. Вместе с членами РВС фронта М. К. Владимировым и И. Т. Смилгой Фрунзе вернулся в штаб 6-й армии. Как всегда хладнокровный и на первый взгляд бесстрастный, Корк доложил обстановку, отметив на карте места сосредоточения ударных группировок.

«— Как с проводниками? — спросил Фрунзе.

— Проводники готовы...

Поиск проводников, знающих проходы через Сиваш, шел во всех близлежащих селах — Строгановке, Владимировке, Ивановке... Одним из них стал 45-летний Иван Иванович Оленчук, крестьянин из села Строгановка, где расположился штаб 15-й стрелковой дивизии. Однажды вечером, как вспоминал позднее Оленчук, его вызвали в штаб. «Оделся я, и мы пошли. Приходим в штаб... А в комнате стоит стол, кровать, сидят человек семь военных. Старший смотрит в карту, рядом на столе коробка спичек.

— Скажите, — говорит, — ваше имя и отчество.

— Оленчук Иван Иванович.

Он записал на бумажке.

— Вы, — говорит, — Оленчук, Сиваш знаете?

Перепугался я поначалу... но отвечаю как есть:

— Знаю.

— Хорошо знаете?

— Хорошо знаю.

— А местность кругом Сивашей хорошо знаете? На том берегу?

— Хорошо и местность знаю. И тут и там. Родился и вырос на Сивашах и еще вдобавок занимался соляным промыслом. Тысячи пудов выволок и всю ее на своем горбу перетащил.

Этот товарищ и спрашивает:

— Какой он сейчас, Сиваш, сухой или мокрый?

— Конечно, — говорю, — есть места и посуше, а есть и мокрые. Есть такие места, чоклаками мы их называем, что никогда не высыхают. Снизу них вода течет.

— А если пойдете, сможете их миновать?

— Конечно, если в день, когда видно, то можно безо всякого, а если ночью, то и в грязь попадешь. По Сивашам можно идти и идти, и ничего не будет, а то вдруг тебе по колени, по грудь, и ты пропал. Грязь там необыкновенная: влезть в нее легко, а вот вылезть... Как цемент держит.

— А вы знаете ширину Сиваша? Сколько в нем будет от этого до того берега?

— Не знаю, никто его не мерил, грязный он, кто его будет мерить?

— А не думали вы, сколько будет?

— Да так вроде верст десять.

Он вынул спичку, положил на карту, подвигал, подвигал ее и говорит:

— Вы, Оленчук, не угадали: восемь верст.

— Спорить не буду, не мерил.

— Вам предстоит, — говорит товарищ, — ответственное задание: показать путь нашим красноармейцам через Сиваш. Мы хотим взять вас проводником, чтобы вы довели нас до того берега» [10].

Оленчук согласился, после чего его отправили домой, наказав в любой момент быть готовым к переходу. Среди тех, кто вызвался помочь, были братья Иван и Федор Цыбульские, Андрей Петренко, Михаил Ткаченко, Петр Гирский — солевары и рыбаки из окрестных сел.

Последние сутки, даже часы перед началом операции были наполнены самыми различными событиями — торжественными и будничными. День этот совпал с праздником — третьей годовщиной Октябрьской революции, и это обстоятельство рождало приподнятость и воспринималось как символ скорой победы. Заехав утром в штаб 1-й Конной армии, Фрунзе в присутствии Буденного и Ворошилова написал телеграмму Владимиру Ильичу. Момент был торжественный, и строки, единым порывом выплеснувшиеся на бумагу, отразили волнение авторов: «Сегодня, в день годовщины рабоче-крестьянской революции, от имени армий Южного фронта, изготовившихся к последнему удару на логовище смертельно раненного зверя, от имени славных орлов Первой Конной армии — привет! Железная пехота, лихая конница, непобедимая артиллерия, зоркая стремительная авиация дружными усилиями освободят последний участок советской земли от всех врагов».

Подписавшись под текстом, еще несколько мгновений сидели молча. Фрунзе встал первым.

— Вот и поклялись Ильичу. Теперь до встречи в Крыму [11].

Во всех дивизиях фронта с самого утра прошли митинги, состоялись парады войск. А на Чонгарском участке фронта, который занимала 30-я стрелковая дивизия, утро этого дня было ознаменовано боем, который с целью разведки первой линии обороны противника проводил 226-й Коммунистический полк под командованием Владимира Аронета. Накануне саперы изготовили

несколько пролетов наплавного моста из скрепленных между собой бревен и ночью навели его через пролив. В густом тумане на крымскую землю переправился батальон Константина Петрова. Батальон без выстрела дошел до проволочных заграждений, но, едва бойцы начали резать проволоку, врангелевцы открыли шквальный огонь. Нескольким взводам, несмотря на потери, удалось все-таки ворваться в первую траншею и захватить пленных, но через несколько минут они были выбиты оттуда. С большим трудом остаткам батальона удалось отойти на северный берег. Допрос пленных, среди которых оказалось несколько офицеров, показал, что на первом рубеже обороны белые имеют не менее 50 пулеметов и до 12 орудий для стрельбы прямой наводкой. Непосредственно перед мостом позиции занимали два батальона пехоты. За первой полосой проходили еще две линии окопов, а за ними находились позиции тяжелой артиллерии. Получив эти малоутешительные сведения, начдив Грязнов приказал усилить подготовку к штурму.

День катился к вечеру, и напряжение достигло предела. В штабе 15-й дивизии заканчивались последние приготовления, когда в Строгановку прибыл Фрунзе. Весь день провел он в частях. Печать усталости и нескольких бессонных ночей лежала на побледневшем лице командующего. Корк доложил, что войска готовы к переходу через Сиваш.

— Уточните, на каких участках намечено форсирование и каково построение штурмовых колонн, — попросил Фрунзе.

Корк подошел к висящей на стене карте.

— Переход будет производиться на участке от Владимировки до Ивановки протяженностью до 12 километров по трем основным бродам. В первом эшелоне двигаются 52-я стрелковая Германовича и 15-я Инзенская Раудмеца. Непосредственно за ними уступом вправо следуют части 153-й и кавалерийской бригад 51-й стрелковой дивизии. Их задача — развить успех и, наступая на Караджанай и Армянский базар, нанести удар в тыл перекопской группировке врага в тот момент, когда Блюхер начнет атаку с фронта. Общая численность десанта до 20 тысяч человек. Выход передовых отрядов к заливу намечено начать в 20—22 часа в

зависимости от расстояния до Литовского полуострова, чтобы все колонны подошли к нему примерно в одно время. Если удастся обеспечить скрытность и не переменится погода, то к двум часам ночи передовые отряды достигнут берега.

— Кто из командиров пойдет с коммунистическим отрядом? — поинтересовался Фрунзе.

Встала невысокого роста молодая женщина — начальник политотдела дивизии Александра Янышева.

— Я, Михаил Васильевич.

Фрунзе внимательно посмотрел на нее. Янышеву он знал, а с ее недавно погибшим мужем Михаилом Янышевым дружил еще в пору их совместной подпольной работы среди ивановских ткачей. Но все-таки спросил, выдержит ли она, женщина, ночной переход через Гнилое море.

— Я не как женщина иду, товарищ командующий, а как начальник политотдела, — ответила она и добавила: — Это железное решение коммуниста.

Уловив нотки обиды в ее голосе, Фрунзе кивнул — отговаривать в такую минуту не имело смысла.

Как вспоминал С. Д. Харламов, в ту пору помощник командующего фронтом, Фрунзе хотел сам форсировать Сиваш со штурмовой колонной 15-й дивизии, чтобы в критический момент повести бойцов. Стоило больших трудов отговорить его от этого намерения.

Когда ночная темень опустилась на Сиваш, передовые отряды начали выдвигаться к берегу. Порывами налетал ветер, пробирающий до костей. Двенадцатиградусный мороз сковал землю, и от лошадей валил пар. Первым вошел в Сиваш с длинной палкой в руках проводник Оленчук *. За пешими бойцами связисты тянули телефонный провод. Путь штурмового отряда отмечался вешками для следования за ним полков. Дно у берега было достаточно твердым, но с каждым шагом все сильнее расползалось под ногами. Вода доходила до щиколоток, а затем стало еще глубже. Одежда постепенно покрывалась коркой льда. Нередко попадались

* За мужество, проявленное при выполнении этого задания, И. И. Оленчук был награжден орденом Красного Знамени. В годы Великой Отечественной войны он совершил такой же подвиг, оказав помощь войскам 4-го Украинского фронта в форсировании Сиваша осенью 1943 года.

ямы, которые было трудно миновать в кромешной темноте. Но ни шума, ни крика не раздавалось в ночи. «Даже умирать будем молча», — об этом Янышева говорила еще на берегу. И бойцы шли, вытаскивая оступившихся, сгибаясь под тяжестью пулеметов, с трудом вытягивая ноги из илистого дна. Пушки вязли по самую ось, поминутно приходилось помогать лошадям, выбивающимся из сил. Соленая вода разъедала потертые ноги, обмороженные руки с трудом удерживали оружие, но люди шли.

«Шли не колонной, не массой, а тоненькой цепочкой, — вспоминал Оленчук. — План у меня был такой: провести красноармейцев в тыл белым по дороге, которая покороче. Я знал, где у Врангеля укрепления, я там ездил с фуражом. Возле вала — обрыв. Врангель поставил под обрывом заграждение... Значит, мне нужно было брать больше на восток и зайти заграждениям в тыл.

Когда мы не больше как на километр вошли в Сиваш, засветил прожектор, и вокруг нас стало светлым-светло. Потом потемнело. Глядим, откуда он и взялся, этот туман с Азовского моря, закрыл все кругом. Тогда мы пошли веселей, скорей, очень быстро шли.

Вышли на середину Сиваша, вдруг попали в воду. Зашептали все кругом:

— Вода, вода!

Командир говорит мне:

— Оленчук, вода.

— Ничего, — говорю я, — я знаю, что тут должна быть вода, скоро кончится, не бойтесь.

Когда появился туман, прожекторов мы уже не опасались. Вон, наконец, вижу, что миновали мы Сиваш, это заметно по точке прожектора. Пошли еще немного вперед, так, с полкилометра, и стало сухо, и мы выскочили из воды.

— Крым! Крым! — зашептали кругом.

...Когда дошли до земли и под ногами стало сухо, твердо, а Сиваш был уже за спиной, повернули мы на запад. Прошли версты полторы, показался другой берег полуострова. Туман по-прежнему кругом. Я говорю командиру:

— Вот вам и берег. Вдоль него идите и попадете к Перекопу.

Командир говорит:

— Хорошо, Оленчук. Вы задачу выполнили. И сейчас можете отдохнуть.

Повернул я обратно и пошел той же дорогой. В скором времени слышу: застрочил пулемет, а с чьей стороны — не знаю. И тут же раздался частый оружейный огонь. Ударила артиллерия. Загорелся бой» [12].

Таким образом, выйдя к основанию северной части Литовского полуострова, бойцы 15-й стрелковой дивизии отрезали казакам генерала Фостикова пути отхода к Перекопу. Тем временем к берегу приблизились и передовые отряды 52-й дивизии, на долю которых выпало более тяжелое испытание: свыше километра брести почти по пояс в вязкой ледяной жиже. Недалеко от берега штурмовая колонна разделилась: 465-й и 464-й полки продолжали двигаться к северной оконечности полуострова, а 463-й и кавалерийский повернули влево, обходя ее с востока.

Что касается дальнейших действий, то в приказе по дивизии требовалось: «...быстрым ударом овладеть этим полуостровом, к рассвету 8 ноября привести части в порядок на линии перешейка восточнее Караджаная и атаковать Карпову Балку».

В два часа ночи комдив-52 Германович получил донесение командира 465-го полка Кузьмы Каменщикова: «Штурмовые отряды вплотную подошли к проволочным заграждениям у Литовского полуострова».

— Немедленно атаковать, — последовал приказ начдива.

Проволоку резали ножницами, рубили топорами, забрасывали соломенными матами. Руками расшатывали и вырывали колья. Пока подходила штурмовая колонна, усилиями разведчиков в первой линии проходы были уже готовы. Атака оказалась столь неожиданна, что белые не сразу опомнились. Лучи прожекторов заметались по заливу, заговорила артиллерия. Снаряды взметнули в небо столбы воды и ила. В упор ударили пулеметы. Но первые роты были уже на берегу и стремительно атаковали позиции Кубанской бригады. Несмотря на отчаянное сопротивление, врангелевцы были выбиты из первой траншеи штыковым ударом. Генерал Фостиков спешно доносил Врангелю: «Неизвестными, но крупными силами красные перешли вброд Сиваш. Стремятся

выйти к Караджанаю, Армянску — в тыл Турецкому валу».

Из деревни Караджанай на подмогу отступающим кубанцам спешили офицерские батальоны Дроздовской дивизии. Ряды бойцов штурмовых отрядов быстро редели. В это время во фланг дроздовцам, отрезая их от казаков, ударили цепи 15-й стрелковой дивизии. Бой вспыхнул с новой силой. В яростной схватке, переходящей в рукопашную, белым удалось потеснить 133-й Орловский полк и прижать его к заливу. Но уже выплескивалась на берег волна основных сил 52-й дивизии, чтобы, зацепившись за Крым, помочь товарищам развить успех.

В числе первых выбрались на плацдарм пулеметчики 463-го полка Андриан Кунавин и Спиридон Тушин. Метким огнем отразили они казачью контратаку, поддержав рывок рвущихся вперед бойцов.

Под шквальным огнем поднял свои вжавшиеся в землю батальоны и начдив 15-й Раудмец:

— Нельзя лежать, замерзнем. Только вперед! — И, махнув рукой, пошел, не пригибаясь, прямо на пулеметы. Увидев начдива впереди себя, бросились за ним красноармейцы, смяв беляков, и только потом кто-то тревожно спросил:

— Начдива не видели?

— Жив вроде. На левый фланг поскакал.

Враг оставил и вторую линию окопов. Многие кубанцы сдались в плен, однако было ясно, что главное испытание впереди. Продвинувшись на километр, полки залегли в захваченных траншеях. Огонь противника усиливался. Тяжелые снаряды перепахивали землю, не давая поднять головы. Все смешалось с кровью, грязью, дымом — казалось, небо разверзлось над головами людей. Санитары не успевали оказывать помощь раненым. Перевязанных выносили под береговой обрыв, где на узкой отмели укладывали на солому в ожидании санитарных фур.

Несколько раз белые предпринимали контратаки, но всякий раз откатывались назад. Врангель вынужден был спешно перебросить к Литовскому полуострову часть сил 34-й пехотной дивизии, усилив ее бронеавтомобилями.

— Броневики! — пронеслось по окопам.

Они двигались в мутной предрассветной синеве, увлекая за собой густые цепи пехоты. На какое-то мгнове-

ние красноармейцы смешались. Еще миг, и они могут повернуть назад.

— Стоять, товарищи! Держаться! — перебегал по цепям комиссар 463-го полка Тимофей Ворошилов. Увидев убитого пулеметчика, сам лег за пулемет. Приободрившиеся бойцы залегли, открыли огонь.

— Все! — крикнул бородач, подававший ленты. — Патронов нет.

Выручили артиллеристы. Из сивашских хлябей на прямую наводку выкатили свои орудия расчеты 3-го дивизиона. Батареи Иосифа Евдокимова и Валентина Звержковского с первых же выстрелов подбили три броневика, прижали к земле пехоту.

Дрались прикладами, кололи штыками, бросались врукопашную. Плечом к плечу сражались бойцы разных национальностей. 52-я дивизия была сформирована в 1918 году из польских интернационалистов. И сейчас, два года спустя, в ее рядах воевало немало поляков. В атакующих порядках шли в бой командир полка варшавянин Владислав Коханский, взводный Адам Петцольд, красноармейцы Ян Козинский, Антон Скульский, Бронислав Гаврис и их товарищи, русские и украинские рабочие и крестьяне. Враг вынужден был отступить под этим яростным напором. Утром 8 ноября части ударной группы заняли Литовский полуостров.

Белогвардейцы отчаянными контратаками пытались остановить продвижение советских войск. По отрывочным сведениям, поступающим в штаб фронта, становилось понятным, что противник вводит в сражение все новые резервы. И хотя все полки 15-й и 52-й дивизий уже вступили в бой, перелома не наступало. Каждый шаг вперед стоил огромных усилий, а силы бойцов иссякали. Подходили к концу боеприпасы. Попытки наладить снабжение десанта не привели к успеху. Лишь нескольким ездовым удалось благополучно пробиться через залив, доставить патроны и вывезти часть раненых.

Еще более тяжелое положение сложилось на правом фланге атаки, где переправлялись части 153-й стрелковой бригады Блюхера. Комиссар 459-го полка Константин Телегин так рассказывал о действиях бригады в тот день: «Мы безмолвно шли по вязкому дну Сиваша. Но вот послышались слева и впереди оружейно-пулеметная стрельба, взрывы гранат и глухое раскатистое «ура!».

Началось!.. Передовые штурмующие батальоны 15-й и 52-й дивизий атаковали укрепления противника на Литовском полуострове... Часам к 7 утра впереди нас бой начал удаляться. Значит, противник выбит с передовых позиций, пора вступать в дело и нам. Через полчаса шедший впереди нас 458-й полк сообщил, что 52-я дивизия заняла Литовский полуостров.

...Туман и медленный рассвет лишали возможности видеть, что происходит впереди. В 8 часов 20 минут командир 458-го полка сообщил, что ввязался в тяжелый бой, понес большие потери от артиллерии и пулеметов противника, расположенных на берегу Сиваша, и с трудом сдерживает контратакующего противника. Он просил нашей срочной поддержки.

Бегу в первый батальон, получивший приказ поддержать 458-й полк. Противник сосредоточивает огонь на нас, появились первые убитые и раненые, но батальон энергичными перебежками рванулся вперед. Это подбодрило бойцов 458-го полка. Совместными усилиями контратакующий противник был отброшен, наша цепь продвинулась вперед метров на двести, но была придавлена огнем противника к грязному дну Сиваша. Всякая попытка подняться была гибельна. Враг действовал почти безнаказанно, так как поддерживающая нас легкая артиллерия кавбригады, видимо, застряла где-то на Сиваше, и нам нечем было подавить орудия и пулеметы противника. Большинство наших станковых пулеметов было разбито, расчеты выведены из строя, на исходе патроны, а подносчики в большинстве убиты или ранены. Положение складывалось критическое» [13].

С большим трудом при поддержке подоспевшей артиллерии полкам Блюхера удалось зацепиться за берег и штыковым ударом отбросить 2-й полк Дроздовской дивизии. Однако, пустив в ход бронемашины, дроздовцам спустя час удалось восстановить положение. Лишь ввод в действие последних резервов — саперной команды и комендантского взвода — внес перелом и вынудил белых к отходу в направлении Армянского базара. В этом бою только 459-й полк потерял три четверти своего состава. Среди погибших был и 14-летний комсомолец-подрывник В. Сергеев, шедший в составе штурмовой группы и одним из первых ступивший на берег Крыма.

Все утро этого дня Фрунзе провел в частях 6-й армии. Жадно ловил донесения с того берега, отдавал распоряжения. Получили приказ командующего на выдвижение к Сивашу части 7-й кавалерийской дивизии и отряд махновцев под командованием Каретникова. Готовилась к штурму Турецкого вала и дивизия Блюхера, однако сильный туман над перешейком мешал начать артподготовку.

А на Литовском ситуация по-прежнему оставалась сложной — белые не давали развить наметившийся успех, действовали решительно. Оголяя тылы и отчаянно рискуя, Врангель стягивал к месту прорыва все новые силы из резерва, надеясь сбросить красных с плацдарма и закрыть брешь. Пружина боя натянулась до предела, и Фрунзе чувствовал это. Офицерские полки дрались с яростью обреченных и постепенно начали теснить десант назад, к Сивашу. Части 6-й армии несли тяжелые потери. Грохот сражения с той стороны залива доносился все отчетливей. Еще через час прибывший от Раудмеца связной доложил, что дивизии ударной группы, истекая кровью, с трудом удерживаются на краю Литовского полуострова.

Глава 11

ГЕРОИ ПЕРЕКОПА И ЧОНГАРА

Тем временем на Перекопском перешейке, окутанном густым туманом, полки 152-й и ударно-огневой бригад Боряева и Ринка занимали исходное положение для штурма Турецкого вала. Готовясь к нему, Блюхер разработал необычный в условиях гражданской войны боевой порядок для прорыва укрепленной полосы. «В штурмующих полках, — вспоминал командир пулеметного взвода 455-го стрелкового полка Кузьма Алексеев, — были созданы три наступающих волны: 1-я волна пробивает проходы в проволочных заграждениях, у нее ножницы для резки проволоки и ручные гранаты; 2-я волна — основная ударная сила. Она должна врываться через проходы в заграждениях и штурмовать укрепления белых; 3-я волна называлась чистильщиками — они окончательно расчищают от врага захваченные нами позиции, уничтожают недобитых врангелевцев»[1]. Ввод в действие двух кавалерийских полков для преследова-

ния отходящего врага должен был завершить удар и открыть дорогу подразделениям 151-й стрелковой бригады и Латышской дивизии, до поры стоящим в резерве. Такое построение войск позволяло непрерывно вводить в бой свежие силы и наращивать темпы наступления.

Стянутая на перешеек артиллерия готовилась открыть огонь, но сильный туман, в котором терялись очертания местности, вынуждал несколько раз откладывать начало артподготовки. Наконец пелена тумана начала постепенно редеть. По команде Блюхера десятки орудий ударили по Турецкому валу. Четыре часа грохотала канонада. Вал и прилегающая степь скрылись в дыму, который, смешиваясь с туманом, медленно наползал на позиции дивизии. В силу этого полностью подавить огневые средства врангелевцев не удалось.

Пехотные цепи, поднявшиеся в атаку, встретил убийственный заградительный огонь. Бойцы первой колонны были сметены, даже не достигнув полосы заграждений. На помощь атакующим устремились 14 бронемашин 47-го бронеотряда под командованием Ивана Янковского. Умело маневрируя среди воронок, водители Томас Селямон и Федор Труш несколько раз вплотную подводили свои машины к заграждениям. Здесь пригодились припасенные заранее стальные тросы с крючьями на конце. Один из членов экипажа цеплял крюк за проволоку, после чего броневики ползли назад, волоча за собой вырванные из земли колья и расчищая путь пехоте.

Бойцам второй волны удалось преодолеть первую полосу заграждений, но впереди щетинилась кольями новая. Огонь белых не ослабевал. Уже несколько броневиков жаркими кострами пылали среди степи. Был ранен командир отряда, но после перевязки пересел в другую машину и продолжал бой. Под ливнем свинца штурмовые батальоны пядь за пядью продвигались вперед, неся тяжелые потери. Особенно чувствительными были они среди коммунистов, шедших в первых рядах. До рва перед валом оставалось не более ста метров, но преодолеть вставшую на пути стену огня было выше человеческих сил.

Прижатые к земле цепи требовали огневой поддержки. Приказом начдива несколько батарей были выдвинуты на прямую наводку в боевые порядки пехоты.

Закопченные пушкари, сбросив шинели и обливаясь потом на морозе, повели беглый обстрел вала, под прикрытием которого остатки батальонов второй волны отошли назад. Такого сопротивления врага Блюхеру еще не приходилось встречать. Когда захлебнулась третья атака, он связался с Фрунзе и доложил о неудаче штурма.

— Прекратите атаки до вечера. Перегруппируйте артиллерию. Скоро буду у вас, — прозвучало в ответ.

Положив трубку, Фрунзе посмотрел на Пауку. Начальник штаба подошел к столу:

— Лобовые атаки стоят дорого — я думаю, Блюхер понимает это, но ему трудно примириться с огромными потерями. Может, пока ограничиться этим...

— Нет. Увидев отход, Врангель потянет с вала войска на Литовский. Этого нельзя допустить. Что у Лазаревича, Иван Христианович?

— Командарм-4 докладывает, что попытка наступления 9-й стрелковой дивизии на Арабатской стрелке сорвана огнем кораблей противника. Куйбышев вынужден отойти на исходный рубеж.

— Я еду в 51-ю. — Фрунзе встал, запахнул шинель. — Распорядитесь о приведении 7-й кавдивизии и отряда Каретникова в полную готовность выступить к полуночи на Литовский. Кроме того, необходимо немедленно начать сосредоточение 2-й Конной в районе Перекопа. И передайте Лазаревичу — пусть всячески ускорит подготовку к переправе. У него мало времени, а помощь может понадобиться завтра.

О последующих событиях Фрунзе писал следующее: «8-го около 4 часов дня, захватив с собой командующего 6-й армией, мы приехали в штаб 51-й дивизии, на которую была возложена задача штурма в лоб Перекопского вала. Штаб стоял в селе Чаплинка. Настроение в штабе и у товарища Блюхера было приподнятое и в то же время несколько нервное. Всеми сознавалась абсолютная необходимость попытки штурма, и в то же время давался ясный отчет в том, что такая попытка будет стоить немалых жертв. В связи с этим у командования дивизии чувствовалось некоторое колебание в отношении выполнимости приказа о ночном штурме в предстоящую ночь. В присутствии командарма мною было непосред-

ственно в самой категорической форме приказано начдиву штурм произвести»[2].

На обратном пути Фрунзе заехал во Владимировку, где начальник штаба 52-й дивизии доложил, что части на плацдарме держатся стойко, несмотря на непрерывное давление неприятеля. Особое геройство проявили бойцы и командиры 127-го Мценского полка, составлявшего резерв ударной группы и переправившегося на плацдарм утром. С ходу атаковав дроздовцев, полк значительно потеснил их, захватил четыре орудия вместе с прислугой, а затем, закрепившись, успешно отбил несколько атак противника, дав тем самым возможность перегруппировать силы и привести части на Литовском в порядок. Однако бойцы почти сутки не ели, имеются жалобы на полное отсутствие питьевой воды. Несмотря на все попытки, наладить регулярное снабжение не удается.

Отдав необходимые распоряжения, командующий фронтом направился в штаб 15-й дивизии в Строгановку. Известие, заставшее его здесь, было из ряда чрезвычайных. Вспоминая об этом, Фрунзе отмечал: «Не больше чем через полчаса после нашего приезда в дивизию с линии связи, проложенной через Сиваш к боевому участку, поступают донесения о повышении уровня воды, начавшей медленно затапливать брод. Проверили, оказалось, действительно так. Положение создалось чрезвычайно опасное. Стоило воде подняться еще немного, и тогда полки 15-й, а вслед за тем и 52-й дивизий окажутся отрезанными по ту сторону Сиваша. Надо было немедленно же принимать самые решительные меры, иначе все дело могло погибнуть»[3].

Командующий фронтом действует решительно и энергично. Он вызывает на связь Блюхера. «Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало», — услышал начдив[4]. Части 7-й кавалерийской дивизии и отряд махновцев получают приказ о немедленном выступлении к Сивашу для переправы через залив. Все саперные части и жители близлежащих сел мобилизуются для проведения работ на бродах. После короткого совещания было решено копать ров и соорудить насыпную дамбу, чтобы остановить воду. «Вал насыпали между Строгановкой и Владимиркой, потому что часть Си-

Вид белогвардейских блиндажей у Чонгарских позиций. Осень 1920 г.

ваша возле Строгановки уже была залита, — вспоминал очевидец. — Вал возводили по сухому месту, чтобы преградить путь подходившей воде. Насыпали его из земли, которую выбирали из канавы. Возили кирпич, деревья, солому, кустарник, крепили как могли. Вода была задержана...» [5].

Наступила ночь. «Примерно в 3 часа в Строгановку прибыла 7-я кавдивизия, которая после осмотра тотчас же была отправлена к боевым линиям. Вода же за это время уже сильно испортила брод, но переправа все же еще была возможна. Часам к четырем явились и махновцы. Вызвав к себе командующего Каретникова и начальника штаба, фамилию которого сейчас не помню, я изложил им обстановку и потребовал немедленного отправления на тот берег. На переговоры пришлось потратить целый час. Видимо, махновцы не совсем доверяли мне и страшно не хотели двигаться в поход... Несколько раз Каретников и начальник штаба то уходили, то вновь приходили ко мне под предлогом получения тех или иных данных. Только под утро, часам к пяти,

удалось и их переправить к месту боя»[6]. Описывая события этой тревожной ночи, Фрунзе не счел нужным останавливаться на деталях. Но рассказ командующего дополняют воспоминания комиссара штаба фронта А. А. Осинкина, ставшего свидетелем этой сцены. Каретников, «явившись, держался вызывающе, говорил, что не может выступать, потому что армия чего-то не получила. Фрунзе осадил его и заставил изменить тон.

— Скажите, как поступают в войсках Махно с тем, кто отказывается выполнить распоряжение вышестоящего начальника?

— Этого у нас не бывает, — заносчиво ответил Каретников. — В нашем войске революционная дисциплина и все приказы обсуждаются с начальниками частей.

— Ну а если кто после обсуждения не выполняет приказа? — настаивал Фрунзе.

Каретников замялся, потом сказал:

— Смещают и судят.

— Вот видите, — подхватил Фрунзе. — Почему же вы решили, что в Красной Армии можно обойтись без строгой дисциплины? Если вы в точности не выполните боевой приказ, я сделаю вывод, что вы трусите, и тогда с вами пойдет разговор, как с трусами. Даю вам 15 минут — начинайте переправу.

Внушение подействовало»[7].

Произошло в ту ночь и еще одно событие, оставшееся практически незамеченным. Внезапно прервалась телефонная связь с Литовским полуостровом — провод, проложенный по дну залива, разъело соленой водой. Выход из положения был найден тут же: бойцы роты связи растянулись живой цепью через Сиваш, держа в руках провод, соединяющий оба берега. Четыре часа простояли они в ледяной воде, пока саперы не проложили подвесную линию связи. Среди мужественных связистов было немало комсомольцев, в том числе Геннадий Маландин и Александр Вылегжанин, ушедшие на фронт по комсомольской мобилизации и награжденные орденами Красного Знамени за отличие в боях с Колчаком.

После полуночи Блюхер в четвертый раз поднял полки на штурм. Рев канонады заглушал слова команд, но бойцы уже не нуждались в приказах. Ослепляемые прожекторами, расстреливаемые в упор, они прорвались

ко рву. В первых шеренгах атакующих пробивал себе путь интернациональный батальон 456-го полка. Штурмуя вал, пали смертью храбрых многие бойцы — болгары, венгры, румыны. Геройски погиб и командир батальона, болгарин Георгий Марков.

Уже потом, после отчаянного напряжения этой ночи, из рапортов и донесений, рассказов очевидцев, как мозаика из кусков стекла, стала складываться цельная картина штурма. Скатившихся под убийственным огнем в ров красноармейцев ожидали несколько рядов установленных на дне проволочных заграждений, не пострадавших от обстрела. В порыве ярости проволоку рубили тесаками и лопатами, перекатывались через нее, набрасывая шинели. По обледеневшему склону, подсаживая и помогая друг другу, ворвались на гребень вала, устилая дно телами погибших.

К трем часам ночи части Блюхера оседлали вершину вала. Еще через полчаса отчаянной схватки сопротивление белых было наконец сломлено. На плечах отступающего противника полки 51-й дивизии устремились на юг, к Ишуньским позициям. Срывающимся от волнения и усталости голосом Блюхер доложил Фрунзе: «Перекоп взят, наступаем на Армянский базар». Поздравив начдива и приказав ускорить ввод в прорыв 151-й н кавалерийской бригад, Фрунзе испытал чувство облегчения, словно камень свалился с души. Впоследствии он отмечал: «Со взятием Перекопа для нас в значительной мере ослабела опасность погубить целиком две дивизии, отрезываемые водами Сиваша. Теперь являлась возможность установления с ними связи по твердому грунту, что резко улучшало всю обстановку» [8].

Последние донесения Германовича и Раудмеца также вселяли оптимизм. Переправившиеся на Литовский полуостров 7-я кавалерийская дивизия Н. И. Сабельникова и махновцы совместно с частями 52-й стрелковой дивизии усилили натиск на позиции белогвардейцев и вынудили их начать отход к Ишуни. В этом же направлении продвигалась 15-я стрелковая дивизия, усиленная вскоре переброшенной через Сиваш 16-й кавалерийской дивизией под командованием С. Б. Волынского. Только теперь, впервые за последние трое суток, Фрунзе позволил себе отдохнуть, приказав адъютанту разбудить его через два часа.

В предрассветных сумерках батальоны 459-го полка 153-й стрелковой бригады, наступавшего с Литовского полуострова на Армянский базар, встретились со своими однополчанами по дивизии — передовыми отрядами ударно-огневой бригады, двигавшейся со стороны Перекопа. Остатки 459-го полка получили приказ сосредоточиться в Армянском базаре в качестве бригадного резерва. Усталость и жажда валили бойцов с ног. Но через несколько часов посыльный доставил новый приказ — всем частям дивизии немедленно выступить в направлении хуторов Пятихатка — Тихоновка, прорвать Ишуньские позиции и захватить дефиле между озерами Красное и Старое. Это было нелегкой задачей, так как предстояло вклиниться в сильно укрепленную полосу обороны без поддержки отставшей на Перекопе артиллерии. «Бойцы голодны и измучены, одежда пропитана соленой грязью, соль разъедает тело. Но во главе с коммунистами и командирами бойцы без колебаний вновь пошли вперед. Прикладами и саперными лопатами проделали проходы в проволочных заграждениях и ворвались в первую линию окопов. Вторая линия встретила нас сильным артиллерийским и пулеметным огнем и винтовочными залпами. Попытка атаковать окончилась неудачей» [9]. От Перекопа и Армянска подтягивалась артиллерия. В самый разгар подготовки пришел приказ заменить уставшую 151-ю бригаду В. В. Хлебникова свежими частями Латышской дивизии. Но бригада горела страстным желанием добить врага. От имени бойцов командир и комиссар бригады просили оставить их на позициях. На рассвете 10 ноября В. В. Хлебников поднял бригаду в атаку и вскоре захватил вторую полосу обороны.

К вечеру 9 ноября части 52-й стрелковой дивизии, развивая наступление, также вышли к первой полосе Ишуньских укреплений.

Чтобы сдержать натиск советских войск, белогвардейское командование бросило навстречу частям 6-й армии свой последний резерв — конный корпус Барбовича с задачей во что бы то ни стало удержать совместно с дроздовцами третью полосу обороны и отбросить красных. В приказе, предназначенном для Барбовича, указывалось на необходимость «помнить, что ни один шаг назад быть не может; это недопустимо по общей обста-

новке, вы должны умереть, но не уходить». Рассчитывая скрытно подойти к месту сосредоточения для атаки, Барбович начал марш ночью. Однако этот маневр не остался тайной. Вылетевший утром 10 ноября на разведку летчик 4-го авиаотряда Дедюлин обнаружил близ озера Круглого большую массу вражеской конницы, двигавшейся на север. Это был корпус Барбовича, растянувшийся на несколько километров по степи. Обстреляв колонну из пулемета, летчик повернул на аэродром. Его сообщение было немедленно передано в штаб фронта.

Ввод в сражение кавалерии Барбовича мог существенно повлиять на ход борьбы в районе Ишуньских позиций. Оценивая обстановку, Фрунзе в директиве войскам указал, что противник «главные силы сосредоточивает на Перекопском направлении, где отмечено, кроме 13 и 34 пехотных дивизий, присутствие всего 1 армкорпуса и частей корпуса Барбовича». Далее в директиве ставились задачи: «Командарму 6 продолжать энергичную атаку ишуньских позиций, вводя в бой последовательно резервы и заменяя ими устающие части... Командарму 2 Конной, оказывая самое решительное содействие 6 армии, по овладении нами Ишуньскими позициями сосредоточиться для дальнейшего наступления в районе Воинка — Магазинка — Байсары — Кипчак... По сосредоточении на указанном рубеже совместно с частями 1 Конармии перейти в стремительное наступление и, разбив части 1 армии противника, выйти в тыл чонгарской его группе в общем направлении на Джанкой... Командарму 4 быть наготове в любой момент к решительной атаке Чонгарского и Сивашского перешейков» [10].

В тот же день в докладе главкому, копия которого была направлена В. И. Ленину, командующий фронтом, отнюдь не приукрашивая ситуации, сообщал: «Несмотря на бодрое настроение нашей пехоты, продвижение совершается крайне медленно, и в данный момент я не могу сказать, будет ли армией теперь же выполнена задача по овладению Ишуньскими позициями. Во всяком случае в связи с бездействием нашего флота, чрезвычайной трудностью форсирования в лоб чонгарских переправ и ввиду овладения нами Перекопом и Армянском, центр тяжести удара я переношу на Перекоп. В настоящее время вблизи его сосредоточена вся 2 Конармия... На подготовке операции крайне тяжело отражается отсут-

ствие железнодорожной связи с тылом. Только сегодня ожидается исправление александровского моста, что даст возможность улучшить положение. Части войск, особенно 30, 51, 52 и 15 дивизии, находятся все время под открытым небом без возможности укрыться и при крайне недостаточном обмундировании. Особенно плохо с обувью, которая за дни быстрых маршей страшно истрепалась. Несмотря на все это, настроение частей бодрое и уверенное. В связи со всем изложенным должен сказать, что задача овладения перешейками отнюдь еще не разрешена и может потребовать от нас крайне большого напряжения сил» [11].

Ситуация действительно оставалась сложной. Штаб Врангеля, несмотря на неудачи последних дней, действовал энергично, умело маневрировал резервами и использовал буквально все возможности для упорной обороны на угрожаемых участках. К бесспорным достижениям врангелевского командования следует отнести и умелый отвод войск на Ишуньские позиции. Несмотря на все усилия, окружить белых в районе Турецкого вала не удалось. Это признавал и Фрунзе, когда писал, что «во всех позициях полугодичной борьбы Врангель как командующий в большинстве случаев проявлял и выдающуюся энергию и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то о них приходится дать безусловно положительный отзыв» [12]. Полагая, что чонгарское направление прикрыто достаточно надежно, белые начали переброску под Ишунь и 3-го Донского корпуса. В этом был немалый риск, но иного выхода не было, и Врангель рисковал. Все имеющиеся в наличии силы белых готовились обрушиться на 15-ю и 52-ю дивизии, отбросить их, а затем обойти вырвавшуюся вперед 51-ю дивизию.

В тот же день 10 ноября Фрунзе выехал в 4-ю армию, чтобы ускорить переход в наступление ее войск. Побывав в частях, командующий убедился, что штаб армии работает с полным напряжением и подготовка к штурму, несмотря на нехватку переправочных средств и тяжелой артиллерии, ведется целеустремленно. Политработники не покидали передовых батальонов. Саперные команды, завершив изготовление пролетов наплавных мостков из бревен, связанных попарно, готовили все необходимое для наводки стационарного моста, пригод-

ного для пропуска артиллерии, конницы и обозов. Пехота училась преодолевать проволочные заграждения на специально оборудованных в тылу полигонах. Фрунзе побывал в районе предстоящей переправы — у взорванного железнодорожного моста через Сиваш. Из ледяной воды торчали исковерканные пролеты, скрученные взрывом рельсы. До крымского берега, где мост переходил в узкую, насыпанную по заливу дамбу, оставалось около 300 метров. Кажется, рукой подать, но вброд их не преодолеешь. Из окопа наблюдателей командующий силился разглядеть в бинокль укрепления врангелевцев, но обрывистый берег был пустынен. Заграждения, за которыми таились окопы и укрытия белых, начинались в полукилометре от воды.

Изредка со стороны противника гремел орудийный раскат, и облако земли и дыма вздымалось над степью.

— У них там бронепоезда курсируют. Подойдут, дадут залп-другой и обратно к Таганашу. Днем лучше не высовываться... Впрочем, бойцы уже привыкли, — пояснил сопровождавший Фрунзе начдив И. К. Грязнов.

— Какова у них плотность в первой полосе обороны?

— На километр в среднем до полка пехоты да артиллерия 10—12 стволов, не считая бронепоездов.

— А как бойцы, готовы? Потери будут немалые.

— Знаем, товарищ командующий. Но ведь там, — Грязнов кивнул в сторону Перекопа, — не легче.

«Настроение полков, — отмечал Фрунзе, — было выше всяких похвал. Переданное мною частям сообщение о взятии Перекопа еще более подняло настроение и вызвало горячий дух соревнования» [13].

О духе соревнования командующий упомянул не случайно: первой форсировать Сиваш в этом районе предстояло 30-й стрелковой дивизии Ивана Грязнова. Год назад 30-я и 51-я дивизия Блюхера бок о бок доблестно сражались против Колчака на Восточном фронте. Более того, Блюхеру довелось командовать 30-й стрелковой в 1918 году, в пору становления дивизии, когда Грязнов был там комбригом. Их боевая дружба и взаимное уважение не мешали впоследствии ревностно следить за успехами друг друга. Это и имел в виду Фрунзе, справедливо полагая, что успех Блюхера на Перекопе заставит Грязнова сделать все, чтобы последнее слово осталось за его дивизией.

На состоявшемся в штабе армии заседании военного совета Фрунзе подчеркнул, что обстановка настоятельно требует немедленного перехода в наступление на чонгарском направлении.

— Кому, как не 30-й дивизии, первой прийти на помощь 6-й армии, которой сейчас трудно, — закончил он свое выступление.

Частям 30-й дивизии предстояло наступать на двух основных участках. В районе сожженного гужевого моста в направлении на Тюп-Джанкой форсировать Сиваш должны были полки 89-й бригады Михаила Калмыкова. Потомственный уральский рабочий-стеклодув в годы мировой войны стал георгиевским кавалером, а летом 1917 года вступил в партию большевиков. С началом гражданской участвовал в походе Блюхера, сражался против Дутова, Колчака. Командовал полком, затем бригадой, был награжден орденом Красного Знамени. Как отмечали все знавшие Калмыкова, он был прирожденным командиром — находчивым, решительным, смелым. И хотя в отношениях с подчиненными Калмыков избегал начальственного тона, авторитет его был непререкаем.

90-я бригада Александра Окулича готовилась к переправе через пролив близ взорванного железнодорожного моста и последующему наступлению на Таганаш. В дивизионном резерве находилась 88-я бригада Ильи Смирнова.

С наступлением ночи с моря надвинулся густой туман, который не могли пробить лучи прожекторов. Саперные команды 89-й бригады начали наведение мостков через пролив. Десятки людей в ледяной воде споро и бесшумно делали свое нелегкое дело. Во втором часу удалось связать бревенчатой ниткой оба берега. Спустя несколько минут на переправу пошел 266-й коммунистический полк Владимира Аронета.

«Противник не предполагал такой дерзости, — отмечал Грязнов. — Он щупал лучами прожекторов, но не заметил, как выросла на воде малозаметная тропинка, по которой мог пройти в ряд только один человек... Бегом по одному, балансируя по скользкому, уходящему под воду бревенчатому мостку, бесшумно пробирались бойцы. Малейшее замешательство, задержка могли погубить всю операцию» [14].

К 5 часам утра 11 ноября батальоны завершили переправу и залегли на береговой отмели. Вместе с ними находился и командир полка. Спустя несколько минут дивизионная артиллерия открыла огонь по первой линии укреплений противника. Тридцать минут снаряды рвали проволочные заграждения, кромсали брустверы окопов, взламывали ходы сообщения. Пробив проходы в заграждениях, батареи перенесли огонь в глубину. И тогда Аронет поднял полк в атаку. Врангелевцы встретили красноармейцев беспорядочным, но с каждой минутой усиливающимся огнем. Аронет был ранен в плечо, но продолжал вести полк. Решительным броском, ощетинившись штыками, бойцы без выстрела ворвались в траншею, где закипела рукопашная схватка. В 6 часов Аронет доложил комбригу, что полк штыковым ударом выбил противника из первой линии укреплений и ворвался во вторую.

В этом бою героизм и мужество проявили многие бойцы и командиры полка. Разведчики Трофим Некрасов и Менеязетдин Шингарев первыми вскочили в окоп, уничтожили расчет и, развернув пулемет, открыли огонь по отступающему противнику. Боец Филипп Легостаев подорвал гранатами офицерский блиндаж. Помощник командира роты Елисей Ширинкин взял в плен несколько солдат и офицеров противника. Все они были награждены орденами Красного Знамени. Душой полка оставался его командир. Бывший пулеметчик Петр Гузин свидетельствует: «Метрах в семидесяти от нашего пулеметного расчета находился командир полка, и я видел с самого начала наступления все его действия и поведение на передовой. Его храбрость моментами казалась безумной. Презирая смертельную опасность, грозившую со всех сторон в этом хаосе страшного рукопашного боя, он устремлялся всюду, как ураган... Это был порыв, насыщенный отвагой, мужеством и героизмом человека, преданного своему народу, стране, революции. Наш командир поистине был бесстрашен» [15].

В ту пору Владимиру Аронету исполнилось 24 года. Родился он в крестьянской семье на юге Латвии. С отличием окончил Псковскую учительскую семинарию, готовился учить детей, но помешала война. Вольноопределяющегося Аронета направляют в Алексеевское военное училище, после которого он получает назначение

на Северный фронт. Два года провел он на передовой, командовал взводом, ротой, батальоном, был не раз награжден, ранен. В батальоне Аронета было несколько солдат-большевиков. Знакомство с ними помогло ему сделать свой политический выбор. После победы Октября штабс-капитан Аронет единодушно избирается командиром батальона. Летом 1918 года добровольно вступает в Красную Армию. Далее путь солдата пролег по дорогам Урала, Сибири, Забайкалья, пока не привел в Крым.

Получив сообщение о первых успехах 266-го полка, комбриг Калмыков немедленно бросил через переправу 267-й горный полк Николая Шабалина, а 265-му Александра Кононова приказал сосредоточиться на берегу и быть наготове. Саперы к тому времени навели еще одну наплавную переправу и приступили к постройке свайного моста для артиллерии и конницы.

В шестом часу утра в боевые действия включилась 90-я бригада. При поддержке прибывшего на станцию Чонгар бронепоезда два батальона 268-го Уральского полка во главе с Яковом Кривощековым оседлали остов железнодорожного моста и, преодолев колючую проволоку, овладели первой траншеей Таганашской позиции врага. Особую доблесть в этом бою проявили комсомольцы — бойцы взвода полковой разведки под командованием молодого коммуниста Александра Кабитова. В рукопашной схватке многие из них погибли, а тяжело раненный командир попал в руки белых и после жестоких пыток был повешен. Белогвардейцы пустили в дело тяжелую артиллерию, бросили в контратаку до полка пехоты и вынудили красноармейцев отойти на свой берег. Однако их вылазка облегчила продвижение бригады Калмыкова на тюп-джанкойском направлении. Убедившись, что на участке 89-й бригады обозначился явный успех, Грязнов приказал Окуличу немедленно начать переброску 90-й бригады на переправу Калмыкова.

Получив сообщение о переправе красных в районе Чонгара, Врангель понял всю отчаянность положения: приходилось разрываться между Ишунью и Чонгаром, а силы иссякали. Тем не менее он распорядился повернуть назад 3-й Донской корпус и бросить к Таганашу все исправные бронепоезда. Корпус Барбовича получил приказ немедленно нанести фланговый удар по частям

Группа бойцов Южного фронта, принимавших участие в штурме Перекопа.
Ноябрь 1920 г.

6-й армии севернее озера Красного и, заходя в тыл 51-й и Латышской дивизиям, сражавшимся в районе Ишуни, рассечь и уничтожить войска Корка.

Наступало утро 11 ноября, решающего дня борьбы за Крым. Туман постепенно рассеялся, и по-осеннему робкие лучи солнца залили степь, согревая продрогших бойцов. Части 2-й Конной армии форсировали Сиваш в 13 километрах восточнее Перекопа и устремились на юг. В 6 часов 30 минут части Латышской дивизии, пришедшие на смену бойцам Блюхера, при поддержке артиллерии прорвали проволочные заграждения и в штыковой атаке овладели третьей полосой обороны. Отразив контратаку белых, прикрываемых огнем бронепоезда, 7-й и 8-й полки Латышской дивизии продвигались вперед вдоль тракта Армянский базар — Симферополь.

Кульминация схватки нарастала. На ишуньском направлении конница Барбовича, разгоняя бег коней и развертываясь в лаву, с налета, обрушилась на 7-ю и 16-ю кавдивизии и, разметав их по фронту, всей своей

массой ударила по левому флангу 6-й армии, тесня 15-ю и 52-ю дивизии к Литовскому полуострову и зависая над 51-й и Латышской дивизиями с угрозой выхода на их тылы. Помогая Барбовичу, флотилия белых, вошедшая в Перекопский залив, обрушила град снарядов на красные полки. В этот критический момент Фрунзе приказал Лазаревичу и Миронову: «1. Командарму 4 немедленно переправлять на крымский берег оставшуюся пехоту и конкорпус Каширина. Обеспечивая свой фланг с запада, стремительно бросить конницу на Джанкой и далее в тыл перекопской группе противника. 2. Командарму 2 Конной всеми конными силами немедленно оказать решительное содействие левому флангу 6 армии энергичными и стремительными ударами во фланг и тыл наступающему противнику» [16].

Приказ застал 2-ю Конную на марше. Она спешила навстречу противнику. У Карповой Балки произошло столкновение. «С диким гиканьем и свистом, со сверкающими на солнце саблями мчалась конница Барбовича вслед за отступающими красноармейцами. Спас положение удачный маневр Второй Конной Армии. Навстречу коннице Барбовича с севера показалась конная лава, за ней была скрыта цепь тачанок с пулеметами. Две лавы быстро сближались. Вот уже осталось менее тысячи шагов. И вдруг красные бойцы отскочили направо и налево, лава красной конницы раздвинулась, и перед противником оказалось 250 пулеметов на тачанках. Первые ряды конницы Барбовича были скошены свинцовым дождем. Остальные повернулись и, спасаясь от настигающих пуль, помчались назад» [17]. За ними устремились конники Миронова, рубя отставших. К концу дня дивизия Раудмеца захватила последнюю полосу Ишуньских укреплений, слева от нее продвигалась 52-я Германовича.

Восхищенный их стойкостью М. В. Фрунзе телеграфировал командарму 6-й: «Тов. Корк, пехота 6-й армии в боях перед Перекопскими перешейками покрыла себя неувядаемой славой. Особенно должен отметить боевые заслуги 51-й Московской и 15-й Инзенской дивизий. В обстановке чрезвычайных лишений, невзирая на огромные потери, части дивизий доблестно выполнили свой долг перед родной страной» [18]. К восхищению примешивалось и чувство горечи: в боях за Крым 6-я армия потеряла 384 командира и 5027 бойцов [19].

Тем временем полк Аронета, продолжая наступление, выбил врангелевцев из Тюп-Джанкоя (Предмостное). Не давая врагу опомниться, бойцы преодолели четвертую линию обороны и заняли село Авуз-Кирк (Медведевка). На помощь уже спешили 267-й и 265-й полки. К полудню они вышли к высотам южнее Авуз-Кирка, но, натолкнувшись на огневую завесу, вынуждены были остановиться. Едва стих грохот канонады, на равнину высыпали казачьи эскадроны, за ними массы пехоты. Первой нанесла удар конница. Части бойцов удалось укрыться в оставленных белыми окопах, часть была зарублена на месте. Был тяжело ранен командир 267-го полка Николай Шабалин. Погиб и начальник штаба полка. Командование принял адъютант Шабалина — Николай Егоров. Заняв круговую оборону, красноармейцы отразили атаку конницы, однако полк понес тяжелые потери. В батальонах осталось по 60—100 человек. А на позиции уже надвигались офицерские колонны. Спас положение 269-й полк 90-й бригады, прямо с марша ударивший по белым. В общем порыве поднялись полки Аронета и Кононова. Схватка была отчаянная. Наконец, не выдержав яростного штыкового удара, противник дрогнул и начал медленно пятиться назад. Каждый шаг стоил немалых усилий и потерь. Хутор Джандевлет (Ермаково) несколько раз переходил из рук в руки. В бою за Джандевлет отличился пулеметчик 267-го полка Наум Савинченко, уничтоживший более взвода белогвардейцев. К тому времени секретарю ротной партячейки Науму Савинченко едва минуло двадцать, но он уже два года не выпускал из рук оружие. Орденом Красного Знамени отметила Республика его отвагу и стойкость.

В эти часы части 51-й дивизии, третьи сутки не выходящие из боя, при поддержке латышских стрелков сломили сопротивление врага в районе Ишуни. Со станционного телеграфа начдив Блюхер передал: «Срочно. Всем. Всем. Доблестные части 51-й Московской дивизии в 9 часов прорвали последние Ишуньские позиции белых и твердой ногой вступили в чистое поле Крыма. Противник в панике бежит. Захвачено много пленных, артиллерии, морских дальнобойных орудий, пулеметы и прочие трофеи, кои выясняются. Преследование продолжается» [20]. Солнце склонилось к закату, когда саперы на Чонгаре завершили наводку свайного моста.

Первыми по нему прошли патронные двуколки, полевая артиллерия на рысях, а затем 30-й кавалерийский полк. Получив подкрепление, 89-я и 90-я бригады окончательно отбросили белых от Джандевлета и заняли Копани. 11 ноября к 18 часам на участке Латышской и 51-й дивизий бой утих, и поредевшие части 1-го армейского корпуса противника, опасаясь окружения, начали поспешно отходить к Симферополю, бросая тяжелую артиллерию и часть обозов.

Командующий 4-й армией Лазаревич вечером 11 ноября выехал в штаб 30-й стрелковой дивизии. Штаб грузился на повозки, готовясь к переправе. Узнав, что Грязнов с утра находится на берегу, командарм в сопровождении начальника штаба отправился к проливу. В районе моста, несмотря на сгущающиеся сумерки, царило суматошное оживление. Артиллерийские упряжки, колонны пехоты, кавалерия, обозы — тысячи людей и лошадей нетерпеливо дожидались своей очереди, чтобы перебраться на тот берег. Лазаревич с трудом отыскал Грязнова в людской круговерти.

— Завершаем переправу частей 9-й кавалерийской дивизии Карташева, на подходе весь корпус Каширина, — доложил начдив.

— Что нового у Калмыкова?

— Продвигается вперед. Карташев вовремя подоспел. Спасибо кавалеристам, выручили.

— Когда будет взят Таганаш?

— Бригада Смирнова готова начать. Думаю, к утру Таганаш будет наш.

Грязнов был в приподнятом настроении и не скрывал этого. Возбуждением можно было объяснить и невольно сорвавшийся с языка начдива каламбур, который заставил Лазаревича улыбнуться.

— Куйбышев переправился у Геническа и продвигается к устью Салгира, — добавил командарм.

— Ну, теперь конец барону.

— Смотри, Иван Кенсоринович, хоть Врангель и сломлен, но на Таганаше у него бронепоезда и силы немалые. И задержать нас там ему крайне важно, чтобы отход прикрыть.

— Понимаю, сейчас еду туда. Что бы ни случилось, белых сковырнем.

Грязнов вскочил на коня, поданного ординарцем, бросил пальцы к фуражке и исчез в темноте.

Наступал черед 88-й бригады, стоявшей последние дни в резерве. Комбриг Смирнов расположил в первом эшелоне 264-й Верхнеуральский полк Василия Кузнецова, отличившийся под Сальковом. Быстро наведя бревенчатый мост между взорванными пролетами, полк начал атаку Сивашского моста. Под ураганным огнем, по обледенелым бревнам, ослепляемые прожекторами и скашиваемые шрапнелью, бойцы отряда преодолели проран и зацепились за клочок суши. Подошедшие почти вплотную к дамбе бронепоезда в упор расстреливали наступающих. Казалось, никуда не деться от пуль и осколков. Прямым попаданием разметало по заливу наплавной мост, и саперы, не ожидая команды, бросились в воду, сводя и закрепляя разбитые звенья. Навстречу шквалу огня поднял бойцов своего полка Василий Кузнецов. Поднял и пошел впереди, думая лишь о том, чтобы не упасть раньше, чем волна атакующих захлестнет первую линию окопов. Пули миновали его, хотя это могло показаться невероятным. Отчаянным рывком полк ворвался в траншею противника и выбил врангелевцев в поле. Не останавливаясь, Кузнецов бросил все силы на расширение прорыва. И снова бойцы видели впереди командира полка. Разъяренного, с окровавленным лицом — в рукопашной разбили бровь. На узком перешейке, не более полутора километров шириной, возможна лишь лобовая атака, тут не сманеврируешь. А потому быстрее вперед, на оперативный простор. Но не тут-то было. Вышедший из Таганаша бронепоезд «Офицер» вновь прижимает полк к земле. Бронированный исполин, чувствуя неуязвимость, медленно катился к мосту, поливая свинцом все вокруг.

— Выворачивай рельсы, — выкрикнул кто-то, — заваливай дорогу беляку.

Десятки людей бросились к насыпи. Срывая кожу, руками выдирали из нижней части дамбы камни, устраивая завал на обратном пути бронепоезда, связкой гранат подорвали рельс. Бронепоезд дал задний ход, но было поздно. Уничтожив ремонтную команду, выскочившую разобрать баррикаду, бойцы окружили бронированные платформы, стуча прикладами в стальные двери.

— Вылазь, ваши благородия, приехали...

Бронепоезд, лязгая буферами, отпрянул к мосту, поливая из пулеметов ночную степь, давя и отбрасывая всех оказавшихся на насыпи. Как огромный маятник, метался он между Сивашом и завалом, пока нескольким смельчакам не удалось подорвать шпалы с другой стороны и «стреножить» бег блиндированных вагонов. После короткой схватки врангелевцы выкинули белый флаг.

Поднявшиеся батальоны с ходу ворвались на станцию Таганаш (Соленое Озеро). Пылавшие на путях цистерны с горючим освещали скопление вагонов на путях, груды ящиков и тюков, сваленных в беспорядке внезапного бегства. Командир полка Кузнецов, переводя дыхание, нащупал часы в кармане гимнастерки. Они показывали 3 часа ночи. Начиналось 12 ноября. Дорога в Крым была открыта.

Глава 12

«ЮЖНЫЙ ФРОНТ ЛИКВИДИРОВАН»

Когда 11 ноября оборона белых на перешейках рухнула, Фрунзе обратился к Врангелю с призывом сложить оружие. «Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, — говорилось в радиограмме, — предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками армии и флота, военными запасами, снаряжением и всякого рода военным имуществом». Всем сдавшимся была обещана амнистия, а не желающим остаться на Родине и работать на ее благо гарантировалась «возможность беспрепятственного выезда за границу, при условии отказа под честное слово от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти» [1].

В этот же день Реввоенсовет фронта выступил с обращением к офицерам, солдатам, казакам и матросам врангелевской армии: «Борьба на юге заканчивается полной победой советского оружия. Пали Краснов и Деникин, завтра падет Врангель. Все попытки восстановить в России капиталистический строй с помощью иностран-

ных империалистов кончились позорно. Великая революция победила, великая страна отстояла свою целость. Белые офицеры, наше предложение возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас. Красная Армия в потоках вашей крови утопит остатки крымской контрреволюции. Но мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом» [2].

Врангель не ответил на предложение Фрунзе. Не дошло оно и до его солдат. Через несколько лет барон так прокомментировал эти события: «Наша радиостанция приняла советское радио. Красное командование предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами» [3].

12 ноября Фрунзе докладывал В. И. Ленину: «В настоящее время мы прочно занимаем южное побережье Сиваша, и с утра завтрашнего дня наша конница, заканчивающая сегодня свое сосредоточение на указанных рубежах, бросается преследовать разбитого у укреплений противника. Задачей войскам поставил молниеносными ударами довершить разгром и ни в коем случае не допустить его посадки на суда. Надеюсь, что в 7-дневный срок, считая с 13 ноября, мы будем в Севастополе... Свидетельствую о величайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурмах Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника. Наши потери чрезвычайно тяжелы. Некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава. Общая убыль убитыми и ранеными при штурмах перешейков не менее 10 тысяч человек. Армии фронта свой долг перед Республикой выполнили. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет советским» [4].

К этому моменту безнадежность дальнейшей борьбы стала очевидной для Врангеля. В спешном порядке отдаются распоряжения о подготовке к эвакуации. В порты стягиваются все суда, способные принять на борт людей, включая частные катера и яхты. Идет погрузка угля и воды. На последнем заседании правительства Криво-

шеина принимается решение обратиться к Франции с просьбой о предоставлении убежища. После некоторых колебаний французское правительство согласилось оказать покровительство остаткам разбитого войска и принять изгнанников, однако, как меланхолически отметил в своих воспоминаниях Врангель, потребовало передать ему весь русский флот «для покрытия расходов». Об этом сообщил прибывший в Севастополь на борту крейсера «Вальдек Руссо» адмирал Дюмениль, исполняющий обязанности командующего французской средиземноморской эскадрой *.

Выбора не было, и 11 ноября Врангель отдает последнюю директиву войскам об отходе к портам для последующей эвакуации. 1-му и 2-му армейским корпусам предписывается отступать в направлении на Евпаторию — Севастополь, корпусу Барбовича — на Ялту, кубанцам и донцам — на Феодосию — Керчь. В директиве содержалось требование об оставлении всего тяжелого оружия и военного имущества. Для ускорения темпов продвижения пехоту предлагалось посадить на повозки. Конница должна была прикрыть отход и задержать красных, чтобы дать возможность отступающим оторваться от противника. Но организованного отхода не получилось. Стремясь уйти от преследования, остатки разбитой армии устремились к побережью, бросая все, что мешало движению. Отступление было столь стремительным, что в большинстве случаев противник не успел уничтожить огромных запасов, доставшихся красным. Предпочли плен бегству в неизвестность и тысячи солдат врангелевской армии. Только в Джанкое их сдалось более четырех тысяч. На станции было захвачено свыше 200 вагонов с различными грузами, 4 новеньких санитарных поезда с полным комплектом оборудования, десятки автомобилей, броневики, паровозы, миллионы снарядов и патронов. Все дороги по двум расходящимся от Джанкоя направлениям на Симферополь и Феодосию — Керчь были забиты отступающими войсками и обозами. К сожалению, ненастная погода помешала

* Покидая Крым, врангелевцы увели с собой 2 линкора, 2 крейсера, 10 эсминцев, 4 подводные лодки, 12 тральщиков, 119 транспортов и вспомогательных судов. Флот был доставлен в Бизерту (Тунис), где находилась французская военно-морская база. Впоследствии большинство этих кораблей было продано на слом.

Французские пушки, брошенные врангелевцами на пристани в Севастополе. Ноябрь 1920 г.

организовать бомбежку и штурмовку отходящего противника силами авиации фронта. Но и без этого паника, царившая на дорогах, была всеобщей. Лишь у станции Курман-Кемельчи (Красногвардейск) белогвардейцы пытались приостановить натиск авангарда 2-й Конной армии, но в трехчасовом бою были разбиты и отброшены.

Вызванный из опалы, чтобы хоть как-то выправить положение, генерал Слащев в бессильной ярости направил Врангелю телеграмму: «Лично видел части на фронте — вывод: полное разложение». В штабном вагоне командира 1-го армейского корпуса раздраженный Слащев упрекнул Кутепова в отсутствии воли к продолжению борьбы. Бычья шея Кутепова, обтянутая тугим воротом гимнастерки, побагровела.

— Вам, Яков Александрович, лавры Бонапарта покоя не дают, а у меня задача одна — спасти русскую армию или то, что от нее осталось — сочтемся потом. И спасти не для прожектов всяких, а для дела и для борьбы, но

только не здесь и не сейчас. Бутылку-то крымскую Фрунзе ловко распечатал, ничего не скажешь. А мы криком исходили: оборона неприступна, а делом не занимались. Вот и...

— Бороться и сейчас можно и должно. Но вы правы в том, что многое упущено. Но я спрашиваю, почему не выгнали на позиции всю тыловую сволочь, которая сейчас, уверяю вас, уже сидит на кораблях и ждет отправки. Всех под ружье и в поле.

— Положить армию в степи — дело нехитрое. Только вот чем потом козырять будем, когда уйти придется. Полководцы без армии, кому мы там нужны будем, генерал?

— Не все потеряно. И армию надобно не в Турцию французам под залог везти, а на Кавказе высадить. Всю, целиком. Пан или пропал. Глядишь, казачишки поддержат, да и федералисты тамошние в стороне не останутся. Пообещать им чего-нибудь, а там...

— Какие еще десанты, — тяжело поднявшись, Кутепов с ненавистью посмотрел на собеседника, но сдержал себя. — Впрочем, разубеждать не буду. Снеситесь с главнокомандующим. Возможно, он оценит вашу готовность к самопожертвованию, столь редкую в эти тяжелые дни.

На предложение о высадке на Кавказском побережье Врангель ответил: «Передайте генералу Слащеву: желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты сейчас за неимением средств невыполнимы» [5]. Взбешенный Слащев немедленно покинул Крым на своей паровой яхте «Жанна». Дальнейшая судьба Слащева сложилась непредсказуемо. Размышляя в эмиграции о пережитом, он напишет книгу «Требую суда общества и гласности», где обвинит белых вождей в гибели России. Книга эта лишит Слащева генеральского чина, обречет на злобную ненависть эмигрантских верхов. Осенью 1921 года с разрешения Советского правительства Слащев вернется на Родину, вопреки всем пророчествам будет амнистирован, зачислен на службу в Красную Армию и назначен преподавателем тактики на курсах командного состава «Выстрел». На заседаниях Военно-научного общества, созданного для обобщения опыта гражданской войны, ему не раз придется встречаться со своими вчерашними противниками. Спустя несколько лет Слащев будет застрелен одним из слушате-

лей, брат которого был казнен по распоряжению генерала в годы гражданской войны.

Тем временем войска Южного фронта разворачивали преследование белых. Части 6-й армии продвигались в направлении на Евпаторию, к Симферополю шли полки 2-й Конной армии. За ними выдвигалась 1-я Конная. Соединения 4-й армии при поддержке корпуса Каширина стремились настичь противника, отходящего к Феодосии и Керчи. Однако быстрота отступления врангелевских войск позволила им оторваться от преследователей на 1—2 перехода.

Учитывая крайнюю усталость бойцов и понесенные потери, командование Южного фронта хотело дать дивизиям, штурмовавшим Перекоп и Чонгар, короткий отдых. Однако это вызвало недовольство красноармейцев. Никто не хотел отдыхать, пока враг еще не добит. Бойцы 51-й дивизии обратились к начдиву с просьбой дать им возможность принять участие в окончательном разгроме противника. Зная своих бойцов, Блюхер ожидал этого. «В первом часу ночи к железнодорожной станции подкатил старенький «бенц», из него вышел всегда собранный и подтянутый начдив, — вспоминал Константин Телегин. — Быстро выстроились. Блюхер поздоровался и в коротких словах выразил все наши думы и чаяния, которые так волновали всех в эти дни. Он сказал: «Дорогие мои боевые товарищи! Вы вынесли на своих плечах основную тяжесть боев под Каховкой. Вы заставили трепетать врага и бросить против вас свои лучшие силы под Серогозами. Вы совершили героическое форсирование Сиваша, своей кровью и жизнью лучших бойцов, командиров и политработников сдержали бешеный натиск врага в Карповой балке. И теперь, несмотря на усталость и малочисленность ваших рядов, я отдал приказ начать преследование врага до полного его уничтожения. Впереди уже части 2-й Конной армии. Но я верю, что вы от них не только не отстанете, но и первыми пронесете боевое знамя по улицам Севастополя. Я приказал вашему полку не позднее... 15 ноября занять город Севастополь. Я верю, что эту задачу вы выполните с честью, как это делали до сих пор». Радостью и восторгом были встречены эти слова любимого начдива... Приходилось удивляться, откуда берутся такие неиссякаемые источники физической и моральной силы,

чтобы после перенесенного и пережитого с таким энтузиазмом стремиться за два с половиной дня пройти почти двести километров»[6]. По этому поводу член РВС Южного фронта С. И. Гусев писал впоследствии: «В чем Врангель ошибся? Чего не учел? Не учел Врангель трех вещей: силы советского строя, силы Коммунистической партии и героизма красноармейца»[7].

В то время как войска Южного фронта штурмовали белогвардейские укрепления на Перекопе, партизаны и подпольщики Крыма усиливали удары по врагу, дезорганизуя его тыл. По решению штаба Повстанческой армии все партизанские отряды и полки нацеливались на перехват отступающих подразделений противника. Вечером 11 ноября партизаны во главе с А. В. Мокроусовым заняли село Баксан (Межгорье). Высланная на шоссе разведка доложила, что обозы врангелевцев движутся из Симферополя на Карасубазар (Белогорск). Захваченные пленные подтвердили, что белые отходят от перешейков. Быстро были собраны в Баксане и других окрестных селах подводы, и утром, разбившись на несколько групп, отряды вышли к шоссе, окутанному туманом. Командир конного полка Павел Макаров так описывал дальнейшие действия партизан: «С повозок в цепь!» — раздалась команда, и партизаны дружными цепями перешли в наступление. Наш 1-й конный полк находился на левом фланге. Он схватился с кавалерией противника. Завязалась сильная пулеметная и ружейная стрельба. Белые поливали огнем из тридцати пулеметов, у нас же работало только четыре. Но нам помогли неожиданность нападения и туман. Через полчаса белая конница в панике бежала на Карасубазар. Мы захватили много пленных, пятнадцать пулеметов, часть обоза и двуколки с патронами. В разных местах на шоссе стояли оставленные белыми орудия, лежали груды снарядов... Группами стояли пленные с поднятыми вверх руками. ...Мы быстро двигались вперед, не имея даже времени на сбор трофеев, брошенных белыми. С хода был занят Карасубазар... Вскоре после этих событий произошла встреча партизан с частями Красной Армии»[8].

Рабочие авиасборочного завода Анатра организовали вооруженный отряд и не позволили белым разграбить заводское оборудование и угнать несколько собранных

самолетов. 12 ноября группа феодосийских подпольщиков проникла в артиллерийские склады, расположенные вблизи станции Сарыголь (Айвазовская), и подожгла их. Загремели взрывы, над станцией взметнулось зарево пожара. Пользуясь возникшей паникой, отряд подпольщиков окружил тюрьму. Охрана не оказала сопротивления. Перепуганные надзиратели сами начали открывать камеры и выпускать арестованных.

Как вспоминал Алексей Мокроусов: «Когда я был с частями в Карасубазаре, явились из Капсихора крестьяне и сообщили, что пришел из Новороссийска пароход с вооруженными матросами. Я понял, что это был десант, на который мы возлагали столько надежд» [9].

История этого десанта заслуживает более подробного описания. В начале сентября партизанский штаб принял решение направить через линию фронта надежного человека для информации советского командования об обстановке на полуострове и действиях Повстанческой армии против Врангеля. Выбор пал на Ивана Папанина. Во врученном ему зашифрованном докладе отмечалось, что «для успешного партизанского движения необходимо доставить из центра оружие следующим образом. Дать в распоряжение тов. Папанина один истребитель... или же быстроходный катер, на котором можно было бы, кроме оружия, доставлять также хотя бы раз в неделю человек по пятьдесят людей, которых свободно можно высадить во всем районе между Алуштой...» * Долгой и полной приключений была дорога Папанина в Советскую Россию. С помощью контрабандистов он переправился в Турцию, а затем, преодолевая неимоверные трудности и лишения, две недели пробирался вдоль анатолийского побережья до Трапезунда, где размещалось советское консульство. Через несколько суток на транспортном буксире Папанин прибыл в Новороссийск, откуда выехал в Харьков. Руководители Закордота представили его М. В. Фрунзе.

Как вспоминал Папанин, командующий фронтом встретил его настороженно.

«— Вы товарищ Папанин? Здравствуйте. Вы из тыла Врангеля?

— Да, — ответил я.

* На этом текст обрывается.

М. В. Фрунзе вручает 51-й стрелковой дивизии Красное Знамя Реввоенсовета Южного фронта за взятие Перекопа. Ноябрь 1920 г.

— Вы член партии?

— Да, — ответил я.

— Чем докажете?

— В Центральном Комитете Коммунистической партии Украины должны меня знать, я был комиссаром оперативного отдела штаба морских сил Юго-Западного фронта.

Товарищ Фрунзе тут же поручил своему секретарю связаться с Феликсом Коном, который в то время был секретарем ЦК партии. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Из ЦК сообщили: «Папанин — член партии, и последняя его работа — комиссар оперативного отдела штаба морских сил».

Но это сообщение не удовлетворило Фрунзе.

— Телефон телефоном, получите в ЦК официальную справку, — сказал Михаил Васильевич своему секретарю.

...Быстро прочитав полученную из ЦК справку, Фрунзе еще раз пристально посмотрел на меня и, обращаясь

ко мне, дружеским тоном сказал: «Ну теперь давайте поговорим» [10].

По решению Реввоенсовета фронта были выделены средства и оружие для крымских партизан, оказана помощь в формировании десантного отряда из моряков-добровольцев. Фрунзе отдал распоряжение командованию Азовской флотилии о передаче папанинскому отряду двух катеров-истребителей. В конце октября отряд, погрузив полученные в Таганроге катера и оружие на железнодорожную платформу, отправился в Новороссийск. Вечером 9 ноября катер Ми-17, где находился Папанин, и два парохода «Рион» и «Шахин» скрытно покинули гавань. Шли с потушенными огнями. Разыгравшийся шторм скоро разбросал суда. На «Рионе» произошла авария, судно стало тонуть. С трудом удалось переправить людей на «Шахин». Перегруженный до предела, едва выдерживая удары волн, он повернул обратно.

Не найдя транспорты, Папанин принял решение идти в Крым самостоятельно. И тут случилось непредвиденное: заглох мотор. Восемь часов колдовали над ним Папанин с механиком. Эти часы показались команде вечностью — сильный западный ветер нес истребитель к Севастополю. Бушевавший шторм вымотал всех. Бойцы измучились от качки и жажды — бочонки с водой были смыты с палубы. Сохранить мужество экипажу помогал будущий писатель Всеволод Вишневский, шедший на катере в качестве замполита и старшего пулеметчика. «В самые тяжелые, ответственные минуты, — вспоминал об этом переходе И. Д. Папанин, — у Вишневского находились ободряющие слова, которые глубоко западали в души бойцов. «Браточки! Крепитесь, не то еще переживали..» — успокаивал он изнывающих от жажды бойцов» [11].

Видно, не зря в бригаде бронепоездов Папанина считали профессором по части двигателей разных систем. И здесь к вечеру мотор вновь заработал. Вскоре справа по курсу открылся маяк Меганом. Ми-17 подходил к берегу вблизи того места, где впервые высадились Мокроусов и его товарищи, — к деревне Капсихор. Огромные волны с грохотом разбивались о прибрежные скалы. Подняв над головой маузер, Папанин первым бросился в ледяную воду. За ним последовали остальные бойцы.

Потом перетащили на берег весь груз. Оставив на катере трех бойцов, Папанин двинулся по шоссе в горы, где его приветствовали крестьяне окрестных сел. Отряд быстро рос. Уже утром он имел несколько повозок и свою конную разведку. Близ Алушты соединились с партизанами, а затем — с передовыми частями 51-й дивизии.

В эти же дни в приморских городах Крыма разыгрывался последний акт драмы белого движения. Как выглядели эти события в глазах очевидцев и участников? Спустя годы многие из них отразили свои впечатления в мемуарах, ставших первой попыткой осмыслить пережитое. Под пером Врангеля паническое бегство приобрело характер действия вполне организованного и даже героического. «Войска отходили в полном порядке, — повествовал барон. — Всем желающим остаться была предоставлена полная свобода, однако таковых оказалось немного». Врангель лукавил: желающих остаться нашлось более чем достаточно. Далее Врангель продолжал:

«В десять часов утра 1 (14) ноября я с командующим флотом объехал на катере грузящиеся суда. Погрузка почти закончилась. На пристани оставалось несколько сот человек, ожидавших своей очереди. При проходе катера с усеянных людьми кораблей и пристани неслось несмолкаемое «ура». Махали платками, фуражками... Больно сжималось сердце, и горячее чувство сострадания, умиления и любви ко всем этим близким сердцу моему людям наполняло душу». Чувство меры и реальности явно отказало барону, ибо действительность была далека от изображаемой им поистине идиллической картины. Но не только этим грешат мемуары бывшего «правителя Юга». Правды нет и в утверждении, будто «тоннажа оказалось достаточно и все желающие были погружены. В городе было полное спокойствие, улицы почти пусты»[12]. К тому времени улицы действительно опустели, но всюду в портах и на подступах к ним разыгрывались настоящие сражения за места на судах. Тысячи обезумевших, отчаявшихся людей бросались к трапам перегруженных пароходов, прорывая оцепление, сталкивая друг друга в воду. С переполненных палуб стреляли по шлюпкам, пытавшимся подойти к транспортам. Корреспондент берлинской эмигрантской газеты

«Руль» сообщал, что число покончивших во время эвакуации самоубийством, задавленных, сброшенных в море не поддается учету.

И тоннажа оказалось явно недостаточно, хотя целая флотилия самых разных судов, от линкора и океанского лайнера до дырявого угольщика и парусных яхт, увозила к турецким берегам остатки белого воинства. «Желающих выехать из Крыма набралось множество, не хватало пароходов, — вспоминал очевидец. — Грузились все, даже и те, кому вовсе не следовало грузиться, как, например, солдатские проститутки. Столбовые обломки старой России — бюрократы, аристократия, помещики, коммерсанты, — конечно, уселись на пароходы еще до отхода войск и, разумеется, не в трюмы, а в благоустроенные каюты... Генерал Май-Маевский, бывший командующий Добровольческой армии, тот самый тучный алкоголик, который так памятен Харькову своими чудовищными кутежами, умер от разрыва сердца в автомобиле, когда его везли на пристань. В Севастополе погрузили одних только генералов, служащих и неслужащих, до 800 человек» [13].

«Со всех сторон в Севастополь прибывали новые и новые толпы беженцев, офицеров и солдат. Ехали на подводах, шли пешком. За подводы платили миллион, — писал журналист Г. Раковский. — На дороге валялись испорченные автомобили, брошенные повозки, телеги, бродили лошади... Толпы беженцев со всем своим скарбом в течение 3-х суток стояли вдоль бухты сплошной массой, терпеливо ожидая погрузки, боясь отлучиться от пристани» [14].

Свидетель эвакуации в Феодосии так описал эту картину: «Отступавшие части с Арабата сливались с потоком, несшимся с Перекопа, и бурно вливались в Феодосийский порт... Грузили что могли. Когда были заполнены большие пароходы, стали захватывать все мелкие суда... Между тем бегущие войска продолжали прибывать непрерывным потоком. Походные кухни, обозы, автомобили, артиллерия — все это, спеша, мчалось в порт... По улицам валялись брошенные повозки, оружие, амуниция. Но вскоре в порту не осталось ни одного парохода. Нагрузившись, они снимались и выходили на рейд. Все было кончено» [15].

14 ноября в 18 часов последний корабль покинул

Севастополь. Это был линкор «Корнилов», на борту которого находился Врангель. В 18.45 была получена радиограмма с британского эсминца, оставшегося на севастопольском рейде: в город вошли красные.

Сам Врангель отмечал, что «на 126 судах вывезено было 145 693 человека, не считая судовых команд»[16]. У большинства эмигрантов сохранились самые ужасные воспоминания об этой эвакуации. «Я стою на борту «Владимира», вплотную притиснутый к перилам, и смотрю на берег, вниз, — писал вернувшийся впоследствии на Родину Г. Федоров, — и там огромная толпа желающих покинуть Крым беспорядочно давит друг друга, людской поток судорожно бьет кверху по трапу, оттесняя, давя, опрокидывая... и нет никаких сил заставить это обезумевшее в панике человеческое стадо планомерно погрузиться на пароход»[17]. Его дополняет И. Калинин: «Переполнение пароходов достигло высшей точки. На нашей «Мечте» насчитывалось до 6—7 тысяч, на «Владимире», говорят, — до 12 000 человек... На нашей «Мечте» были случаи родов, были случаи смертей... И тут же следы грязи, смрада, мириад паразитов... В этом омуте погас стыд, иссякли все человеческие чувства. Все смешалось в одну гноеточивую массу — не разберешься: кто тут хам, кто барин, кто интеллигент, кто невежда, кто солдат, кто офицер. Одинаковые бедственные условия нивелировали всех»[18]. «Для многих путь до Константинополя оказался настоящей пыткой и в прямом смысле слова последним путем. Не хватало пищи, не было воды. Задыхались от тесноты, замерзали от холода в ледяных трюмах, умирали от тифа.

Это была катастрофа белых. Так сами они стали называть потерю Крыма — последнего своего оплота в Европейской России. «В лице России № 2 Россия настоящая выбросила за границу весь сор, всю гниль, всю заваль», — вынужден был с горечью признать Г. Раковский. При всей категоричности подобных суждений была в них немалая доля истины. Вместе с тем обосновавшаяся в Турции, а затем разнесенная по Европе врангелевская эмиграция представляла весьма неоднородный конгломерат, с каждым годом охватываемый все более заметным процессом расслоения. Наряду с ярыми врагами Советской власти было среди изгнанников немало тех, для кого разлука с Родиной оказалась

невыносимой. Стремление вернуться захватит прежде всего массы солдат и казаков. Этому будет способствовать и объявленная Советским правительством амнистия рядовым участникам белогвардейских армий. Уже в первые месяцы 1921 года около 7 тысяч солдат и казаков вырвутся из врангелевских лагерей и возвратятся в Советскую Россию. Поток этот будет нарастать. В числе репатриантов окажутся многие представители интеллигенции, а также офицеры и генералы, служители культа... Интересна судьба митрополита Вениамина, духовного пастыря врангелевского воинства. Перебравшись в США, где он станет экзархом Московской патриархии в Северной Америке, Вениамин постепенно изменит свое отношение к родной стране. После нападения фашистской Германии на Советский Союз митрополит примет активное участие в сборе средств для Красной Армии, в антифашистских собраниях и митингах. С окончанием войны он также вернется в СССР. Время откроет глаза многим...

Утром 14 ноября Латышская дивизия вступила в Евпаторию. Над городом висел едкий дым. Горели подожженные белыми склады с зерном, потушить которые удалось лишь на следующий день. В этот же день войска 4-й армии и отряды партизан освободили Феодосию. 15 ноября части 51-й дивизии и 1-й Конной армии вошли в Севастополь. В нескольких километрах от города красноармейцев встретили посланцы ревкома, взявшего власть после бегства белых. Бойцов ждал восторженный прием. На Северной стороне были накрыты столы. До площади Нахимова полки двигались среди моря людей, горячо приветствовавших своих освободителей. Реввоенсовет 1-й Конной армии сообщал: «Сейчас получена телеграмма из Ялты об образовании там ревкома... В Севастополе среди рабочего населения огромный подъем и ликование по случаю освобождения Крыма от белогвардейцев. Реввоенсоветы оперирующих в Крыму армий принимают все меры к скорейшему восстановлению революционного порядка. Десятки тысяч солдат Врангеля оставили своих генералов, регистрируются и направляются на север...» [19].

С Врангелем ушли далеко не все из тех, кто в эмигрантских изданиях именовался не иначе как «цветом нации». Среди оставшихся в Крыму было немало пред-

Похороны павших в борьбе с Врангелем. Симферополь. Ноябрь 1920 г.

ставителей интеллигенции, отвергших самые блестящие предложения европейских университетов и фондов. Ученые с мировым именем: В. И. Вернадский, А. А. Байков, В. А. Обручев, А. В. Палладин, А. Ф. Иоффе, Д. К. Чернов, известные писатели и поэты В. В. Вересаев, С. Н. Сергеев-Ценский, К. А. Тренев, С. Я. Елпатьевский, М. А. Волошин, художники Н. С. Самокиш и К. Ф. Богаевский, выдающийся певец Л. В. Собинов, композитор А. А. Спендиаров. У многих из них отношение к революции было весьма сложным. Тот же М. Волошин еще не так давно взывал:

О, господи, разверзни, растопчи!
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство, вновь и навсегда...

Но и он предпочел полуголодное существование в разоренной Отчизне сытому прозябанию вдали от нее...

Повсюду в освобожденных от белых городах и селах восстанавливалась Советская власть. Работников не хва-

тало — белый террор унес тысячи жизней. На помощь пришла армия. Многие армейские коммунисты были направлены на партийную и хозяйственную работу в разоренном войной крае. Секретарем Крымского обкома партии стала Р. С. Землячка, начальник политотдела 13-й армии. 16 ноября на совместном заседании РВС 6-й армии и обкома РКП(б) был образован Крымский ревком. В приказе, изданном по этому поводу, подчеркивалось, что «впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на его территории принадлежит Крымскому революционному комитету». Председателем Крымревкома был назначен член РВС Южного фронта Бела Кун, заместителем председателя — один из руководителей борьбы за Советскую власть на полуострове Ю. П. Гавен. Одним из первых приказов Крымревкома многим видным деятелям отечественной науки и культуры, живущим в Крыму, были предоставлены академические пайки и выданы охранные грамоты на квартиры и имущество. Интересно в этом отношении свидетельство академика Петра Леонидовича Капицы о крупнейшем ученом-металлурге Д. К. Чернове. «Во время революции, — пишет он, — Чернову было уже около 80 лет, он был профессором Михайловской артиллерийской академии, генералом и имел придворное звание камергера. Во время гражданской войны он жил на своей вилле в Крыму, который был занят Врангелем. Когда Врангелю пришлось покинуть Крым, он предложил Чернову эмигрировать вместе с ним, но Чернов отказался и остался один в своей вилле, в окружении уже теперь Красной Армии. Запросили Ленина: что делать с Черновым? Ленин дал указание всемерно оберегать Чернова, и тогда у его виллы была поставлена специальная охрана из краснофлотцев. Обо всем этом мне рассказал Я. И. Френкель, который тогда был молодым ученым, коммунистом. Сразу после освобождения Крыма Френкель стал организовывать в Симферополе университет, и он обратился к Чернову как к ученому и попросил помощи. Чернов согласился занять в университете кафедру. Так в результате ленинского мудрого решения возникло сотрудничество в науке между большевиками и камергером двора его величества»[20].

В этот же день, 16 ноября, 3-й конный корпус освободил Керчь. Советским войскам досталась вся кре-

Группа бойцов — участников штурма Чонгарских позиции.
Ноябрь 1920 г.

постная артиллерия, более 1,5 тысячи вагонов с различным имуществом и продовольствием, 9 тысяч брошенных белыми коней. Многотрудная восьмимесячная борьба увенчалась победой. В войне с Врангелем была поставлена последняя точка. Получив донесение Каширина, Фрунзе направил В. И. Ленину телеграмму: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован. Ст. Джанкой. 16.XI».

Фронт выполнил поставленную В. И. Лениным задачу — покончить с Врангелем до зимы. В Симферополе в нетопленых помещениях Ревкома Фрунзе писал последний приказ, ставший достоянием истории: «Боевые товарищи — красноармейцы, командиры, комиссары! Ценой ваших героических усилий, ценой дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников — заграничных капиталистов. Отныне красное знамя — знамя борьбы и побед реет в долинах и на высотах Крыма и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях. 50 дней прошло с момента образования Южфронта. За этот короткий срок, бла-

годаря вашей стойкости и энергии, была ликвидирована угроза врага Донбассейну, очищено все Приднепровье и занят весь Крым. Честь и слава погибшим за свободу! Вечная слава творцам революции и освободителям трудового народа!

Особо отмечаю исключительную доблесть 51, 15 стрелковых дивизий в упорных боях под Юшунем, героическую атаку 30 стрелковой дивизией чонгарских переправ, лихую работу 1 и 2 Конармий, выполнивших задачу вдвое короче поставленного срока, и всех многих героев, давших новую великую победу нашей Советской республике.

Да здравствует Красная Армия! Да здравствует конечная мировая победа коммунизма!» [21]

Победа над Врангелем имела огромное военное и политическое значение. Стране был возвращен важнейший в стратегическом и экономическом отношении район. Кроме того, без разгрома Врангеля не могло быть прочного мира с буржуазно-помещичьей Польшей. Уничтожив «черного барона», Красная Армия закрепила мирный договор с Польшей, положила конец последнему походу Антанты против нашей страны. Результатом победы стало и возобновление англо-советских переговоров. В тот ноябрьский день, когда в Лондоне стало известно о крахе врангелевской авантюры, немедленно собрался кабинет министров и большинством голосов высказался за торговое соглашение. Выступая 18 ноября в палате общин, Ллойд Джордж заявил, что британским кабинетом выработаны основы соглашения с Россией. Надежды консервативной верхушки Великобритании и правящих кругов других стран Запада на уничтожение Советской власти с помощью военной силы рухнули. Через несколько дней проект соглашения был вручен Л. Б. Красину. Трехлетняя война в защиту Великого Октября от нашествия международного империализма и сил внутренней контрреволюции завершилась исторической победой советского народа.

В борьбе с врангелевщиной части Красной Армии проявили массовый героизм. Вместе с тем ее бойцы и командиры показали возросшее воинское мастерство, умение поражать сильного, технически оснащенного противника. В ходе боевых действий только с 28 октября по 16 ноября 1920 года части Южного фронта взяли в плен 52 тысячи белогвардейских солдат и офицеров, захва-

тили 276 орудий, 7 бронепоездов, 15 бронемашин, 100 паровозов, 34 корабля всех типов.

Военные историки назовут наступательную операцию, проведенную войсками фронта, одной из самых ярких операций гражданской войны. Специалисты отметят цельность ее замысла, последовательность проведения и разнообразие форм оперативного маневра: окружение в Северной Таврии, умелое применение обходов в сочетании с фронтальными ударами при прорыве мощных оборонительных сооружений на Перекопе, сосредоточение превосходящих сил на главных направлениях и глубокое их эшелонирование. И все сойдутся на том, что именно полководческое дарование Фрунзе, возросшее искусство управления войсками, мужество и самоотверженность красноармейцев позволили обеспечить безоговорочный разгром врангелевщины в сравнительно короткие сроки.

Выступая с докладом на VIII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин высоко оценил выдающуюся победу советского оружия: «Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной» [22].

Боевые заслуги более 40 соединений и частей Южного фронта были отмечены орденами Красного Знамени и Почетными революционными Красными знаменами ВЦИК. Особо отличившиеся в сражениях дивизии получили почетные наименования: 15-я стала Сивашской, 51-я — Перекопской, 6-я кавалерийская — Чонгарской. Почетным революционным оружием — шашкой с позолоченным эфесом и наложенным на него орденом Красного Знамени — были награждены М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, А. И. Корк, Ф. К. Миронов, Н. Д. Каширин и Я. Ф. Балахонов. Нескольким тысячам бойцов, командиров и политработников были вручены ордена Красного Знамени. Среди удостоенных этой награды: член

РВС фронта С. И. Гусев, командующие армиями К. А. Авксентьевский, В. С. Лазаревич и И. П. Уборевич, члены РВС армий Н. П. Горбунов, К. А. Макошин, Д. В. Полуян, начальники дивизий В. К. Блюхер, М. Я. Германович, О. И. Городовиков, И. К. Грязнов, В. Я. Качалов, А. Е. Карташов, А. Я. Пархоменко, И. И. Раудмец, С. К. Тимошенко, И. Ф. Федько, комиссары дивизий М. Л. Белоцкий, А. М. Гордон, Н. Д. Ефуни, начальник управления связи фронта Н. М. Синявский, начальник бронечастей 6-й армии А. В. Полупанов, командующий Усть-Днепровской флотилией Б. В. Хорошхин, комиссар Азовской флотилии Я. И. Озолин, командиры бригад Н. П. Колесов, М. В. Калмыков, Ф. А. Лабренц, Н. В. Медведев, И. К. Смирнов, К. Д. Стражиц, командиры полков В. А. Аронет, А. П. Кононов, В. И. Кузнецов, В. С. Коханский, М. Д. Соломатин, Т. И. Шевалдин, командир 47-го бронеотряда И. В. Янковский, начальник политотдела дивизии А. А. Янышева, комиссары полков и бригад Т. Р. Ворошилов, К. Ф. Телегин, В. И. Шатилов, М. А. Экон, командир артдивизиона Л. А. Говоров, начальник отряда катеров Г. А. Бутаков, командиры катеров Н. А. Крат, В. С. Ершов, летчики И. У. Павлов, Ю. И. Арватов, Н. Н. Васильченко, И. Ф. Воедило, Я. Я. Гуляев, В. А. Захаров, Н. И. Золотов, П. Х. Межерауп, воины-интернационалисты: комбриг Данила Сердич, командир эскадрона Василий Димитров, командир для особых поручений Мате Залка, летчик Ганс Киш и многие их боевые товарищи.

Недолгим будет мир для многих из них. Спустя считанные дни в схватках с махновцами погибнут А. Я. Пархоменко и Ф. А. Лабренц. Назначенный Главным инспектором кавалерии РККА Ф. К. Миронов в 1921 году будет арестован по ложному обвинению в контрреволюционном заговоре. В своем письме из Бутырской тюрьмы, адресованном председателю ВЦИК М. И. Калинину, Миронов напишет: «Не хочу допускать мысли, чтобы Советская власть по подложному, необоснованному обвинению гильотинировала одного из лучших своих борцов... Не хочу верить, чтобы подлая клевета была сильнее очевидности моих политических и боевых заслуг перед социальной революцией и Соввластью, моей честности и искренности перед ней»[23]. Письмо не дойдет до адре-

сата. 2 апреля 1921 года прославленный командарм будет расстрелян во дворе тюрьмы. И лишь через долгие сорок лет клеймо предателя и изменника Родины будет стерто с его имени. Старые раны и болезни преждевременно сведут в могилу М. К. Владимирова и Я. Ф. Балахонова, И. Д. Сладкова и А. П. Кононова и многих других. При выполнении ответственных заданий погибнут летчики П. Х. Межерауп и К. П. Скаубит. В Испании, борющейся с фашизмом, оборвется жизнь Мате Залки, ставшего генералом Лукачем — командиром прославленной интернациональной бригады.

В войсках Южного фронта сражалась с врагом плеяда выдающихся полководцев и военачальников Красной Армии. В шеренгах его бойцов начинали свой боевой путь сотни командиров и политработников, на долю которых выпало отстоять Родину в годы Великой Отечественной войны. Через несколько лет победитель Врангеля М. В. Фрунзе будет назначен председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам, а после преждевременной его кончины, повергшей в траур всю страну, этот пост займет К. Е. Ворошилов. В 1940 году наркомом обороны станет комдив 1-й Конной С. К. Тимошенко. Среди пяти руководителей Красной Армии, первыми удостоенных в 1935 году высшего воинского звания Маршала Советского Союза, будут участники разгрома Врангеля В. К. Блюхер, С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов.

Более 10 лет жизни отдаст укреплению дальневосточных рубежей Отчизны командующий Отдельной Краснознаменной армией В. К. Блюхер. Это о его армии сложат песни, это его имя с восторгом и гордостью будет повторять страна, узнав о подвигах героев КВЖД. Командующими войсками военных округов и видными штабными работниками, начальниками военных академий и управлений Наркомата обороны, командармами и комкорами, военными атташе станут И. Ф. Федько, И. П. Уборевич, А. И. Корк, В. М. Примаков, П. Е. Дыбенко, Р. П. Эйдеман, И. Х. Паука, Е. И. Ковтюх, М. К. Левандовский, Н. В. Куйбышев, Н. Д. Каширин, М. И. Алафузо, И. К. Грязнов, В. С. Лазаревич, М. Я. Германович, И. И. Раудмец, М. В. Калмыков, А. Е. Карташов, Н. Н. Васильченко, Ю. В. Саблин. Все силы отдадут они укреплению обороны страны, щедро

передавая свой опыт молодым командирам, обучая бойцов науке побеждать. Трагически сложатся их судьбы. Им, готовящим армию к будущей войне, не доведется дожить до ее начала. В расцвете сил и таланта оборвется жизнь многих героев Каховки и Перекопа. Став жертвами беззакония и произвола, безвременно уйдут из жизни и многие политработники Южного фронта. Среди них члены РВС фронта Бела Кун и И. Т. Смилга, члены РВС армий Н. П. Горбунов, В. П. Затонский, Г. Л. Пятаков, Д. В. Полуян и другие. Потребуется много лет и усилий, чтобы вернуть народу их светлые имена — имена стойких солдат и комиссаров революции.

А те, кому удастся пережить предвоенное лихолетье и встретить войну в боевом строю, с честью пройдут ее испытания. Невозможно назвать здесь все имена. Вспомним лишь некоторые из них.

На весь мир прогремит слава выдающегося полководца, Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, участника боев с улагаевским десантом на Кубани. Командующим Ленинградским фронтом, Маршалом Советского Союза закончит войну артиллерист Л. А. Говоров. Уже после ее окончания маршальские погоны получит один из прославленных командармов Великой Отечественной войны, в прошлом боец 1-й Конной Армии К. С. Москаленко. Командир полка 30-й стрелковой дивизии В. И. Кузнецов станет генерал-полковником, командующим 3-й Ударной армией. Ему выпадет счастье дойти до Берлина, и его бойцы водрузят над рейхстагом Знамя Победы. Его товарищ по дивизии М. Д. Соломатин начнет войну командиром механизированной дивизии, а завершит генерал-полковником, командуя бронетанковыми и механизированными войсками фронта. Всей стране станет известно имя командующего 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко, в прошлом лихого комполка 1-й Конной. Доведется командовать армиями и генералам И. К. Смирнову и Т. И. Шевалдину. Скромный оператор штаба 15-й стрелковой дивизии А. И. Антонов в 1945 году займет пост начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Комиссар полка 51-й дивизии К. Ф. Телегин станет видным политработником, членом военных советов ряда фронтов. Командующий Повстанческой армией А. В. Мокроусов в годы Великой Отечественной войны вновь возглавит парти-

занское движение в Крыму. Но не всем суждено будет дойти до Победы. 4 августа 1941 года при прорыве кольца окружения в районе Рославля погибнет командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов. В памяти потомков и героическая судьба выдающегося военного инженера Д. М. Карбышева. Раненым попав в плен летом 1941 года, он откажется перейти на службу к фашистам и примет мученическую смерть в Маутхаузене. Звания Героя Советского Союза Д. М. Карбышев удостоится посмертно.

Но не только через военные пути-дороги пролягут судьбы бойцов и командиров Южного фронта. Известным полярником, покорителем Арктики, дважды Героем Советского Союза войдет в биографию страны отважный партизан И. Д. Папанин. Комиссар полка В. И. Шатилов, пулеметчик Н. В. Савинченко и подпольщик М. А. Москалев станут учеными-историками, профессорами, заведующими кафедрами высших учебных заведений. Останется в истории советской литературы имя В. Вишневского — писателя, драматурга, военного корреспондента, автора «Оптимистической трагедии» и «Первой Конной»...

Годы прошли. Минули десятилетия. Прошумела над степями Таврии еще одна война, и время успело поглотить ее окопы. Но осталась память о героях и подвигах, не распалась связь времен. И, уходя по тропе памяти в даль гражданской, мы вновь и вновь возвращаемся к пророческим словам В. И. Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они... отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [24].

Победа над Врангелем — одно из первых подтверждений этому.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 171.
2. Там же, т. 37, с. 13.
3. Там же, с. 122.
4. Там же, т. 35, с. 194.
5. Гражданская война в СССР. В двух томах. М., 1986, т. 2, с. 211—212.
6. Слащев Я. А. Крым в 1920 г. М.—Л., 1924, с. 37.
7. Раковский Георгий. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921, с. 11.
8. Антанта и Врангель. Сборник статей. М.—Л., 1923, вып. 1, с. 155.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 161—162.

«ПРАВИТЕЛЬ ЮГА РОССИИ»

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 239.
2. См.: Кузьмин А. Ф. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958, с. 28.
3. Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928, т. VI, с. 8.
4. Там же, с. 12.
5. Там же, с. 15.
6. Раковский Г. Указ. соч., с. 26.
7. Там же, с. 47.
8. Белое дело..., т. VI, с. 31.
9. Гражданская война на Украине. 1918—1920. Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. 3. Киев, 1967, с. 263; Борьба за власть Советов в Крыму. Симферополь, 1957, с. 249.
10. Белое дело..., т. VI, с. 43—44.
11. Там же, с. 76.
12. Там же, с. 123.
13. История гражданской войны в СССР. М., 1960, т. 5, с. 53.
14. Вольфсон Б. Конец авантюры барона Врангеля. Симферополь, 1940, с. 43.
15. Там же, с. 46.
16. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары. М.—Л., 1927, с. 419—420.
17. Там же, с. 421.
18. Белое дело..., т. VI, с. 81.
19. Там же, с. 46.
20. Липатов Н. П. 1920 год на Черном море. М., 1958, с. 40.
21. Белое дело..., т. VI, с. 88—89.
22. История гражданской войны в СССР, т. 5, с. 52.

ОПАСНОСТЬ НАРАСТАЕТ

1. Гражданская война в СССР. В двух томах, т. 2, с. 253; История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 115; Белое дело..., т. VI, с. 16.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 358.

3. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Сборник документов в 4-х томах, 1972, т. II, с. 421—422.
4. Белое дело..., т. VI, с. 34.
5. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М., 1963, с. 81, 213—219.
6. История гражданской войны в СССР. т. 5, с. 104.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 205.
8. Там же, с. 206—207.
9. Гражданская война на Украине 1918—1920, т. 3, с. 115—116.
10. Белое дело..., т. VI, с. 79.
11. Полупанов А. В. Свобода или смерть. Симферополь, 1958, с. 178.
12. Белое дело..., т. VI, с. 94.
13. Коротков И. С. Разгром Врангеля. М., 1955, с. 65; Правда, 1935, 14 ноября.
14. Они живут в памяти народной. М., 1969, с. 38.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр., т. 2. М., 1970, с. 186—187.

КАХОВКА, КАХОВКА...

1. История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 163.
2. Раковский Г. Указ. соч., с. 67; Белое дело..., т. VI, с. 115.
3. Известия ВЦИК, 1920, 18 июля.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 243.
5. История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 185.
6. Антанта и Врангель. Сборник статей. М. — Пгр., 1923, вып. 1, с. 26.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 10.
8. История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 163.
9. Этапы большого пути..., с. 328—329.
10. Там же, с. 329—330.
11. Кондратьев Н. Д. Маршал Блюхер. М., 1965, с. 174—175.
12. Слащев Я. А. Указ. соч., с. 121—122.
13. Белое дело..., т. VI, с. 17.
14. Слащев Я. А. Указ. соч., с. 145.
15. Этапы большого пути..., с. 331.

РАЗГРОМ ДЕСАНТА

1. Белое дело..., т. VI, с. 116.
2. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 438.
3. Гражданская война на Украине 1918—1920..., т. 3, с 340.
4. Голубев А. В. Врангелевские десанты на Кубани. М.—Л., 1929, с. 43.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 265.
6. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 434.
7. Голубев А. В. Указ, соч., с. 41.
8. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 437.
9. Голубев А. В. Указ. соч., с. 41.
10. Фурманов Д. А. Соч. В 2-х томах. Л., 1971, т. 1., с. 302.
11. Там же, с. 311—312.
12. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 330.

13. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 436.
14. Там же, с. 438.

«ПРИЗНАТЬ ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ФРОНТ ГЛАВНЫМ»

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 274, 441.
2. Там же, с. 442.
3. История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 165.
4. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969, с. 619, 708.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 446.
6. Гражданская война в СССР. В двух томах..., т. 2, с. 215.
7. Гражданская война на Украине..., т. 3, с 405—406.
8. Известия ЦК РКП(б), 1921, № 28, 5 марта; История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 188.
9. Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г. к V Всеукраинской партийной конференции. Харьков, 1920, с. 11; История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 188.
10. История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 188—189.
11. Двадцать лет ЛКСМ. Киев, 1939, с. 60.
12. Беляков П. Комсомол на фронтах. М., 1928, с. 176.
13. История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 189.
14. Кондратьев Н. Д. Указ. соч., с. 181—183.
15. Спатарель И. К. Против черного барона. М., 1967, с. 181.
16. Белое дело..., т. VI, с. 144, 172.
17. Гражданская война в СССР. В двух томах, т. 2, с. 292.
18. Липатов Н. П. Указ. соч., с. 36—37; Красный архив. 1930, т. 40, с. 5.
19. Кузьмин Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты, с. 52, 297.
20. Из истории гражданской войны в СССР..., т. 3, с. 148.
21. Гражданская война на Украине, т. 3, с. 362; Красный архив, 1930, № 39, с. 19; Липатов Н. П. Указ. соч., с. 39.
22. Антанта и Врангель..., с. 107.
23. Директивы Главного командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.), т. 4, с. 518; Гражданская война в СССР. В двух томах..., т. 2, с. 291—293.
24. Белое дело..., т. VI, с. 173; Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 418—419.
25. Гражданская война в СССР. В двух томах, т. 2, с. 293.
26. Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1957, т. 2, с. 48.
27. Белое дело..., т. VI, с. 185.
28. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 401.
29. Белое дело..., т. VI, с. 186.

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

1. М. В. Фрунзе. Военная и политическая деятельность. М., 1984, с. 127.
2. Правда, 1925, 1 ноября.
3. Фрунзе М. В. Избр. произв., т. 1, с. 344.
4. Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958, с. 205.

5. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978, т. 9, с. 291.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 232.
7. Шейнис З. С. Солдаты революции. М., 1981, с. 334.
8. В годы гражданской войны. Сборник документов и материалов. Иваново, 1957, с. 191.
9. Лебедев В. А., Ананьев К. В. Фрунзе. М., 1960, с. 259.
10. М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 155—156.
11. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920), с. 625, 761; Из истории гражданской войны в СССР..., т. 3, с. 401—402.
12. Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1984, с. 347—348.
13. Там же, с. 349.
14. Там же, с. 358.

В ТЫЛУ ВРАНГЕЛЯ

1. Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Симферополь, 1957, с. 214; Страницы героической летописи. Симферополь, 1981, с. 6—7.
2. Страницы героической летописи, с. 7—8.
3. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1957, ч. 2, с. 232.
4. Из истории гражданской войны в СССР..., т. 3, с. 396.
5. Белое дело..., т. VI, с. 25.
6. Макаров П. В. В двух схватках. Симферополь, 1956, с. 103—104.

ПЕРЕЛОМ

1. Белое дело..., т. VI, с. 192.
2. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 444.
3. Фрунзе М. В. Избр. произведения. М., 1957, с. 380.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 295.
5. Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928, с. 81.
6. М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1985, с. 169.
7. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 420.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 340.
9. Гражданская война в СССР. В двух томах, т. 2, с. 299.
10. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 439.
11. М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны..., с. 365.
12. Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. М., 1984, с. 102.
13. Там же.
14. Белое дело..., т. IV, с. 206.
15. 51-я Перекопская дивизия. М., 1925, с. 323.
16. Этих дней не смолкнет слава. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1963, с. 41—42.
17. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 459.
18. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 446.
19. Там же.
20. Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1984, с. 116.

21. Советская кавалерия..., с. 103.
22. Душенькин В. В. Пролетарский маршал. М., 1973, с. 54.
23. Этих дней не смолкнет слава..., с. 43—44.
24. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920), с. 773.
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 307.
26. Белое дело..., т. VI, с. 208.
27. Гражданская война в СССР..., т. 2, с. 306.
28. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983, с. 284.
29. История гражданской войны в СССР..., т. 5, с. 199.
30. Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия, с. 145—146.
31. Исторический архив, 1959, № 6, с. 33.

КОНТРУДАР

1. Борьба за Советскую власть в Крыму. Симферополь, т. 2, с. 289.
2. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 485.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 321.
4. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 492—493.
5. Этих дней не смолкнет слава..., с. 44—45.
6. Душенькин В. Н. Указ. соч., с. 56.
7. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 485, 488—489.
8. Советская кавалерия..., с. 108.
9. Там же, с. 109.
10. Революционные латышские стрелки. Рига, 1985, с. 315.
11. Фрунзе М. В. Указ. соч., с. 117.
12. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 497—498.
13. Там же, с. 495.
14. Там же.
15. Белое дело..., т. VI, с. 226.
16. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 406—407.

ДАЕШЬ КРЫМ!

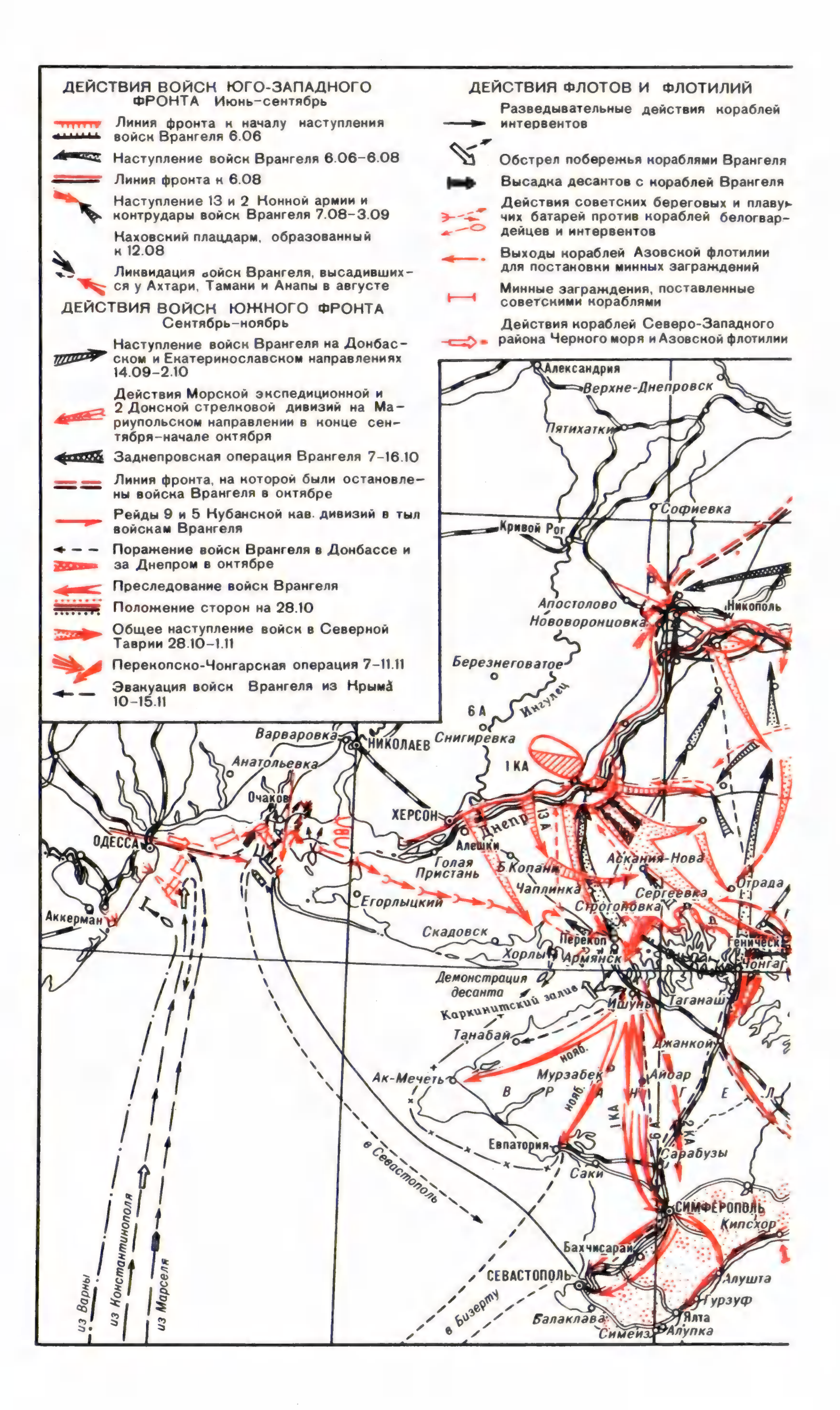
1. Фрунзе М. В. Указ. соч., с. 102—103.
2. Белое дело..., т. VI, с. 228—229.
3. Южные ведомости, 1920, 10 ноября.
4. Известия ВЦИК РСФСР, 1920, 2 ноября.
5. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары..., с. 457.
6. Гражданская война в СССР. В двух томах, т. 2, с. 312.
7. Борьба классов, 1935, № 12, с. 42.
8. Защита Великого Октября, с. 176.
9. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 496—497.
10. Годы борьбы и побед..., с. 104—106.
11. М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны..., с. 429.
12. Годы борьбы и побед..., с. 110—112.
13. Этих дней не смолкнет слава..., с. 47—48.

ГЕРОИ ПЕРЕКОПА И ЧОНГАРА

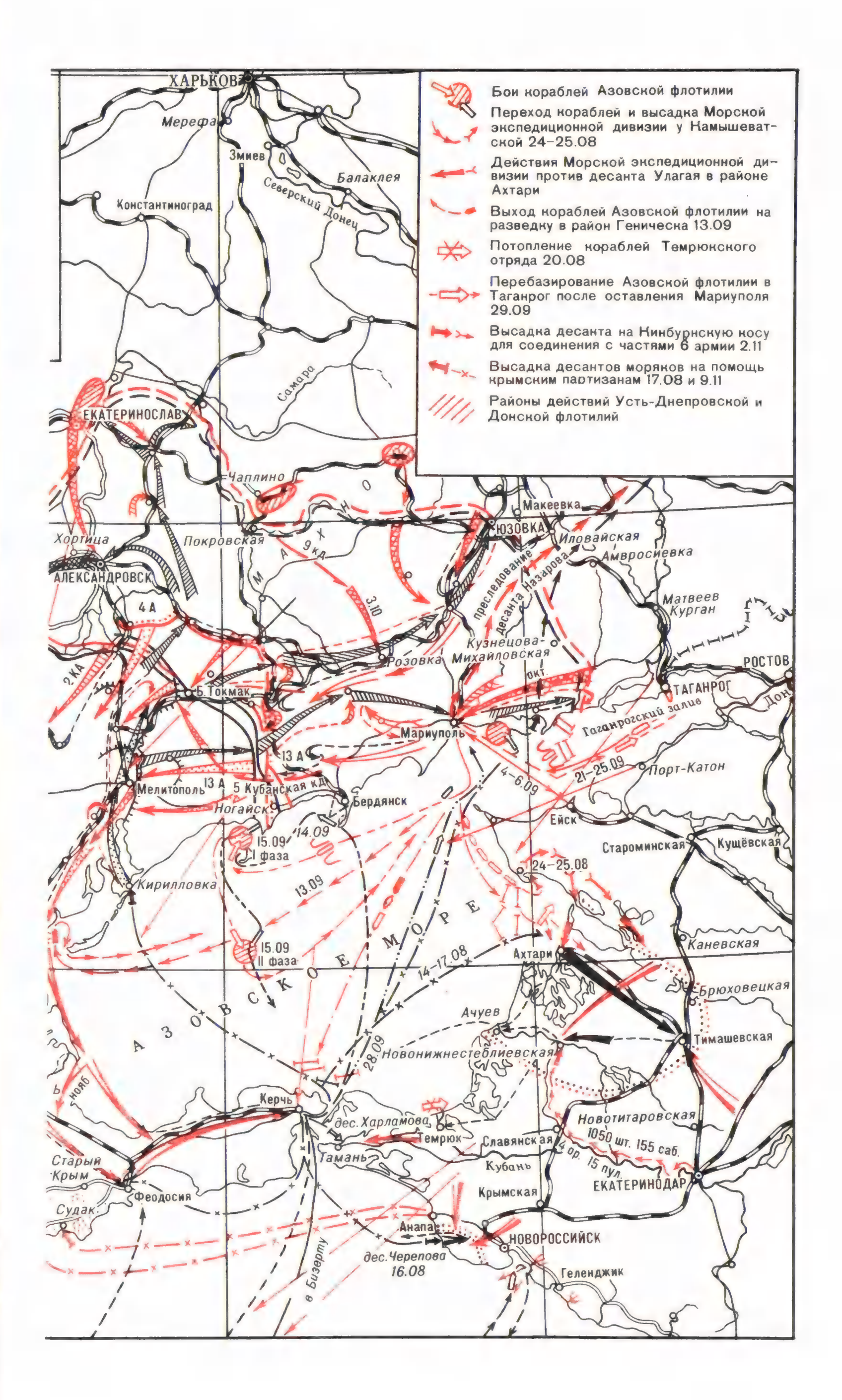
1. Революцией призванные. Симферополь, 1977, с. 131.
2. Фрунзе М. В. Указ. соч., с. 106.
3. Там же, с. 109.
4. Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963, с. 143.
5. В огне революционных боев. Воспоминания. Симферополь, 1957, с. 112.
6. Фрунзе М. В. Указ. соч., с. 109—110.
7. М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников, с. 172.
8. М. В. Фрунзе. Жизнь и деятельность. М., 1962, с. 250.
9. Этих дней не смолкнет слава..., с. 49.
10. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 501—502.
11. Там же, с. 505.
12. Фрунзе М. В. Указ. соч., с. 117.
13. Там же, с. 110—111.
14. Спатарель И. К. Указ. соч., с. 239.
15. В пламени и славе. Симферополь, 1972, с. 198.
16. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 507.
17. Перекоп. Сборник воспоминаний. М.—Л., 1941, с. 244.
18. В пламени и славе..., с. 91—92.
19. Революционные латышские стрелки, с. 324.
20. Датюк Н. Штурм Перекопа. М., 1939, с. 72.

«ЮЖНЫЙ ФРОНТ ЛИКВИДИРОВАН»

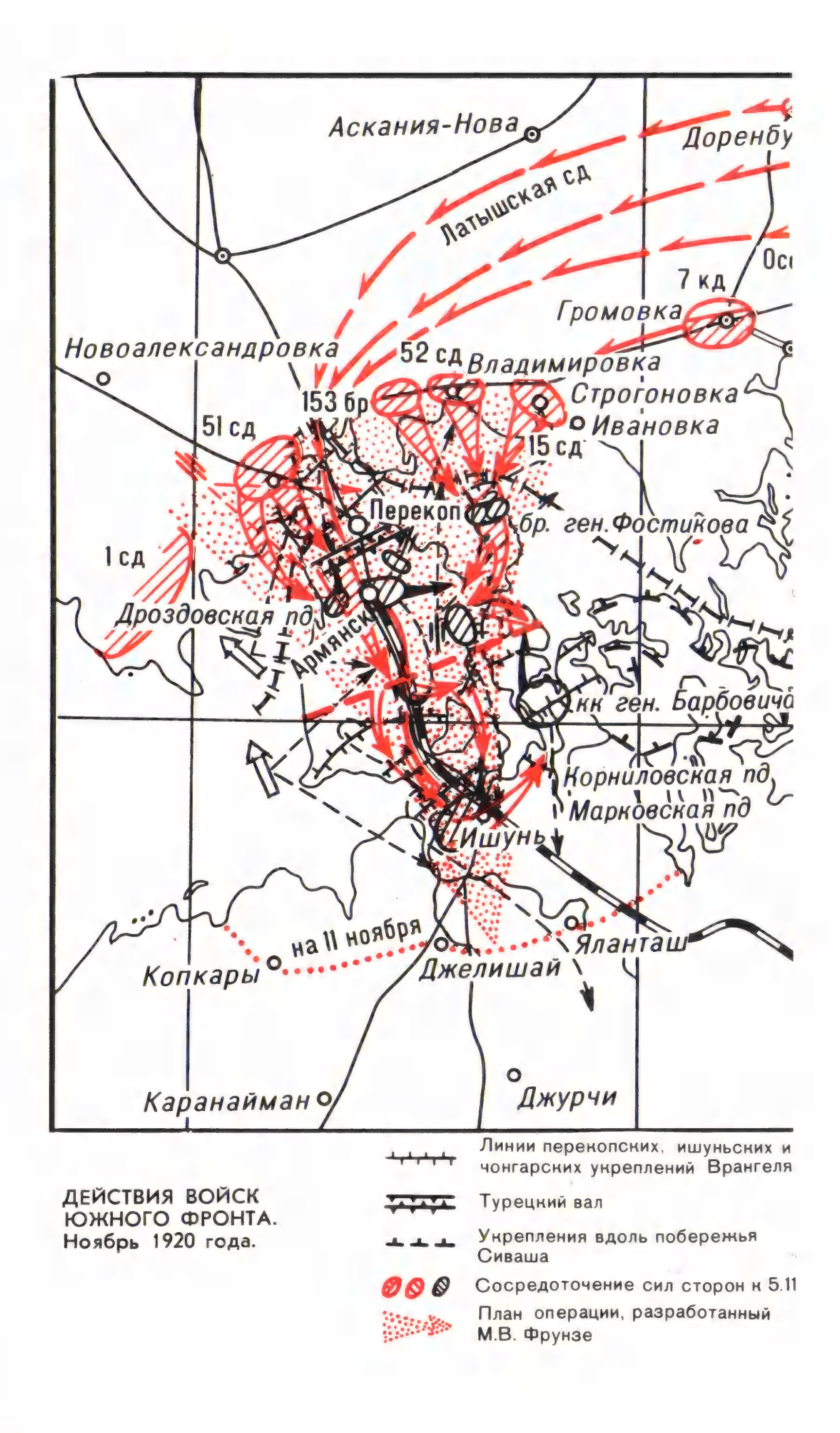
1. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 508.
2. Фрунзе М. В. Указ. соч., с. 419.
3. Белое дело..., т. VI, с. 238.
4. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 509—510.
5. М. В. Фрунзе. Военная и политическая деятельность, с. 153.
6. Этих дней не смолкнет слава..., с. 50—51.
7. Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия, с. 66.
8. Макаров П. Указ. соч., с. 120.
9. Борьба за Советскую власть в Крыму, т. 2, с. 280.
10. В огне революционных боев..., с. 167—168.
11. Там же, с. 173.
12. Белое дело..., т. VI, с. 240—241.
13. Калинин И. Под знаменем Врангеля. Л., 1935, с. 173.
14. Раковский Г. Указ. соч., с. 186.
15. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1964, ч. 2, с. 275—276.
16. Белое дело..., т. VI, с. 241.
17. Федоров Г. Путешествие без сантиментов. Воспоминания беженца. М.—Л., 1926, с. 8.
18. Калинин И. Указ. соч., с. 174—175.
19. Борьба за Советскую власть в Крыму, т. 2, с. 315.
20. Советская культура, 1988, 21 мая.
21. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922), т. 3, с. 516.
22. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 129—130.
23. Советская Россия, 1988, 10 июля.
24. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 315.

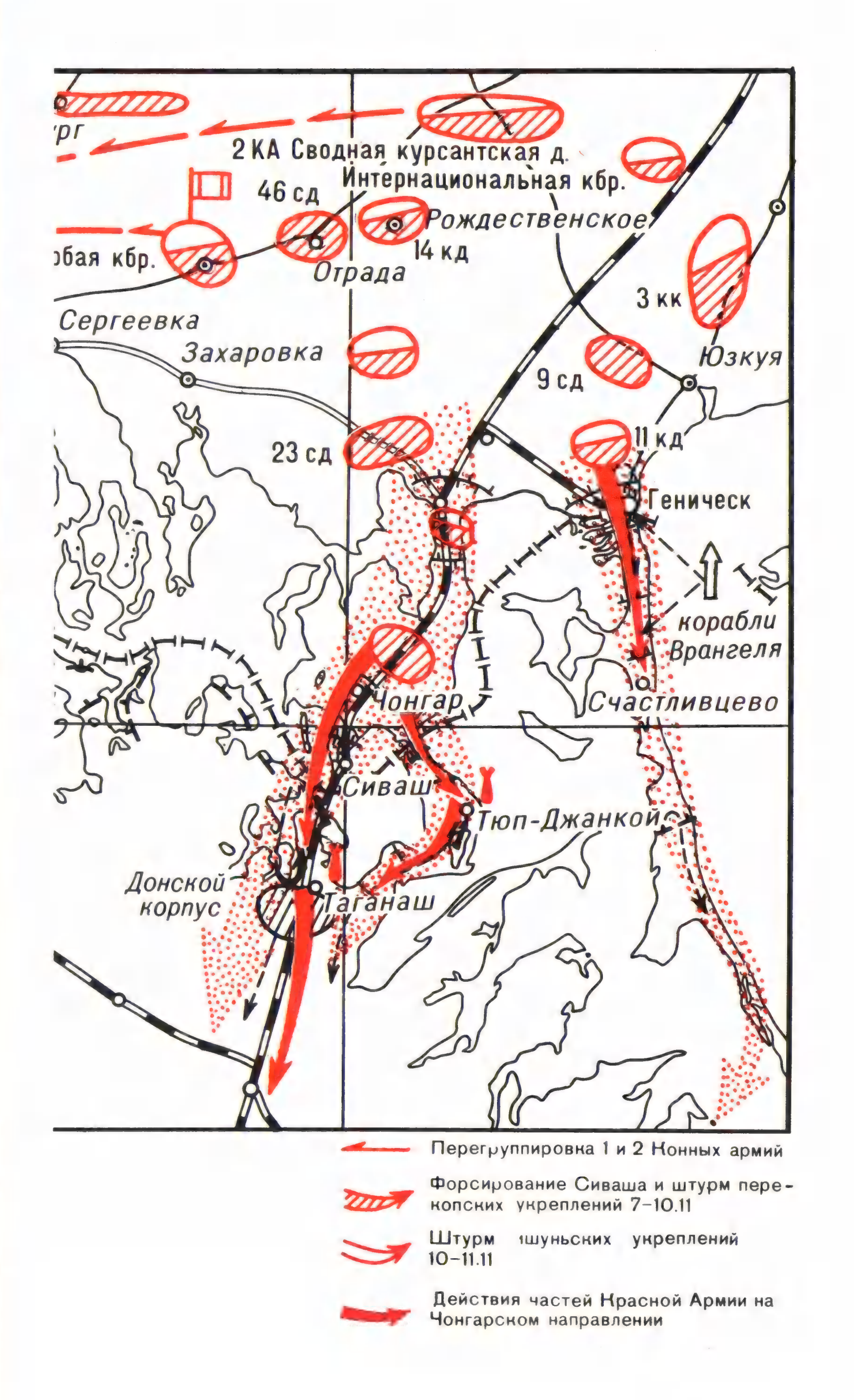
ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА Июнь–сентябрь
Линия фронта к началу наступления войск Врангеля 6.06
Наступление войск Врангеля 6.06–6.08
Линия фронта к 6.08
Наступление 13 и 2 Конной армии и контрудары войск Врангеля 7.08–3.09
Каховский плацдарм, образованный к 12.08
Ликвидация войск Врангеля, высадившихся у Ахтари, Тамани и Анапы в августе
ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК ЮЖНОГО ФРОНТА Сентябрь–ноябрь
Наступление войск Врангеля на Донбасском и Екатеринославском направлениях 14.09–2.10
Действия Морской экспедиционной и 2 Донской стрелковой дивизий на Мариупольском направлении в конце сентября–начале октября
Заднепровская операция Врангеля 7–16.10
Линия фронта, на которой были остановлены войска Врангеля в октябре
Рейды 9 и 5 Кубанской кав. дивизий в тыл войскам Врангеля
Поражение войск Врангеля в Донбассе и за Днепром в октябре
Преследование войск Врангеля
Положение сторон на 28.10
Общее наступление войск в Северной Таврии 28.10–1.11
Перекопско-Чонгарская операция 7–11.11
Эвакуация войск Врангеля из Крыма 10–15.11
ДЕЙСТВИЯ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ
Разведывательные действия кораблей интервентов
Обстрел побережья кораблями Врангеля
Высадка десантов с кораблей Врангеля
Действия советских береговых и плавучих батарей против кораблей белогвардейцев и интервентов
Выходы кораблей Азовской флотилии для постановки минных заграждений
Минные заграждения, поставленные советскими кораблями
Действия кораблей Северо-Западного района Черного моря и Азовской флотилии
Александрия
Верхне-Днепровск
Пятихатки
Софиевка
Кривой Рог
Апостолово
Никополь
Нововоронцовка
Березнеговатое
Ингулец
6 А
Снигиревка
Варваровка
НИКОЛАЕВ
Анатольевка
Очаков
1 КА
ХЕРСОН
Днепр
13 А
ОДЕССА
Алешки
Голая Пристань
Б. Копани
Аскания-Нова
Чаплинка
Сергеевка
Отрада
Строгоновка
Аккерман
Егорлыцкий
Скадовск
Перекоп
Геническ
Хорлы
Армянск
Чонгар
Демонстрация десанта
Ишунь
Таганаш
Каркинитский залив
Танабай
Джанкой
Ак-Мечеть
Мурзабек
Айоар
Евпатория
Сарабузы
Саки
в Севастополь
СИМФЕРОПОЛЬ
Кипсхор
Бахчисарай
СЕВАСТОПОЛЬ
Алушта
Гурзуф
Ялта
Балаклава
Алупка
Симеиз
в Бизерту
из Варны
из Константинополя
из Марселя

Бои кораблей Азовской флотилии
Переход кораблей и высадка Морской экспедиционной дивизии у Камышеватской 24–25.08
Действия Морской экспедиционной дивизии против десанта Улагая в районе Ахтари
Выход кораблей Азовской флотилии на разведку в район Геническа 13.09
Потопление кораблей Темрюкского отряда 20.08
Перебазирование Азовской флотилии в Таганрог после оставления Мариуполя 29.09
Высадка десанта на Кинбурнскую косу для соединения с частями 6 армии 2.11
Высадка десантов моряков на помощь крымским партизанам 17.08 и 9.11
Районы действий Усть-Днепровской и Донской флотилий
ХАРЬКОВ
Мерефа
Змиев
Балаклея
Северский Донец
Константиноград
Самара
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
Чаплино
МАХНО
Покровская
9 кд
Хортица
АЛЕКСАНДРОВСК
4 А
2 КА
Б. Токмак
13 А
Мелитополь
5 Кубанская кд
Ногайск
Бердянск
Розовка
Мариуполь
Кузнецова-Михайловская
Макеевка
ЮЗОВКА
Иловайская
Амвросиевка
преследование десанта Назарова
Матвеев Курган
ТАГАНРОГ
РОСТОВ
Дон
Таганрогский залив
Порт-Катон
21–25.09
4–6.09
Ейск
Староминская
Кущёвская
24–25.08
15.09 I фаза
14.09
13.09
Кирилловка
15.09 II фаза
АЗОВСКОЕ МОРЕ
14–17.08
Ахтари
Каневская
Брюховецкая
Ачуев
Тимашевская
Новонижнестеблиевская
28.09
Керчь
дес. Харламова
Темрюк
Славянская
Новотитаровская
1050 шт. 155 саб.
4 ор. 15 пул.
Кубань
ЕКАТЕРИНОДАР
Старый Крым
Феодосия
Судак
Тамань
Крымская
Анапа
НОВОРОССИЙСК
дес. Черепова 16.08
Геленджик
в Бизерту
нояб

ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК ЮЖНОГО ФРОНТА.
Ноябрь 1920 года.

рг
2 КА Сводная курсантская д.
Интернациональная кбр.
46 сд
Рождественское
бая кбр.
Отрада
14 кд
3 кк
Сергеевка
Захаровка
Юзкуя
9 сд
23 сд
11 кд
Геническ
корабли
Врангеля
Чонгар
Счастливцево
Сиваш
Тюп-Джанкой
Донской
корпус
Таганаш
Перегруппировка 1 и 2 Конных армий
Форсирование Сиваша и штурм перекопских укреплений 7–10.11
Штурм ишуньских укреплений 10–11.11
Действия частей Красной Армии на Чонгарском направлении

ОГЛАВЛЕНИЕ

16
ноября
1920

ИБ № 6320

Акулов Михаил Родионович
Петров Вадим Петрович

16 НОЯБРЯ 1920

Заведующий редакцией **А. Житнухин**
Редактор **И. Андреев**
Художественный редактор **М. Решетько**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **Т. Контиевская, Н. Хасаия**

Сдано в набор 29.12.88. Подписано в печать 04.07.89. А00928. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 50,82. Учетно-изд. л. 12,9. Тираж 75 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 2885.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

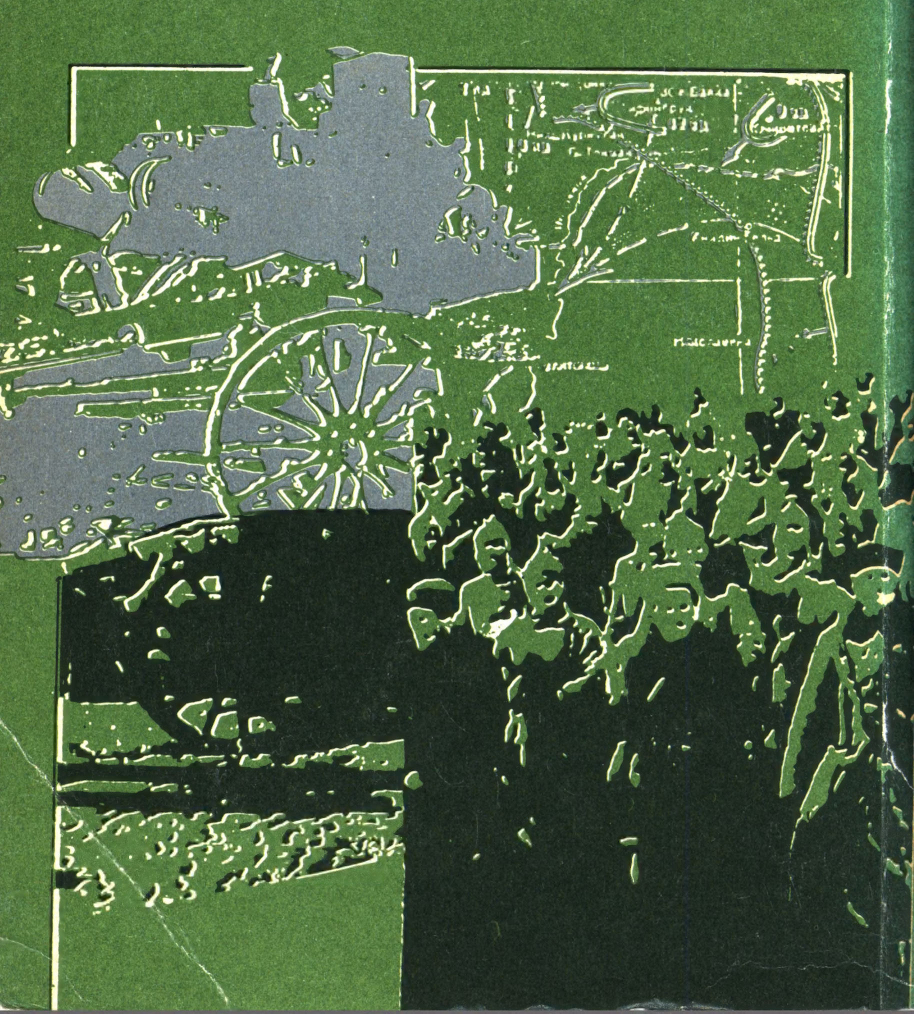
ISBN 5-235-00746-8

70 коп.

16 ноября 1920

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

М. Акулов *В. Петров* | 16 ноября 1920